ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Петр Шорников

НАРОДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В МОЛДАВИИ

Очерки истории

Тирасполь
ИСПИРР
2018

271.22(478)-9
Ш 795

Научная редакция:
В.Я. Гросул, доктор ист. наук, проф. (Москва)
Н.В. Бабилунга, канд. ист. наук, проф. (Тирасполь)
В.А. Содоль, канд. ист. наук, доц. (Тирасполь)

Рецензенты:
С.М. Назария, канд. ист. наук, доктор политич. наук, проф. (Кишинев)
В.Н. Стати, доктор ист. наук (Кишинев)
И.П. Шорников, канд. ист. наук, доц. (Тирасполь)

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAŢIONALE A CĂRŢII

Шорников, Петр.
Народное православие в Молдавии: Очерки истории / П. Шорников; науч. ред.: В.Я. Гросул [и др.]. – Тирасполь: ИСПИРР, 2018 (ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»). – 232 p.: fot.
Referinţe bibliogr.: p. 226–227 (21 tit.) şi în subsol. – 100 ex.
ISBN 978-9975-3162-9-3.
271.22(478)-9
Ш 795

История Церкви – важная часть истории любой страны, и как таковая представляет собой научный и познавательный интерес. В данную книгу включены очерки о роли православия и Православной церкви в формировании молдавской этнокультурной идентичности и геополитической ориентации населения Молдавии в средние века, о народном православии, независимом от Церкви, об отношениях Русской и Румынской православных церквей, об участии священнослужителей и верующих в общественной борьбе в Бессарабии в 1918–1940 гг. и в годы Великой Отечественной войны, о деятельности румынской церковной миссии в Буго-Днестровской области в 1941–1944 гг.

Работа рассчитана на ученых, священнослужителей, студентов и всех интересующихся историей Церкви.

ISBN 978-9975-3162-9-3

© Шорников П., 2018.
© ИСПИРР, 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

I. Стержень молдавской самобытности 13

II. Три ипостаси митрополита Гавриила 30

III. Драма за Прутом 37

IV. Народное православие в Бессарабии: «автономизм» и защита церковных традиций 63

V. Иеремия Чекан, его «дело» и деяния 111

VI. Церковное воссоединение 130

VII. Церковь в Губернаторстве Бессарабия: оккупационная реставрация 141

VIII. Буго-Днестровская область: повторное воцерковление или православный Реннесанс? 183

IX. Молдавская церковь на завершающем этапе войны 196

X. Монастыри Молдавии: времена «церковного сталинизма» и «хрущевских гонений» 207

Заключение 210

Приложения

1. Послание Святейшего Патриарха Тихона Священному Синоду Румынской Церкви по поводу отторжения ею Кишиневской епархии Российской Православной Церкви Священному Синоду Румынской Церкви. 10(7)1918. 214

2. Послание Святейшего Патриарха Тихона Председателю Синода Румынской Церкви, митрополиту Молдавскому и Сочавскому Пимену [Джорджеску] по вопросу об отторжении Кишиневской епархии Российской Православной Церкви Синодом Румынской Церкви. 23.05(05.06)1918. 218

3. Меморий «О праве русского меньшинства в Румынии, исповедующего православную веру, иметь самостоятельную церковную организацию и совершать богослужение в соответствии со своим церковным укладом». 5 июня 1930 г. 220

Список работ автора по теме данной книги 226

Об авторе 228

1030-летию крещения Руси
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Вера в Бога как форма общественного сознания и Церковь как общественный институт играли важную роль во внутриполитической борьбе и межгосударственных отношениях не только во времена Крестовых походов. В XX веке для Православной церкви Молдавии период потрясений наступил в 1917 г., когда в России разразилась революция. Затем последовали полный общественных бедствий и протестов 22-летний период румынской оккупации Бессарабии, церковное воссоединение 1940–1941 гг. и трагические годы Великой Отечественной войны. При этом во всех конфликтах воюющие стороны использовали лозунги защиты веры и пытались поставить себе на службу церковные структуры. Поэтому история Молдавской церкви этих времен представляет собой особый научный и познавательный интерес.

В конце XX века изучение истории Церкви актуализировано церковной агрессией, развернутой после краха СССР правящими кругами Румынии. 8 сентября 1992 г. на съезде молдавского духовенства в Кишиневе было выражено почти единодушное желание остаться в юрисдикции Московской патриархии. Однако уже через неделю, 14 сентября, группа недовольных иереев провела отдельную «епархиальную ассамблею» и заявила о создании отдельной «Бессарабской митрополии» и о переходе в Румынскую церковь. Синодом Русской православной церкви участники этой акции викарный епископ Бельцкий Петр Пэдурару и протоиерей Петр Бубуруз 20 октября были запрещены в священнослужении. Однако патриархат Румынии, нарушая каноны межцерковных отношений, 19 декабря 1992 г. без отпускных грамот принял их в Румынскую православную церковь и объявил «возобновленной» деятельность Бессарабской митрополии. Таким образом, была осуществлена «реактивация» оккупационного учреждения 1918–1944 гг. – митрополии Бессарабии.

Политический характер операции по созданию в Республике Молдова церковной структуры, подчиненной Бухаресту, ее участники не скрывают. Учитывая прискорбный для РумПЦ опыт борьбы с движе-

нием старостильников в Бессарабии в 20-е – 30-е гг., антиканоничная «митрополия» не требует от верующих отказа от богослужения по Юлианскому календарю. Ее служители постоянно подчеркивают, что богослужение в ней ведется «по старому стилю»[1]. При этом предпринимались попытки захвата храмов Молдавской церкви Московского патриархата и переманивания ее священников высокими окладами[2].

Верховный суд Республики Молдова около десяти лет противился иностранному вторжению на каноническую территорию Молдавской митрополии РПЦ, отказывая Бессарабской митрополии РумПЦ в регистрации. Однако 23 апреля 2002 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию «О функционировании демократических институтов в Молдове», по существу призванную легализовать подрывную операцию Бухареста[3]. Соответствующее решение по делу «Церковь Бессарабской митрополии против Молдовы» принял Европейский суд по правам человека[4]. 30 июля 2002 г. правительство Республики Молдова уступило давлению католиков и протестантов Запада, политический раскол православных верующих Молдавии был закреплен официально.

Новым этапом в подрывной работе, проводимой Бухарестом при посредстве Церкви, стало насаждение Бессарабской митрополией своих подразделений на Украине, в России, Казахстане. 24 октября 2007 г. Синод Румынской православной церкви заявил о создании в составе Румынской патриархии семи новых епископатов. Три из них решено возродить на территории Республики Молдова и Украины: Бельцкого, Южной Бессарабии и «епископата Дубоссар и всего Приднестровья»[5]. Подобная структура учреждена для окормления влахов (арумын) в Сербии.

---

[1] A se vedea: Sabin Verzan. Eveniment istoric la Patriarhia Română: Reactivarea Mitropoliei Basarabiei, autonomă şt de stil vechi, on rev. „Biserica Ortodoxă Română". Bucureşti. 1992. Nr. 11–12. P. 8–69; Adevărul despre Mitropolia Basarabiei. Bucureşti. 1993; Mitropolia Basarabiei şi alţii contra Moldovei. Chişinău. 2004.

[2] http://www.pravosudie.biz/460561.

[3] См.: Шорников П. Евродиктат. Коммунист [Кишинев], 2002. 15 мая.

[4] Дело «Бессарабская церковь против Республики Молдова». Режим доступа: https://www.yandex.ru/search/?lr=10317&clid=2175661&text=%D0%....

[5] В Тираспольской и Дубоссарской епархии обеспокоены намерением Румынской церкви учредить новые епархии на территории Молдавии и Приднестровья. http://www.patriarchia.ru/db/text/314716.html.

Румынская и унионистская молдавская историографии нацелены на историческое «обоснование» церковной агрессии Румынии. Наиболее спорный характер носит разработка тематики церковной политики Румынии на оккупированных территориях – в Бессарабии (1918–1940 гг.) и в Молдавии и юго-западных областях Украины в период войны против СССР (1941–1944 гг.). В монографии «Бессарабия во Второй мировой войне» кишиневский историк-румынист А. Петренку[6] опубликовал некоторые статистические данные, характеризующие состояние Бессарабской церкви в годы войны, но попытался снять с Румынского государства ответственность за церковную политику, проводимую официальным Бухарестом, возложив всю вину на диктатора Иона Антонеску. Фундаментальный вопрос о правомерности вторжения патриархата Румынии на каноническую территорию Русской церкви он обошел вниманием. Борьбу с иноверием и сектантством румынские власти вели, якобы, гуманными методами.

Исследование истории Молдавской церкви и попытки использования их результатов в целях геополитической переориентации населения Молдавии активизировались в первое десятилетие XXI века. В Кишиневе был издан ряд работ, в которых дана негативная трактовка церковной политики советских властей[7]. Общим недостатком этих публикаций является политическая тенденциозность авторов, игнорирование ими имеющихся в научном обороте данных, противоречащих принятым ими концепциям, и стремление уклониться от дискуссий с оппонентами, свидетельствующее об отсутствии научных аргументов. Более объективны авторы работ, направленных на выяснение частных вопросов церковной истории[8].

Преодолеть тенденциозность трактовок отношений Государства и Церкви, укоренившихся в прорумынской историографии в 90-е гг., пытались участники ежегодных Покровских чтений, проводимых

---

[6] A se vedea: Petrencu A. Basarabia in al doilea razboi mondial. 1940–1944. Chisinau, 1997.

[7] См.: Иосиф (Павлинчук), иеромонах. Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь. 2004; Tihonov L. Politica statului sovietic faţă de cultele din RSS Moldovenească. Chişinău. 2004; Beşleagă V. Cruci răsturnate de regim. Mănăstirea Răciula. 1959. Chişinău, 2006; Panas M. Istoria Bisericii Ortodoxe din Republica Moldova. Chişinău, 2009.

[8] См.: Флоринский Н. Памяти архиепископа Венедикта (Полякова). Кишинев, 2001; Иеромонах Ириней (Тафуня). История Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря. Ново-Нямецкий монастырь. 2004.

Приднестровским государственным университетом им. Т.Г. Шевченко в Тирасполе. Материалы чтений публиковались под грифом Молдавской митрополии и Тираспольско-Дубоссарской епархии. Всего было издано 11 сборников. Упрекая приднестровских историков в нелюбви «ко всему румынскому», т.е. в научной объективности и уважении к молдавской этнокультурной самобытности, их публикации, посвященные периоду 1941–1944 гг., даже автор-румынист признает хорошо документированными[9].

Источниковую базу научных исследований по этой тематике решающим образом обогатило издание академиком Национальной академии наук Молдовы В.И. Пасатом первого тома 4-томного сборника документов «Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991»[10], снабженного предисловием концептуального характера «Православие в Молдавии: Краткий исторический очерк (1940–1953)». Историком отмечено бытование в Молдавии феномена народного православия, независимого от позиции государства и даже священнослужителей: верующие выступали в защиту Церкви и традиций православия и в случаях, когда духовенство увещевало их не делать этого. Однако периоды румынской оккупации Бессарабии 1918–1940 гг. и немецко-румынской оккупации Молдавии в годы Великой Отечественной войны не получили в сборнике отражения.

Тиражирование результатов научных исследований в сфере истории Церкви отстает от процесса накопления новых данных, заслуживающих рассмотрения. Это обстоятельство позволяет авторам, творящим в русле концепции «история румын», по-прежнему игнорировать наличие в научном обороте сведений, противоречащих постулатам румынизма, и альтернативных трактовок событий прошлого. Такой подход румынских авторов отчасти объясним незнанием ими русского языка, но их молдавские единомышленники поступают таким же образом сознательно, в отсутствие контраргументов. И те, и другие продолжают эксплуатировать тему антицерковных гонений времен советской власти, а отношения Бессарабской церкви и официального Бухареста во

---

[9] Ciorbă V. Istoria Bisericii Ortodoxe din Basarabia şi Transnistria. (1940–2010). Chişinău, 2011. P. 17.

[10] См.: Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991: Сб. докум. в 4-х т. Т. 1: 1940–1953 / Отв. ред., сост. и авт. предисл. В. Пасат. М.: РОССПЭН, 2009.

времена оккупаций 1918–1940 и 1941–1944 гг. пытаются представить как процесс благостного сотрудничества во имя христианской веры.

Наиболее показательное сочинение этого плана – книга преподавателя богословского факультета Национального университета Молдовы Вячеслава Чорбэ[11]. Им дано краткое изложение содержания публикаций – главным образом румынских – по истории Православной церкви Бессарабии, а также написанных с позиций румынизма очерков положения Церкви в Бессарабии и Буго-Днестровской области в межвоенный период и в годы второй мировой войны. Кроме нескрываемой тенденциозности автора недостатком книги является некритичное использование им малодостоверных материалов румынских мемуаристов и даже измышлений военной пропаганды режима Антонеску[12], уже разоблаченных как выдумки. Однако не лишены научного интереса приведенные в книге сведения о критике «церковников» учителями, молодежью, даже крестьянами Бессарабии, о вторжениях атеистов в храмы, об оскорблениях священников прохожими на улицах. Эти действия характеризуют не церковную политику государства, а отношение граждан к лицам, ранее служившим румынским властям.

Политика истории Церкви, проводимая в Республике Молдова, направлена против интересов существующей государственности. Кампания восхваления Гурия Гроссу[13], назначенного Бухарестом в 1920 г. главой Бессарабских епархий, наводит на мысль о подготовке его канонизации. В Румынии создан культ митрополита Виссариона Пую, главы румынской церковной миссии в Буго-Днестровской области в 1942–1943 гг. В этих условиях политически наиболее актуальны изучение вопросов истории церковной политики Румынии на оккупированных территориях в период т.н. «Европейской гражданской войны»[14] 1917–1945 годов и популяризация результатов научных исследований.

Пополнение документальной базы исследований и развертывание научных дискуссий позволили исследователям истории Молдавской

---

[11] Ciorbă V. Op.cit.

[12] Vezi: Basarabia dezrobită. F. l. 1942.

[13] A se vedea: Mitropolitul Gurie: Misiunea de credinţă şi cultură. Chişinău: Epigraf, 2007.

[14] Термин этот ввел в научный оборот германский историк Эрнст Нольте: Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Berlin, Propyläen, 1987 (5. Auflage München (Herbig) 1997). Русское издание: Эрнст Нольте. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003.

церкви Н.В. Стратулату (Санкт-Петербургская православная духовная академия) и В.А. Содолю (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко) подготовить монографии, написанные с позиций научной объективности. Не замалчивая конфликтных сюжетов в отношениях Государства и Церкви в советский период, они раскрыли также моменты их сотрудничества. Сведения о положении Православной церкви Бессарабии в 1918–1940 гг. и на территории Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны, имеющиеся в литературе, изданной на русском и молдавском языках, Н.В. Стратулат дополнил материалами из публикаций ряда зарубежных авторов. Заслугой обоих исследователей стало введение в научный оборот ценного комплекса документальных данных, почерпнутых в архивах Кишиневско-Молдавской митрополии и Тираспольско-Дубоссарской епархии. Текст диссертации Н.В. Стратулата «Православная Церковь в Молдавии в контексте истории молдавско-румынских межцерковных отношений в XX веке» помещен в Интернет[15], а В.А. Содоль опубликовал монографию «Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность»[16].

В молдавском обществе нарастает интерес также к судьбам молдаван Пруто-Карпатской Молдавии, в 1859 г. объединенной с Валахией, особенно к событиям 3 (15) апреля 1866 г. в Яссах, замалчиваемым историками Румынии. Редактор выходящего в Кишиневе журнала «Русин» С.Г. Суляк пополнил источниковую базу исследований по этой теме, опубликовав документы российской таможни в Скулянах, служащие которой опрашивали участников выступления, вынужденных бежать в пределы Российской империи[17]. Используя богатую документацию, в том числе вводимую в научный оборот впервые, а также пу-

---

[15] Режим доступа: http://libed.ru/knigi-nauka/452762-1-ministersterstvo-selskogo-hozyaystva-rossiyskoy-federacii-fgbou-vpo-kubanskiy-gosudarstvenniy-agrarniy-univers.php. См. также: Стратулат Н.В. Церковная политика Румынии на территории Молдавии в XX – начале XXI века: историография и источники // Покровские чтения. Кн. 11. Сб. науч. докладов. Тирасполь, 2010. С. 42–47.

[16] Содоль В.А. Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность (1944–1962 гг. Тирасполь, 2015. Подробнее см.: Шорников П. Монастыри Молдавии: времена «церковного сталинизма» и «хрущевских гонений» // Русское слово [Кишинев], 2015. № 41 (536). 20 ноября.

[17] См.: Суляк С. Выступление молдаван против объединения с Валахией (О событиях, произошедших 3 апреля 1866 г. в Яссах) // Русин, 2009. № 2 (16).

бликации румынских историков, историю молдавского сопротивления политике румынизации накануне и после объединения Молдавского княжества с Валахией рассмотрел В.Я. Гросул[18]. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет данный в монографии очерк истории церковной политики князя А.И. Кузы.

Большая часть трудов, посвященных истории Церкви, написана по методу, сформулированному В.И. Пасатом: «Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие». Исследуя историю молдавской этнокультурной идентичности, историю Бессарабии межвоенного периода и Молдавии времен Великой Отечественной войны, в соответствии с названной схемой разрабатывал сюжеты церковной истории и автор этой книги[19]. Задачей данного исследования является поиск ответов на вопросы о том, какими были в Молдавии отношения между Государством и Церковью, между клиром и верующими в Средневековье и в периоды политических бурь и потрясений XIX и XX вв. Другая наша задача – изучение роли церковных структур Румынии в проведении политики Бухареста на оккупированных территориях Советского Союза в 1918–1940 и 1941–1944 гг.

Однако главное внимание уделено в книге изучению феномена народного православия, ярко проявившегося в Бессарабии межвоенного периода в сопротивлении духовенства и верующих переводу бессарабских епархий Российской православной церкви под управление Румынской митрополии, в движениях за автономию Бессарабской церкви, в защиту богослужения по старому стилю, за право священников и мирян на сохранение богослужения на церковнославянском языке и использование русского языка в церковном обиходе и в общении верующих со священнослужителями. Уделено также внимание персонификации истории народного православия, поиску ответов на вопросы о том, в чем заключалось участие священнослужителей в политической жизни? Кто и каким образом организовывал сопротивление церковной агрессии Румынии?

При написании данной книги использованы сборники документов и литература по теме исследования, а также фонды:

---

[18] См.: Гросул В.Я. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.). Кишинев, 2014.

[19] См.: «Публикации автора по теме данной книги».

Национального архива Республики Молдова (НА РМ):
Ф. 706 (Губернаторство Бессарабия, 1941–1944 гг.).
Ф. 680 (Областной инспекторат полиции, 1918–1940, 1941–1944 гг.).
Ф. 679 (Квестура полиции Муниципия Кишинев, 1918–1940, 1941–1944 гг.).
Ф. 1894 (Местная администрация Бессарабии, 1941–1944 гг.).
Ф. 2067 (Префектура Дубоссарского уезда, 1941–1944 гг.).
Ф. 1748 (Префектура Тигинского (Бендерского) уезда, 1941–1944 гг.).

Одесского областного государственного архива (ООГА):
Ф. 2252 (Губернаторство Транснистрия, 1941–1944 гг.).

Газеты:
Cuvînt Moldovenesc (Кишинев, 1918); România Nouă (Кишинев, 1918); Cuvîntul (Кишинев, 1929); Ordinea (Бухарест, 1929); Universul (Бухарест, 1931); Scutul naţional (Бухарест, 1929); Raza/Свет (Кишинев, 1931); Cuvîntul Basarabiei (Кишинев, 1931); Universul (Бухарест, 1931); Luminătorul (Кишинев, 1934); Христианская победа (Кишинев, 1930, 1934, 1935); Христианский телеграфъ (Кишинев, 1934); Universul (Бухарест, 1934); Наше объединение (Кишинев, 1935); Neamul Românesc (Кишинев, 1938); Молдова сочиалистэ (Кишинев, 1941); Basarabia (Бухарест, 1941–1944); Raza (Кишинев, 1941–1944); Cuvînt Moldovenesc (Кишинев, 1943); Cetatea Hotinului (Хотин, 1943).

I. СТЕРЖЕНЬ МОЛДАВСКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Православие и формирование молдавской этнокультурной идентичности и молдавской государственной идеи

Молдавская культура, система молдавских национальных ценностей, молдавские традиции, сам дух народа и молдавская государственность сложились под влиянием православия как общепринятой веры и Молдавской церкви как постоянно действующего общественного института.

Роль православия и Молдавской церкви в духовной, политической и культурной консолидации молдавской народности издавна привлекает внимание исследователей. Уже молдавские летописцы Григоре Уреке, Мирон и Николай Костины, Иоанн Некулче[20] сформировали комплекс сведений, позволяющих составить наглядную и достоверную картину церковной жизни Молдавского княжества. Дмитрий Кантемир раскрыл место православия в духовной жизни молдавского народа[21]. Румынские историки[22] пытаются представить церковную историю Молдавии как часть истории Румынской православной церкви. Советские историки[23] главное внимание уделяли изучению роли религии и Церкви в социально-экономической, политической и культурной жизни Молдавии. Предмет нашего исследования – выяснение роли православия и Церкви в формировании молдавской этничности, молдавской культуры, молдавского геополитического проекта.

---

[20] А се ведя: Costin M. Opere. Bucuresti. 1958; Уреке Гр. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу. 1971; Костин М. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу. 1972; Некулче И. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу. 1974; Костин М. Опере. Кишинэу. 1989; Costin N. Scrieri. In doua volume. Vol. I–II. Chisinau, 1990–1991.

[21] Кантемир Дм. Описание Молдавии. Кишинев, 1973.

[22] Отметим только некоторые работы, посвященные истории румынской церкви: Dobrescu N. Întemeierea mitropoliilor şi a celor dintăi mănăstiri din ţară. Bucureşti. 1906; Idem, Contribuţii la istoria bisericii române în secolul al XV-lea. Bucureşti. 1907; Iorga N. Istoria bisericii româneşti şi a vieţii religioase a românilor. Vol. I. Vălenii-de-Munte. 1908. Эту традицию продолжают и некоторые современные молдавские исследователи. См.: Parasca P. La obârşia Mitropoliei Ţării Moldovei. Chişinău, 2002.

[23] См.: Бабий А.И. Православие в Молдавии: история и современность. Кишинев, 1988.

Волохи, предки молдаван, пришли в Марамуреш из Сербии и Боснии[24]. Они восприняли христианство от славян, и славянский язык стал языком Молдавской церкви. Богослужебные книги молдаван представляли собой переводы с греческого на славянский, и славянский язык знало молдавское духовенство, на славянском языке проводилось в Молдавии богослужение, славянскими были и богослужебные книги молдаван. Богослужебные термины молдавского языка: **православничие, службэ, утрение, вечерние, а благослови, пречистэ, старец, попэ, влэдикэ, кэлугэр, мэнэстире, пристол, каделницэ** – были без перевода, будучи лишь адаптированы к нормам молдавского языка, заимствованы молдаванами из славянского языка. Имеющиеся в молдавском языке термины латинского происхождения: **думнезеу, круче, крештин, бисерикэ, ботез, куминекэтурэ, ругэчуне** – числом значительно меньше[25].

Как отмечено, молдаване пришли в Карпаты из Сербии, где с XII в. имелась даже специальная епископия для влахов. Из Сербии пришла в Молдавию и монастырская система. Первоначально Молдавская церковь подчинялась Охридской митрополии. Но во внутрицерковных делах Молдавская церковь, видимо, с самого начала была достаточно самостоятельной. Известен и случай, когда епископов Молдавии назначил митрополит Галицкий. Актом не только канонического, но и этнокультурного суверенитета Молдавской церкви стал ее переход в 1474 г., после аннексии Галицкой Руси католической Польшей, под главенство то ли патриарха Константинопольского, то ли Охридской патриархии. Этот переход избавил Молдавскую церковь от давления католической власти и принуждения к унии с Римом, чего не избежала Православная церковь Южной и Западной Руси.

Обретение Молдавской церковью самостоятельности должно было способствовать утверждению у молдаван представлений о своей стране как суверенном государстве. Однако отношения Церкви с Государством складывались непросто. Каждый правитель стремился зару-

---

[24] История Молдовы. Т. I. Страна Молдовы в эпоху Средневековья (XI–XVII века). Кишинев: Б.и., 2016. С. 25.

[25] История литературий молдовенешть. Вол. 3. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Кишинэу: Штиинца, 1986. П. 44.

читься поддержкой первосвященника либо продвинуть на этот пост своего политического представителя. В 1387 г. господарь Петр Мушат назначил епископом Молдавии преданного ему священника. Конфликт с Константинопольской патриархией был разрешен в пользу господарской власти только в 1401 г. при участии болгарского книжника Григория Цамблака. Молдавская церковь была возвышена до митрополии. Но она никогда не была автокефальной[26]. Таковой она впервые стала только в 1993 г.

В 1401 г. Молдавская церковь была возвышена до статуса митрополии. Учреждение митрополии возвысило ее престиж в молдавском обществе и способствовало дальнейшему утверждению этнического и государственного сознания молдаван. Авторитет Православной церкви в молдавском обществе укрепляла ее определенная самостоятельность в отношениях с Константинопольской патриархией и господарской властью. Хотя митрополит Молдавии и получал хиротонию (рукоположение) от патриарха Константинопольского, с гордостью отмечал Дмитрий Кантемир, он, в отличие от других митрополитов, не мог быть им избран или отстранен, а при возведении в сан не был обязан ожидать голосования иерархов Константинопольской церкви. Он был также свободен от дани патриарху Константинопольскому[27].

Власть нуждалась в духовной санкции. Митрополит был вторым после господаря лицом в государстве, наставником, а порой и духовным судьей правителя. Нарушение властителем освященных церковью нравственных норм оправдывало во мнении молдаван его свержение и даже убийство. Предстоятели Молдавской церкви, как правило, были более образованными людьми, чем правители. Посвященные в важнейшие дела государства, хорошо осведомленные о положении в стране, но сменяясь примерно вдвое реже, чем господари, они успевали накопить больший политический опыт. Тем не менее, до второй половины XVI века Молдавская церковь обладала определенной независимостью от светской власти[28].

---

[26] Boldur A. Istoria Basarabiei. Bucuresti. 1992. P. 233; Бабий А.И. Указ. соч. С. 7, 8.

[27] Кантемир Дм. Описание Молдавии. С. 181.

[28] Boldur A. Op. cit. P. 233.

При ставленниках Порты господарях-тиранах политическая роль Церкви была ограничена. Не митрополит, а господарь назначал и мог лишать сана епископов. Конфликты духовной и светской властей бывали жестокими. При Иоанне Лютом (1572–1574 гг.) многие священники и монахи были брошены в темницы либо казнены, митрополит Георгий сожжен живьем, а его преемник митрополит Феофан из страха перед тираном бежал в горы[29]. Но Церковь осталась весьма влиятельным институтом Молдавского княжества. В XVII веке митрополит мог «подтвердить или исправить» смертный приговор, вынесенный господарем по уголовному делу. Учитывая их политический опыт, ученость и нравственный авторитет в народе, к мудрости святых отцов апеллируют высшие должностные лица государства. Им поручают судебные, посреднические функции, их ставят во главе дипломатических миссий. Митрополит и иерархи Молдавской церкви наряду с господарем участвуют в главных государственных церемониях. Само одеяние митрополита мало отличалось от традиционной одежды правителя. Общегосударственное значение имели также события церковной жизни. Свидетельством тому – участие господарей в церковных церемониях и внимание летописцев к этим событиям.

Православие разъясняло положение Молдавии в мире и назначение человека в жизни, формируя у молдаван систему ценностей. Канонизация великомученика Иоанна Нового дала Молдавии своего святого, призванного духовно объединить православное население княжества. Господарь Александр Добрый лично принял участие в церемонии доставки мощей из Белгорода в столицу Молдавии Сучаву (1402 г.), придав тем самым этому событию значение общегосударственного акта. Мученичество Св. Иоанна – он был православный грек, купец из Трапезунда, по торговым делам прибывший в 1330 г. в Белгород и замученный там татарами за отказ перейти в мусульманство[30] – внесло в молдавское сознание идею терпения. Бедствия войны, тиранию власти, удары стихий – все это следовало выносить не ропща на судьбу. Но в мученичестве Св. Иоанна Нового, как и в мученичестве русских святых Бориса и Глеба, нет героизма действия, в нем преобладает идея

---

[29] Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 142.

[30] Parasca P. La obârşia Mitropoliei Ţării Moldovei. P. 103.

жертвы. В период борьбы против османской агрессии, когда перед Молдавией встал вопрос «Быть или не быть?», ее народу потребовался святой-воитель.

Это осознал Стефан Великий. Подобно византийским императорам и русским царям, он избрал своим покровителем Святого Георгия, первого в христианском пантеоне мученика воина. На знамени Стефана III, хранящемся ныне в Бухаресте, изображен Св. Георгий, сидящий на троне и попирающий змея. На фреске в Воронецком монастыре Св. Георгий изображен стоящим между господарем и Богом. На хоругви, подаренной Стефаном монастырю Зограф на горе Афон, Св. Георгий верхом на коне убивает змея – символ злых сил, мусульманства. Афонскому монастырю Святого Георгия господарь преклонил несколько церквей Молдавии[31].

Победы молдавского войска, одержанные под его водительством, могли кого угодно убедить в том, что Стефан – избранник Святого Георгия. Но не самого воеводу. Он воздавал хвалу и другим святым. После взятия занятой венграми крепости Келия (1465 г.) и победы над валахами в битве у торга Сочь (1471 г.) он славил «вышнего бога Саваофа»[32]. В 1481 г., во время битвы с валахами при Романе, господарю якобы привиделся над сечей Св. Прокопий, вооруженный как витязь и верхом на коне, вдохновляющий молдавское войско. С триумфом возвратившись после битвы в Сучаву, Стефан возвел в честь Св. Прокопия церковь в своем родном селе Бадеуцы. За победу над турками при озере Катлабуг (1484 г.) господарь возвел в Яссах церковь Св. Николая. Строил великий воитель церкви и в честь Иоанна Предтечи, и Святого Дмитрия, покровителя Петра и Ивана Асеней, доблестных правителей Второго Болгарского царства. В 1497 г., накануне битвы с польским войском в Козьминском лесу, Стефан вновь сослался на божье благословение, но на этот раз – Пречистой Девы и Святого Дмитрия. Битва, как известно, вновь закончилась победой молдаван. Господарь повелел возвести в честь Св. Дмитрия церковь[33].

Строительство церквей и монастырей стало у молдаван одним из достойнейших деяний, подлинной национальной традицией. Заботу о

---

[31] Стати В. Штефан Великий, Господарь Молдовы. Кишинев, 2004. С. 136–138.

[32] Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. С. 26, 27.

[33] Уреке Гр. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1971. П. 71, 100, 102, 110.

церквах и монастырях летописцы отмечали как высшую добродетель господарей. Среди главных заслуг Стефана Великого Григоре Уреке упомянул основание им 44 монастырей[34]. «И так передается от людей древних и старых, что сколько войн провел, столько церквей и монастырей построил», – так характеризовал господаря другой летописец, Иоанн Некулче[35]. Церковь есть (или была) в каждом молдавском селе. Наличие в Яссах более 40 церквей Дмитрий Кантемир отметил как свидетельство христианского рвения жителей молдавской столицы[36].

В церковном строительстве воплотились важнейшие особенности молдавского стиля в архитектуре и живописи. В числе церквей Молдавии – такие жемчужины молдавской средневековой архитектуры, как церковь Св. Георгия в Сучаве, построенная в 1514–1522 гг., новая церковь монастыря Хумор (1529 г.), церковь Благовещения в монастыре Молдовица (1532 г.), церковь Св. Дмитрия в Сучаве (1534–1535 гг.), церковь Бистрицкого монастыря (1561 г.), Молдавская церковь Успения во Львове (1564–1629 гг.), Малая (1602 г.) и Большая (1609 г.) церкви монастыря Драгомирна, церковь Св. Дмитрия в Оргееве (1636 г.), церковь Ясского монастыря Трех Святителей и другие[37].

Образованность церковных иерархов оставляла желать лучшего, но они все же были самыми образованными людьми Молдавии, и обладали другими достоинствами. Дм. Кантемир, ученый-энциклопедист, молдавских епископов уважительно характеризовал как подвижников, хотя и «не сведущих в науках, но исполненных святого духа»[38]. Благодаря их заботам Церковь составила инфраструктуру молдавской культуры. При Александре Добром были основаны первые монастыри Молдавии – Нямецкий и Бистрицкий. Оба они, а также основанный Стефаном III Путнянский монастырь, стали подлинными духовными центрами Молдавии. В XVII столетии такими центрами стали также церковь Трех Святителей в Яссах и монастырь Драгомирна. В монастырях работали переписчики, а с середины XVII века – и переводчики богослужебных книг, представлявших собой в те времена единственный доступный молдаванам вид литературы.

---

[34] Boldur A. Op. cit. P. 167.
[35] Стати В. Штефан Великий, Господарь Молдовы. С. 134–136.
[36] Кантемир Дм. Указ. соч. С. 171.
[37] Стати В. Указ. соч. С. 186.
[38] Кантемир Дм. Указ. соч. С. 179.

Замечательным деянием Православной церкви стал культурный трансфер, восприятие и распространение в Молдавии духовных ценностей, накопленных греко-византийской культурой. Этот процесс протекал в основном в XIV–XV веках. Памятники раннехристианской и византийской культуры, переведенные в Болгарии и Сербии на славянский язык: библейские книги, сочинения «отцов церкви», народные романы, юридическая, естественнонаучная, астрологическая, предсказательная литература и многое другое, – попадали в Молдавию по церковным каналам и, поступая в обиход Молдавской церкви, оказали огромное влияние на формирование молдавской духовности. Благодаря трансферу в Молдавии в короткий срок распространилась многожанровая византийская литература, сначала на славянском языке[39]. Как церковная возникла и оригинальная литература Молдавии на славянском языке. По заказу господаря Александра Доброго в 1402 г. Григорий Цамблак, в то время пресвитер главной церкви Сучавы, составил на славянском языке «Житие святого Иоанна Нового»[40].

Церковь положила начало и славяно-молдавскому летописанию, сыгравшему исключительную роль в утверждении молдавского исторического сознания и молдавской идентичности. Первым из известных ныне летописных свидетельств о существовании молдаван является «Сказание вкратце о молдавских господарех отколе начашаяся Молдавская земля» конца XV века[41]. Первыми молдавскими летописцами, чье имя осталось в истории, были священнослужители: Макарий, епископ города Роман, изложивший события молдавской истории 1504–1551 гг., автор «Летописи» 1541–1554 гг. старец Каприянского монастыря Евфимий и монах Азарий, автор летописи, охватывающей период 1541–1574 гг. Священнослужители-летописцы вершили дело, необходимое для утверждения молдавской государственной идентичности. Для консолидации молдавского этноса было важно то обстоятельство, что начало летописанию в Молдавии было положено еще в середине XV столетия, за век и более до появления первых летописей в соседней Валахии, а также на Украине.

---

[39] Boldur A. Op. cit. Pp. 177, 173; История литературий молдовенешть. Вол. 3. Пп. 46, 47.

[40] История литературий молдовенешть. Вол. 3. П. 70.

[41] Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. С. 11; его же. Молдавия эпохи феодализма. С. 355.

Несомненны заслуги Церкви в распространении столь важного элемента молдавской национально-культурной идентичности, как молдавская кириллическая письменность. Именно Церковь в лице митрополита Варлаама (1590–1657 гг.), как отмечено, осуществила перевод на молдавский язык тома «Казания» (1637 г.) и его издание на молдавском языке (1643 г.). Заслугой церкви является также обогативший молдавскую речь и молдавскую культуру перевод на молдавский язык славянских богослужебных книг, известных как Шкеянская Псалтырь, Хурмузакиевская Псалтырь, Воронецкая Псалтырь, Воронецкий Кодекс. По предположению академика Н.Г. Корлэтяну, «первые молдавские переводы, в частности Воронецкая Псалтырь, имели, вероятно, и характер учебника “для изучения древнеславянского и молдавского языков”»[42].

Славянские буквы были адаптированы к фонетическим потребностям молдавского языка, и молдавская кириллица со временем обрела специфические черты[43]. Постепенно монахи-переписчики богослужебных книг выработали особое молдавское славянское письмо – ***«Молдавский извод»,*** особую, торжественную орнаментацию кириллических текстов. Основы Молдавского извода были заложены в XV столетии переписчиком богослужебных книг Гавриилом Уриком (Уриковичем) и его учениками – монахами Палладием, Спиридоном и Никодимом. Выполненное ими «Тетраевангелие» (1429 г.) является первым из сохранившихся документов, выполненных Молдавским изводом[44]. Заслуженной славой пользовался младший современник Гавриила Уриковича каллиграф монах Гервасий. Последний период расцвета Молдавского извода связан с деятельностью Анастасия Кримки (Кримковича), просветителя, миниатюриста и копииста, возведенного в сан митрополита[45].

Способствуя формированию молдавского этнического сознания, Церковь положила в Молдавском княжестве также начало образова-

---

[42] Стати В. Указ. соч. С. 173.

[43] История литературий молдовенешть. Вол. 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Кишинэу. 1986. П. 84.

[44] Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев. 1982. С. 397; История литературий молдовенешть. Вол. 1. Пп. 108–110.

[45] Стати В. Указ. соч. С. 176, 189.

нию. При поддержке киевского митрополита Петра Могилы в 1639 г. в Яссах была открыта первая молдавская школа – Славяно-греко-латинская академия, иногда именуемая по имени господаря Василия Лупу, правившего в то время, также Василианской академией. К середине XVII века в Молдавии действовали около 20 школ с примерно 200 учащимися[46]. Во время политической смуты в конце столетия обучение прекратилось, но почин был сделан.

В лоне Православной церкви возникли в Молдавии в области музыки молдавский распев и, что еще важнее для развития культуры, молдавское книгопечатание. По просьбе Василия Лупу Львовское Ставропигиальное братство и Петр Могила помогли основать при Ясском монастыре Трех Святителей первую в княжестве типографию. Она действовала около трех десятилетий. После длительного перерыва печатная деятельность была возобновлена в Молдавии также усилиями Церкви, благодаря заботам митрополита Досифея[47].

Поддерживая связи с общехристианскими религиозными и культурными центрами на Афоне, в Константинополе, в Иерусалиме, на Синае, Молдавская церковь помогала молдаванам осознать себя частью христианского мира. Консолидирующую функцию православия усиливало участие Церкви в организации сопротивления мусульманским завоевателям. В летописях прославляется антитурецкая борьба, а союзники мусульман, особенно валахи, осуждаются как изменники и враги христианства. Под влиянием Церкви молдаване осознали себя не просто одним из христианских народов, а «охранным щитом», ограждающим христианство от турок и татар.

Наглядным выражением православного сознания молдаван, стратегически важным для судеб Балкан политическим актом Стефана Великого стала защита им вселенского православия. После падения Византийской империи (1453 г.), когда монастыри Афона, главного духовного центра вселенского православия, утратили государственную защиту, османы попытались ликвидировать их, лишив доходов. Преклоняя им церкви и монастыри Молдавии вместе с их землями, господарь спас монастыри Святой горы от разорения. Согласно османским

---

[46] Там же. С. 175.

[47] Руссев Е. Свет из Москвы. Кишинев: Штиинца, 1981. С. 88–93.

законам, налоговый иммунитет, полученный монастырями Афона, был распространен и на преклоненные им монастыри Молдавии. Тем самым в княжестве были созданы свободные от налогового прессинга мусульман центры развития православной культуры и экономики[48]. Этот курс продолжили и другие господари Молдавии. Как инструмент исламизации, фискальный рычаг на Балканах не сработал. Сохранив православие, и молдаване, и другие народы и под властью Османской империи отстояли свою этнокультурную самобытность.

Этапным в утверждении молдавской идентичности стал межконфессиональный конфликт с католиками, начавшийся в конце XV века. В ту пору в трех городах Молдавии – Сирете, Баие и Белгороде – имелись католические епископства, а в Сучаве – армянская епископия. Но польско-молдавская война 1497 г., развязанная королем Яном Ольбрахтом, приобрела религиозный характер. Движимые православной солидарностью, на помощь молдаванам пришли даже валахи, их извечные враги. Хотя гонений на католиков в Молдавии не последовало, их влияние в княжестве упало. В XVII–XVIII веках отношения православных с католиками обостряла политика Габсбургов: отвоеванные у турок земли с православным населением австрийцы насыщали католическими миссионерами. В 1701 г., едва получив контроль над Трансильванией, Вена учредила там раскольническую греко-католическую епархию. Следствием агрессии католицизма стало обострение православного сознания молдаван. «Особенно непримиримо, – засвидетельствовал в 1716 г. Дм. Кантемир, – относятся молдаване к католической вере, хотя венгры, подданные той же страны [Молдавии], почти все исповедуют католицизм и имеют своего епископа в Бакэу. Молдаване говорят, что другие лжеучения сами себя обнаруживают и их можно отличить от истинной веры; паписты же […] скрывают свой волчий норов под овечьей шкурой и называют приверженцев греческой церкви то собратьями, то схизматиками, то не имеющими главы, так как молдаване не признают папу главой церкви, а иногда и еретиками […]»[49].

Как выражение молдавской культурной идентичности, православная вера подлежала первоочередной защите. Первым условием призна-

---

[48] Стати В. Штефан Великий, Господарь Молдовы. С. 134–136.

[49] Кантемир Дм. Указ. соч. С. 171.

ния сюзеренитета Османской империи для Стефана Великого, судя по его инструкциям, данным им послу Иоанну Тэутулу, направленному в Царьград в 1490 г., было предоставление турками молдаванам следующих гарантий автономии княжества: прав молдаван на сохранение православной веры, молдавских законов и обычаев, и только в последнюю очередь – права выбирать себе господаря. Султан принял эти условия. Турки обязались не строить домов и мечетей на территории княжества[50]. Договоренность, достигнутая правителем Молдавии с главой мусульманского мира, действует и поныне.

В 1538 г. княжество все же оказалось включенным в систему Османской империи. Мусульманское иго сформировало у молдаван особое отношение к православию. Сознание молдаванина тех времен – это сознание гонимого, ожидающего новых несчастий, но не теряющего надежды пережить их, искренне чтущего Бога крестьянина. В этой искренней вере простых людей заключалась суть народного православия.

Православие, священная прадедовская вера, являлось стержнем молдавского сознания. Вера в бога у молдаван – не просто дань религиозности. Не обусловлена она и страхом божьим. Это народная традиция, часть молдавского духовного наследия, знак этнического достоинства, столь же важная ценность, как молдавский язык и родовое имя «молдован». Молдавский патриотизм был прежде всего православным. Поэтому наиболее болезненным в нравственном отношении следствием мусульманского владычества стало для молдаван унижение прадедовской веры. Один из символов молдавского сознания этого периода – Православная церковь Успения Божией матери в Каушанах, построенная в период турецко-татарского владычества в Буджаке (1768 г.) и будто вдавленная в землю в стремлении остаться незаметной. Почти все монастыри Молдавии, основанные в XV–XVIII веках, укрыты в глухих лесах либо, как монастырь Сахарна, в глубоком овраге[51].

Одной из центральных в молдавском православии была идея христианского единения. Славянский дух Молдавской церкви, богослужение на славянском языке играли в княжестве объединяющую роль, сплачивая молдаван и русских людей Молдавского княжества. В грамо-

---

[50] Boldur A. Op. cit. P. 167.

[51] А се ведя: Ilvitchi L. Mănăstirile si schiturile din Basarabia. Chisinău, 1999.

тах канцелярии молдавских господарей упоминаются венгры и цыгане, армяне и греки, татары и немцы (саксы), но никогда правители не называют этническим именем ни молдаван, ни русских, не делая между ними различия в правах и по степени их лояльности государству. Выражение «Земля Молдавская» встречается не только в славяно-молдавских летописях. Оно многократно упоминается в грамотах молдавских господарей. Даже в XIX веке оставалось у молдаван в ходу выражение «пэмынтень молдовень» («земляне молдавские»), распространяемое на всех православных жителей Молдавского княжества, независимо от их этнической принадлежности. При посредстве Церкви, обоснованно утверждала румынская исследовательница этого вопроса Маргарета Штефэнеску, «русско-русинские элементы способствовали консолидации государства…»[52].

Переход православных в мусульманство означал их освобождение от специального налога на христиан – **даждье**, поэтому османы особых стремлений к религиозному прозелитизму не проявляли. Но влияние Православной церкви они пытались подорвать. Православное население территорий, находившихся под непосредственным управлением турецкой администрации, – Хотинской, Аккерманской, Бендерской, Измаильской райи, – окормлялось особой Проилавской епископией, независимой от Молдавской церкви и подчиненной непосредственно патриарху Константинопольскому. В самой большой райе, Хотинской, постепенно сложилась этнографическая группа райков (райлян). Православие помогло райкам сохранить свою молдавскую или русинскую этнокультурную идентичность и духовные связи с православными Молдавии и Русской Страны. Они не превратились в особый этнос, и после ликвидации райи русскими властями в 1806 г. стали по-прежнему называть себя русинами или молдаванами[53]. О прошлом этой части молдавского народа напоминает распространенная у молдаван фамилия Райляну.

Поскольку православие представляло собой ключевое звено этнической сущности молдаван, вероотступничество расценивалось ими как отказ от принадлежности к молдавскому роду, преступление, более

---

[52] Стати В. Указ. соч. Р. 228; Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979. С. 113.

[53] Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Кишинев, 2004. С. 98.

тяжкое, чем измена государю. Свидетельств действенности народного православия немало. Имя митрополита Молдавии, в 1439 году подписавшего предложенные папой римским «лицемерные и лукавые» решения Флорентийского собора, Дмитрий Кантемир, упомянув о его деянии, даже не назвал в своей книге «Описание Молдавии» по имени[54]. Зная отношение верующих Молдавии к акту капитуляции перед католиками, глава молдавской делегации митрополит Дамиан – таково было его имя – не посмел возвратиться в княжество. Провести решения Флорентийской унии в жизнь в Молдавии, – как и на Руси, и в Греции, – не удалось.

В духе народного православия поступали и клирики, и знать. Господарь Ильяш Рареш, принявший в 1551 г. ислам, был Церковью предан анафеме как предавшийся дьяволу и вынужден покинуть Молдавию. Его брат Штефан, назначенный турками господарем и также подозреваемый народом в намерении принять мусульманскую веру, был убит мятежными боярами[55]. Господаря – фанариота Иоанна III, который увез в Польшу, к «поганым паписташам» (папистам), Сорокскую чудотворную икону, хроника Сучавского монастыря обругала бешеным псом[56]. Подобные судьбы их ставленников вынудили султанов сделать назначение на господарский престол христианина непременным атрибутом статуса Молдавии в системе Османской империи.

Почетное место в иерархии молдавских этнических ценностей занимал славянский язык. Часть молдаван владела им уже потому, что 40 процентов населения княжества в эпоху Стефана Великого составляли потомки насельников Древней Руси – русины[57]. Славянский язык, близкий к их разговорной речи, – впрочем, в ряде источников именуемый сербским («сырбие»), – был официальным языком Молдавского княжества. Но, будучи языком богослужебных книг, славянский язык считался у молдаван священным, и этот статус способствовал его распространению в народе. Слушая проповеди, заучивая молитвы на сла-

---

[54] Кантемир Дм. Указ. соч. С. 179.

[55] Стати В. История Молдовы. С. 137, 138.

[56] Хиждеу А. Избранное. Кишинев, 1986. С. 244.

[57] Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. С. 113.

Бабилунга Н.В., Шорников А.П. Русины и молдаване: восточно-славянские сюжеты «Истории Молдовы» // Исторический вестник Приднестровья, 2017. № 15. С. 189–192.

вянском языке, в смысл славянских слов вникал каждый молдаванин. Через проповеди и духовную литературу заимствовали молдаване славянские лексические формы. Влияние это было тем сильнее, что имело место на протяжении всей истории Молдавии. Таким образом, православие способствовало возникновению и развитию у молдаван такой этнокультурной особенности, отличавшей их от валахов, как массовое владение славянским языком. Наряду с общностью православной веры, распространенное у молдаван двуязычие упрощало связи Молдавии с Галицкой Русью, Киевом, Москвой, расширяя горизонты молдавского сознания.

В православии следует искать истоки геополитической ориентации молдаван на Русь. «С церковной точки зрения, – отмечал историк А. Болдур – расстояние от нас до Москвы или Белграда всегда было меньше расстояния до Рима»[58]. Носителями идей православного или, как Григорий Цамблак, общехристианского единения были многие ученые-беженцы из балканских стран. После падения Царьграда утраченная византийскими императорами миссия главенства над христианским миром – и защиты христиан – была, по мнению молдаван, как и других православных народов, самим Богом возложена на правителей Московии. Документов, прямо свидетельствующих о намерении Стефана Великого присоединить Молдавию к Москве, нет, но именно эту идею господарь начал осуществлять за полвека до писем псковского старца Филофея князю Василию III (1510–1511 гг.), в которых была сформулирована теория «Москва–Третий Рим». Женитьба Штефана на киевской княжне Евдокии из Рюрикова рода, брак их дочери Елены с Иваном Молодым, сыном Ивана III Большого, вассальная присяга, принесенная молдавским господарем великому князю Московскому, провозглашение в 1498 г. их внука Дмитрия наследником Московского престола стали этапами осуществления этого проекта[59].

В XVI – начале XIX веков иерархи Молдавской церкви в духе народного православия выступали идеологами и ведущими деятелями молдавского освободительного движения. Важнейшие дипломатиче-

---

[58] Boldur A. Istoria Basarabiei. Bucuresti. 1992. P. 231.

[59] Подробно см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2007. С. 115–130.

ские миссии с просьбами о принятии Молдавии в состав России, направляемые господарями без ведома Порты в Москву, возглавляли митрополит Сучавский Гедеон (1656 г.), игумен Федор (1674 г.), митрополит Досифей (1684 г.). Активные роли в переговорах о присоединении Молдавии к России играли митрополиты Гедеон (1711 г.), Вениамин (1739 г.), Гавриил (1769–1774 гг.), Вениамин (1802 и 1807 гг.). Выдающуюся роль в духовной жизни молдаван в начале XIX века сыграл Гавриил Бэнулеску-Бодони, митрополит и просветитель[60]. В 1812 г., когда Молдавский национальный проект был, пусть частично, осуществлен, он стал предстоятелем Православной церкви в Бессарабии, присоединенной к России, и продолжил свою работу просветителя.

Влияние православия на верующих все же зависело от авторитета Молдавской церкви. Между тем многое подтачивало ее авторитет. Щедрые вклады господарей и молдавской знати, земли и другие ценности, получаемые Церковью по завещаниям, а также захваты общинных земель со временем превратили ее в крупнейшего в княжестве собственника[61]. Иммунитеты и льготы при налогообложении, которыми пользовались монастыри, а также подчинение церковных иерархов правителям-фанариотам, участие во власти компрометировали священнослужителей. По этой причине, а также под влиянием идей французской революции с конца XVIII века в Молдавии распространились антицерковные настроения. А затем последовало нарастание религиозного индифферентизма, расцениваемого в те времена как вольнодумство, и критического отношения к проповедуемым Церковью ценностям.

В XIX столетии ослабление влияния Церкви и православной веры стало фактором кризиса молдавской этнокультурной идентичности[62] и привело к духовному отчуждению молдаван и валахов от русских и окружающих народов. Пока главные исповедуемые ценности были

---

[60] A se vedea: Stadnitchi A. Gavriil Banulescu-Bodoni. Chiisinau. 2004; Popovschi N. Op. cit. P.41–72; См. также: Шорников П. Молдавский национальный проект // Мысль. (Кишинев), 2001. № 2. С. 45–50; его же. Молдаване и русские: опыт взаимодействия в XVIII – начале XIX в. // Славянские чтения: Материалы научно-теорет. конференции. Славянский ун-т Республики Молдова. К.: S.n. Вып. 2. 2004. Кишинев, 2004. С. 7–21.

[61] Бабий А.И. Православие в Молдавии: история и современность. Кишинев, 1988. С. 7–15; История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1965. С. 209–210.

[62] Подробнее см.: Михайлов П. Кризис идентичности в Молдавском княжестве (20-е – 50-е гг. XIX века // Мысль, 2004. № 2 (24). С. 54–64.

православными, полагает современный румынский историк Лучиан Боя, «молдаване и валахи чувствовали себя дома в восточно-европейском пространстве. Когда на первый план выходит чувство национальной идентичности, […] они осознают себя «латинским островом в славянском море». Русский перестает быть великим православным братом-освободителем». Отношения валахов с мадьярами издавна были напряженными по социальным мотивам, а также вследствие конфессиональных различий: первые были православными, а вторые – католиками и протестантами. Спасение вроде бы сулила латинская идея, носительницей которой представлялась Франция. Восприятие валахами и, в меньшей степени, населением Молдавского княжества, а затем – румынами «французской иллюзии» привело к геополитической переориентации румынской нации, формирующейся в пределах Объединенного государства Валахии и Молдавии, на Запад[63].

В отличие от большей части интеллигенции, Православная церковь сохраняла концептуальный суверенитет. В 1860 г., когда в Объединенных княжествах Валахии и Молдавии был начат перевод молдавской письменности с кириллической графики на латиницу (в Валахии процесс был начат ранее), Церковь оказалась единственным общественным институтом, выступившим в защиту молдавской культурной традиции. «Использование кириллических букв, – отмечал румынский филолог Думитру Макря, – было особенно поддержано православной Церковью, которая видела в латинских литерах оружие католицизма»[64]. Мобилизовать народное православие на борьбу против курса светских властей на «стирание» молдавской национально-культурной идентичности Церковь не смогла, и правящие круги Валахии пренебрегли волей Церкви. Но многие священнослужители, опираясь на поддержку мирян, продолжали защищать традиционные ценности молдавского народа от латинизма.

Действуя в единстве с народным православием, Молдавская православная церковь на протяжении веков выполняла благородную миссию хранительницы традиционных ценностей молдавского народа, гаранта его этнокультурной идентичности. Она сыграла огромную роль в фор-

---

[63] Boia L. Istorie şi mit în conştiinţa românească. Bucureşti. 1997. P. 20.

[64] Macrea D. Lingvişti şi filologi români. Bucureşti. 1959. P. 27.

мировании молдавского этнического сознания, молдавского книжного языка, восточной геополитической ориентации молдавского народа, представлений молдаван о своей миссии хранителей и защитников православной веры. Духовно окормляя и сплачивая подданных Молдавского княжества, освящая господарскую власть, Церковь способствовала утверждению молдавской государственности.

Православие изначально являлось неотделимой частью молдавской этнической сущности, стержнем молдавской этнокультурной самобытности. Православная церковь сыграла ведущую роль в формировании геополитической ориентации молдавского народа на Россию и участвовала в осуществлении программы молдавского освободительного движения.

II. ТРИ ИПОСТАСИ МИТРОПОЛИТА ГАВРИИЛА

Православная церковь – стержень молдавской национальной идентичности – сыграла важную роль в формировании программы молдавского освободительного движения эпохи турецкого ига. Ключевым звеном этой программы являлось присоединение Молдавии к православной России. Гавриил Бэнулеску-Бодони был экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии в момент свершения этой мечты. Его личность и деяния около двух столетий привлекают внимание исследователей. Тем не менее, автору монографии «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони» (Кишинев, 2005), настоятелю кишиневской Свято-Георгиевской церкви протоиерею Николаю Флоринскому, удалось внести в изучение жизни и исторической роли этого неординарного человека свой весомый вклад.

Самый весомый вклад в изучение биографии митрополита Гавриила еще в 1904 г. внес епископ Псковский Арсений Стадницкий. Достоинством книги Н. Флоринского является новизна использованных автором источников. Это впервые вводимые в научный оборот документы и материалы, извлеченные из архивов Кишинева и Киева, а также редкие и малоизвестные издания XIX века на русском и румынском языках. Представляет научный интерес также данная автором трактовка сведений, сообщаемых самым маститым из биографов митрополи-

та, нашим знаменитым земляком, бессарабским руснаком, просветителем Авксентием Стадницким.

Результаты предпринятого исследования, возможно, оказались неожиданными и для автора монографии. Он, судя по вводной части, намеревался дать только церковное жизнеописание митрополита. Но добросовестный подход к решению этой задачи привел его к результатам, превосходящим расчетные. Рассмотрев деятельность Гавриила в контексте двух русско-турецких войн, других политических событий того времени, он создал его более полный и достоверный исторический портрет. В монографии Н. Флоринского Бэнулеску-Бодони предстает не только церковным иерархом и ученым, человеком долга и высоких нравственных качеств, но и просветителем молдавского народа и одним из виднейших политиков Молдавии конца XVIII – начала XIX века, наиболее ярко и последовательно воплотившим в своей деятельности его исторический выбор.

Познавательно интересно составленное автором описание предыстории церковной карьеры выходца из семьи уроженца города Кымпулунг-Молдовеняск на Буковине Григория Бэнулеску-Бодони. Он обучался в Будапеште, а затем – в Киевской духовной академии, а также в Греции на островах Эгейского моря, в Смирне и на Афоне. Обладая столь разносторонним образованием, в двадцать лет Григорий становится школьным учителем, затем эмигрирует в Молдавию, вновь учится в Греции и только в 1779 году, в возрасте 33 лет, принимает постриг под именем Гавриил. Константинополь, Яссы, Полтава – прослеженные в книге места его дальнейшего церковного служения. Жизнеописание Гавриила ценно также потому, что тесно увязано с событиями русско-турецких войн 1787–1791 и 1806–1812 годов. Митрополитом Молдавии и Валахии он был назначен в 1792 году указом Екатерины II. Это послужило поводом для его ареста турками. Гавриил принял испытание достойно и отказался от преклонения патриарху Константинопольскому. «Я монах, – заявил он в тюрьме, – плакать по мне некому, а умирать когда-нибудь все равно надо. Попрать же присягу для того, чтобы на несколько лет прожить дольше, считаю за грех».

Гавриил уже в юности воспринял Молдавский национальный проект и еще за четверть века до присоединения Бессарабии к России стал российским подданным. Правители Российской империи эпохи ее подъема ценили дельных и верных людей. Русский посол в Царьграде

граф В.П. Кочубей, узнав об аресте Гавриила, добился его освобождения и спас ему жизнь. Год спустя после выхода из турецкой тюрьмы Гавриил получил достойное приложение своим силам и способностям. Как руководитель епархии, он стал одним из основателей Одессы. 22 августа 1794 года именно он отслужил молебен и заложил первый камень «нового града Одессы на месте крепости Хаджибей».

Убедительно раскрыта автором книги главная закономерность геополитического курса Гавриила: он всегда отстаивал интересы Молдавии и России. Митрополит боролся за интересы христиан против покушений мусульманства, защищал интересы православия от притязаний католиков и униатов, интересы Дунайских княжеств перед Портой, интересы Молдавии от поползновений валашских данников Стамбула.

Рассмотренные в книге труды митрополита свидетельствуют: Государство Российское строили не только русские. Как политик Гавриил имел собственные представления о его благе, следует признать, более верные, чем у царских администраторов, и при необходимости конфликтовал с губернаторами. Во имя дела своей жизни без колебаний жертвовал интересами церковной карьеры. В 1812 году он отказался от должности главы церкви Валахии и Молдавии, остающихся под турецким владычеством, ради более скромного поста митрополита Бессарабии, присоединенной к России.

Третьей ипостасью митрополита Гавриила – по времени преимущественной реализации, но не по значимости для будущего Бессарабии – стала его просветительская деятельность. В первые годы после присоединения края к России, убедительно показано автором, именно Гавриил, глава Православной церкви в Бессарабии, направлял ее деятельность на ускорение интеграции населения области с Россией. Он учредил в Кишиневе типографию и духовную семинарию, организовал издание книг на молдавском языке. Во многом благодаря его деятельности население Бессарабии осознало, что русская власть в области обладает духовной санкцией.

Досадным отступлением от принципа историзма являются имеющиеся в книге упоминания о «румынской» культуре в Бессарабии XIX века и приведенные без комментариев выдержки из работ румынских авторов, именующих митрополита, жившего задолго до возникновения румынской национальной идентичности, «румыном».

Остается неясным, откуда митрополит знал русский язык и настолько, что, едва прибыв в Россию, оказался способен возглавить духовную семинарию? Очевидно, происходя из Северной Трансильвании с ее смешанным волошско-русинским населением, Гавриил владел русинским наречием с детства, а это обстоятельство дополняет бытующие в исторической литературе представления об этнокультурной ситуации в Трансильвании в конце XVIII века.

Труд Н. Флоринского, посвященный Гавриилу Бэнулеску-Бодони, знаковой фигуре истории Молдавской церкви и истории Бессарабии XIX века, разрушает насаждаемые в контексте преподавания «истории румын» ложные представления о прошлом Молдавии, об истории молдавской духовности и молдавской культуры. Вполне уместны приведенные в книге написанные кириллицей тексты на молдавском языке.

Автору удалось создать содержательное, строго документальное повествование о жизни умного, высокообразованного и волевого человека, священнослужителя, просветителя и политического деятеля, всю сознательную жизнь боровшегося за осуществление мечты своего народа и дожившего до ее реализации. Книга обогащает общегражданский дискурс по истории Молдавии, читается с интересом и может быть рекомендована студентам, учителям, всем интересующимся историей Молдавии и Молдавской церкви.

* * *

Справка

Первый архипастырь Бессарабии

Потомок старинного молдавского рода Григорий Григорьевич Бэнулеску-Бодони родился в 1746 г. в городе Быстрица (Трансильвания).

Вопрос о том, где он получил образование, включая знание русского языка, еще не решен наукой. По приглашению архиепископа Славяно-Херсонского Никифора (Феотоки) иеромонах Гавриил прибыл в Полтаву, где в 1782 году ему была предоставлена должность учителя

греческого языка в Славянской семинарии. Уже в 1783 г. он назначен инспектором этой же семинарии и учителем философии. Через год уехал в Яссы, где в 1784 г. митрополитом Гавриилом был возведен в сан архимандрита. В 1786 г. его кандидатура была выдвинута на Романскую епископскую кафедру. Но это предложение не было принято. В 1787 г., когда началась русско-турецкая война, Гавриил возвратился в Россию. 17 января 1788 г. был назначен ректором Екатеринославской семинарии и преподавателем греческого языка. Затем выехал в Молдавию, освобожденную русскими войсками от турок. Служил епископом Бендерским и Белгородским (Аккерманским). В декабре 1791 г. архиепископ Молдавии Амвросий возвел Гавриила в сан епископа.

29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) между Россией и Османской империей был заключен Ясский мир. Согласно договору, Молдавия и Валахия должны были вновь подчиниться в церковном отношении патриарху Константинопольскому. 11 февраля 1792 г. Гавриил был возведен в сан митрополита Молдо-Валахии. Османов назначение пророссийского иерарха не устроило. Отречься от Молдо-Влахийской кафедры Гавриил отказался, и в июне 1792 г. был арестован и отправлен в Константинополь. Четыре месяца спустя по требованию русского правительства он был освобожден и возвратился в Россию.

10 мая 1793 г. Гавриил был назначен митрополитом Екатеринославским и Херсоно-Таврическим. В 1799–1803 гг. он управлял Киевской митрополией. 7 апреля 1801 г. был определен членом Священного Синода и награжден орденом Андрея Первозванного. 21 августа 1803 г., согласно его прошению, был уволен на покой с местопребыванием в Одессе. В 1805 г. митрополит переехал в Дубоссары.

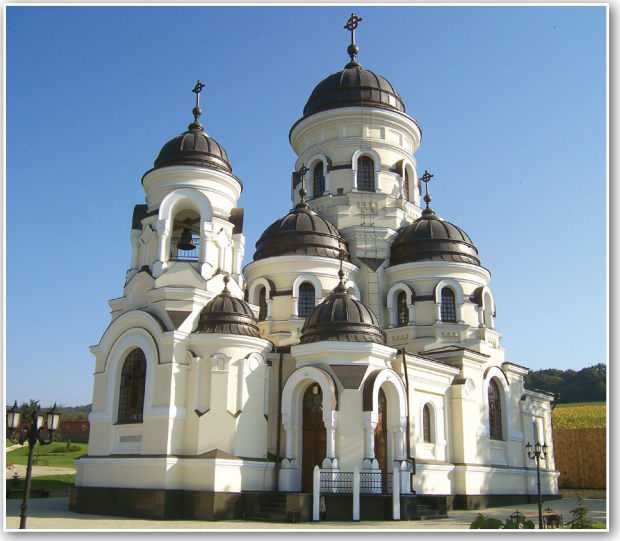
В 1806 г. началась очередная русско-турецкая война, и русские войска заняли Дунайские княжества. В 1808 г. Гавриил был назначен экзархом Молдавии и Валахии с местопребыванием в Яссах. По его предложению в духовных училищах княжеств стали изучать русский язык. От российского правительства он добился распоряжения гражданским властям не вмешиваться в дела церковного управления. Указом Св. Синода монастыри были подчинены экзарху, и Гавриил занялся наведением в них законных порядков.

В 1811 г. митрополит прибыл в Санкт-Петербург и изложил Св. Синоду нужды Молдо-Влахийской церкви и свой план ее благоустрой-

ства. Предложения были в основном приняты, однако по заключенному 16 (28) мая 1812 г. Бухарестскому миру Валахия и часть Молдавского княжества были вновь возвращены под власть Турции. К России была присоединена только Бессарабия. Митрополит Гавриил со всем штатом митрополии выехал в Кишинев. Св. Синодом ему было поручено составить план образования новой епархии. Епархия, по его предложению, была названа Кишиневской и Хотинской. 21 августа 1813 г. Св. Синод утвердил новую епархию; ей был присвоен статус митрополии и экзархии.

К 1812 году в междуречье Днестра и Прута имелось 775 приходских храмов, в том числе 40 каменных. Митрополит принялся за строительство церквей, митрополичьего дома и здания для семинарии. При Гаврииле в Кишиневской епархии было начато и большей частью окончено строительство около двухсот церквей.

Гавриил был молдавофилом и выступал против использования латинского алфавита в церковных изданиях. В своей епархии распространение богослужебных книг, отпечатанных униатами и протестантами в Трансильвании латиницей, он запретил. В церкви были разосланы катехизические поучения на молдавском языке, которые должны были читаться в воскресные и праздничные дни. Кроме этих поучений свя-



Свято-Успенский Киприановский (Каприянский) монастырь. Современный вид

щенникам надлежало произносить проповеди собственного сочинения[65].

По ходатайству Гавриила в 1814 г. в Кишиневе учреждена типография, в которой печатались книги, необходимые для богослужений. Для подготовки служащих гражданских учреждений и воспитания детей дворян в 1816 г. при семинарии был открыт «благородный пансион».

Заслуги митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони перед Церковью и Россией были отмечены не только его возвышением в церковной иерархии. Императором Александром I за труды по созданию и развитию новой митрополии он был награжден панагией с драгоценными камнями. В 1818 г., когда Александр I посетил Бессарабию, он встретился с Гавриилом.

Скончался преосвященнейший 30 марта (11 апреля) 1821 г. Был погребен в Киприановском Успенском монастыре.

---

[65] Подробно см.: Гросул В.Я. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.). Кишинев, 2014. С. 39.

III. ДРАМА ЗА ПРУТОМ

Карпато-Днестровские и Карпато-Дунайские земли с XIII столетия или более ранних времен являлись полем борьбы православия и католичества. С XVI в. язык валахов Трансильвании (Семиградская Русь, Эрдели, Ардял) начали называть румынским, т.е. римским. В XVIII веке в операцию по геополитической переориентации восточно-романских народов с Востока на Запад оказались вовлечены Православные церкви Молдавии, Валахии и Трансильвании. В 1699 г., когда Австрийская империя получила контроль над Трансильванией, официальная Вена и Ватикан взяли курс на духовный раскол православных валахов. В 1701 г. в княжестве была учреждена Греко-католическая церковь.

В конце XVIII столетия группа трансильванских литераторов (С. Мику-Клайн, П. Майор, Г. Шинкай и др.) приступила к «очищению» валашского языка от слов славянского происхождения. В богослужебном языке славянские и греческие термины греко-католики заменяли словами латинского или французского происхождения. С 1780 г. греко-католики приступили также к переводу валашской письменности с традиционной кириллицы на латинскую графику. Был запущен в обращение двойной этноним «валахо-румыны»[66]. Идеология румынизма отчуждала валахов от славянских народов.

В Молдавии и Валахии велась и открытая антирусская пропаганда. Особый размах она приобрела в последние годы XVIII столетия, когда ее проводниками выступили польские помещики-беженцы из белорусских и малорусских земель, воссоединенных с Россией после краха Речи Посполитой (1795 г.). Отклика среди православных злословие эмигрантов-католиков не нашло, у молдаван они получили прозвище «русолатрий» («лающие на русских»). Но, смешавшись с местной знатью, они передали ей некоторые из своих геополитических фобий.

Их абсурдный характер очевиден. Россия воевала за освобождение православных народов от мусульманского владычества. Решающий

---

[66] Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978. С. 15; Pacurariu M. Politica statului ungar faţă de biserica romanaescă din Transilvania in perioada dualismului (1867–1918). Sibiu, 1986. P. 70; Pop I. Basarabia din nou la răscruce. Bucureşti, 1995. Pp. 160–162; Гросул В.Я. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.). Кишинев, 2014.

шаг в модернизации Дунайских княжеств был сделан в 1828–1834 гг. благодаря реформам, проведенным под руководством русского генерала П.Д. Киселева. В социально-культурной сфере наиболее наглядные результаты реформ были достигнуты в Молдавии. «Оставляя в стороне любые предубеждения, – констатировал в 1857 г. молдавский писатель Василе Александри, – нахожу, что в молдавском обществе больше серьезности, больше такта, больше достоинства, чем в валашском...». «Молдаване обставили нас, – констатировал и трансильванец Арон Флориан, – они наступают сильно и уверенно». «Молдаване, – признавал мунтянин Титу Майореску, – обгоняют и обогнали нас, они устойчивее, серьезнее нас. Национальное чувство у них не так тупо, как у нас. У них действительно нет столько шумных титулов, но у них здравый ум...»[67].

Нуждался ли в пересмотре курс, заданный русской администрацией и давший столь впечатляющие результаты в социально-культурной сфере? Однако в Дунайских княжествах языковое строительство, осуществляемое при посредстве Греко-католической церкви и Трансильванской школы филологов, продолжалось в направлении, определенном Ватиканом.

Церковь и молдавское этнокультурное сопротивление

Молдаване и валахи говорили на различных диалектах. В контексте восточноевропейских тенденций к вестернизации часть знати княжеств, особенно в 30-е – 40-е гг. XIX века, поддержала усилия Арделянской школы по созданию единого литературного языка на основе валашского диалекта. Однако этнокультурный суверенитет молдаван еще не был подорван, в Молдавии латинисты оказались в положении, близком к духовной изоляции. «Ни в одном языке на свете, – отмечал другой классик молдавской литературы, Алеку Руссо, – нет слова, достаточно сильного, чтобы выразить презрительный смысл имени француз, каковым некоторые старики в Молдове прозвали молодежь

[67] Stati V. Istoria Moldovei in date. Chisinau, 1998. P. 198.

1835 года, людей сегодняшнего дня»[68]. «Французско-румынскими мальчиками» называл эту офранцуженную, латинизированную, одержимую ксеноманией молодежь и будущий унионист Михаил Когэлничану[69]. Однако появление среди молдавской знати фракции этнокультурных компрадоров свидетельствовало об утрате ею способности мыслить и действовать в соответствии с интересами своего народа.

Еще до объединения Дунайских княжеств был актуализирован вопрос о графике. К латинским буквам, справедливо отмечает В.Я. Гросул, Молдавская церковь долгое время относилась как к папистским, т.е. католическим. В XIX веке греко-католики продолжили курс на латинизацию молдавской письменности. Они пытались ввести в моду смешанное письмо, при котором некоторые славянские буквы заменяли латинскими. В 1838 г. выпускник католической базилианской гимназии в Яссах Неофит Скрибан написал книгу латинским алфавитом[70]. Она была отпечатана, но отклика в обществе не получила.

Епископ Мельхиседек

Выдающегося деятеля Молдавской церкви епископа Мельхиседека (Михаила Штефэнеску), получившего образование в Киевской духовной академии, вопрос о замене славянского шрифта латинским озаботил прежде всего потому, что в результате замены известного народу славянского шрифта незнакомым латинским народ лишится возможности понимания богослужебных книг. За сохранение славянского алфавита для церковно-богослужебных книг епископ высказывался потому, что «он совершенно приспособлен к нашему языку и очень легок для изучения». Другим до-

[68] Руссо А. Опере. Кишинэу: Штиинца, 1967. П. 247.
[69] Когэлничану М. Опере алесе. Кишинэу: Штиинца, 1966. П. 139.
[70] Там же. С. 153.

водом стала верность молдавской традиции: славянский шрифт необходим «как связующий нас с историей нашей культуры и развития нашего языка». В своей епархии распространение книг, отпечатанных латинским шрифтом, Мельхиседек запретил[71].

Менее последовательно выступал епископ по вопросу о том, «хорошо ли порывать связь с церковными преданиями и богослужебным языком, освященным веками и вполне понятным для народа, заменять его новым языком, языком людей, нередко обучавшихся в заграничных школах и большей частью совершенно не религиозных»? Мельхиседек допускал замену греческих и славянских слов, бытующих в богослужебном языке, словами из молдавского языка. Но все же выступил за сохранение понятного народу богослужебного языка. «Современные реформаторы, – сетовал он, – проявляют неразумное рвение, стараются заменить все греческие и преимущественно славянские слова новыми словами, совершенно не понятными народу и, к тому же, не выражавшими соответствующих понятий»[72].

Движение за сохранение молдавской государственности развивалось в Молдавском княжестве, начиная с 1856 года, когда к обсуждению вопроса об объединении Молдавии и Валахии приступили европейские державы. Ведущими его представителями стали писатели Николай Истрати, Георге Асаки и Константин Негруцци. Они публиковали буклеты и издавали периодические издания «Патрия» («Родина») и «Непэртиниторул» («Непричастный»), на страницах которых предупреждали соотечественников о том, что в случае объединения политическим и административным центром станет Бухарест; поскольку мунтян больше, чем молдаван, именно жители Валахии будут контролировать законодательную и исполнительную власть нового государства, а Молдавия окажется его заброшенной провинцией[73]. А «молдаване будут вынуждены терпеть их закон и быть поглощенными скорее как завоеванный, но не объединенный с Валахией народ»[74]. Но ни против-

---

[71] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 153.

[72] Там же. С. 150–153.

[73] Domnia lui Alexandru Ioan Cuza. Mişcarea antiunionistă. http://www.moldovenii.md/md/section/700/content/7161.

[74] Правление Александра Иоанна Кузэ. Антиунионистское движение. http://www.moldovenii.md/ru/section/700/content/7161.

ники, ни сторонники объединения княжеств не предвидели, что создание общего с валахами государства грозит насильственной подгонкой под валашские стандарты языку и культуре молдавского народа. Тот же епископ Мельхиседек стал лидером проунионистского движения в рядах Молдавской церкви. Он, отмечено в литературе, «горько впоследствии раскаивался в этом»[75].

В Валахии письменность была переведена на латинскую графику уже в 1853 г. Дальнейший ход борьбы по вопросам графики в Молдавии трудно объяснить внутриполитическими причинами и, тем более, культурными процессами, естественным образом протекавшими в Дунайских княжествах. Несмотря на потребности клира и верующих в литературе, отпечатанной кириллицей, типографии одна за другой перестраивались на печатание богослужебных книг латинским шрифтом. К началу XX века только типографии в Сибиу (Трансильвания) и в Кишиневе еще печатали эти книги на молдавском языке кириллическим шрифтом[76].

После объединения княжеств проводники латинизации молдавской письменности осуществили ее без правительственного решения, явочным порядком. Оппозиция этому процессу продолжалась, но, отмечает румынский историк Н. Григораш, «Меньшинство, которое поддержало полную замену кириллического алфавита латинским, поддержанное официальными властями, беря пример с Валахии, вышло победителем»[77]. Молдавская этнокультурная самобытность была лишена одной из своих опор.

Огосударствление Молдавской церкви

Согласимся с мнением В.Я. Гросула, секуляризация церковной собственности в Объединенных княжествах была неизбежна. Однако бедствия, которые постигли Церкви Молдавии и Валахии после объединения княжеств, свидетельствуют о вражде государственной власти к православию. Откуда она взялась?

---

[75] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 162.
[76] Там же. С. 153.
[77] Цит. по: Там же. С. 154.

Избрание молдавского боярина второго класса Александра Кузы господарем Молдавии, а затем и Валахии многие историки объясняют его принадлежностью к масонству[78]. С другой стороны, избрание Кузы трактуется как «дело рук папско-протестантского запада, в трогательном согласии настойчиво работавшего во вред православию и России». Но с какой стати было масонам подыгрывать католикам и протестантам? Оставляя без рассмотрения конспирологические версии, все же признаем: Куза действительно демонстрировал расположение к католицизму и заключил с папой римским договор, в соответствии с которым обязался оказывать покровительство католической церкви[79].

Не подлежит сомнению и вражда князя к православию. Уже в первые дни правления он заявил о своем намерении конфисковать собственность иностранного духовенства. Речь шла не только о собственности т.н. преклоненных монастырей, со времен Стефана Великого отчислявших часть своих доходов монастырям Греции, но и собственности монастырей Молдавии и Валахии. Правитель резко сократил подготовку православных священников. В декабре 1862 г. Законодательное собрание Объединенных княжеств передало в государственный доход 20 млн леев, получаемых монастырями за счет их имений, сдаваемых в аренду. 13 (25) декабря 1863 г. Законодательное собрание приняло закон о секуляризации, уже первый пункт которого предписывал, чтобы «все монастырские имущества Румынии становились государственными»[80]. В своей антицерковной позиции либералы и консерваторы оказались едины: за принятие закона проголосовали 93 депутата, против – только 3. В результате этой реформы у церквей и монастырей было отобрано около 25 % всех земельных участков страны. Куза также установил налог в 10 % от чистой прибыли монастырей и церквей. Это был еще один акт государственного грабежа. 8 (20) февраля 1864 г. патриарх Константинопольский Софроний III обвинил А.И. Кузу в принятии мер по разрушению основ христианской православной веры[81].

Конфликт обострился 3 (15) декабря 1864 г., когда в первой статье «Органического регламента по созданию центральных синодальных

---

[78] Там же. С. 132–134.
[79] Там же. С. 157.
[80] Там же. С. 160.
[81] Там же. С. 160, 161.

властей», принятого Законодательным собранием, было записано: «Румынская Православная Церковь есть и остается независимой от какой бы то ни было чужеземной церковной власти во всем, что относится до ее устройства и благочиния». На деле это означало декларацию о подчинении Церкви светским властям. Специальный «Закон о назначении епархиальных митрополитов и епископов Румынии», согласно которому эти назначения осуществлялись правителем по предложению министра исповеданий, стал еще одним шагом к превращению Церкви в ведомство, подчиненное государству. В начале 1865 г. Куза назначил валашского митрополита Нифона примасом Румынии.

Огосударствление Церкви, утрата ею статуса структуры, независимой от чиновников, народом презираемых[82], подрывало ее влияние в обществе. В церковных кругах это понимали. Закон не был одобрен патриархом Константинопольским и вызвал недовольство клириков Валахии и Молдавии. Даже унионист Неофит Скрибан, назначенный правителем епископом Арджеша, отказался признать свое назначение светской властью и подал в отставку. Его брат Филарет выступил против Кузы на заседании Синода. Братья Скрибаны были удалены из Синода, но устранить оппозицию клира правитель не мог. Православные люди обоснованно увидели в Кузе противника православия и сторонника католицизма и стали называть Юлианом Отступником[83].

22 марта (2 апреля) 1863 г. Куза под угрозой отставки священнослужителей и их изгнания из страны запретил проведение богослужений на древнеславянском и греческом языках в греческих и «преклоненных» монастырях. Эта мера вызвала такое возмущение верующих, что министр духовных дел был вынужден издать специальную прокламацию, в которой выразил сожаление о случившихся беспорядках, но заявил, что решение отменено не будет. Запрет славянского богослужения спровоцировал «беспорядки» в целых местностях. Этой мерой, заключил историк Церкви Арсений Стадницкий, правительство стремилось «как можно скорее и резче обособить румын от греко-славянского мира, с которым они находились в тесных исторических связях»[84].

---

[82] Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. С. 78, 79.

[83] См.: Гросул В.Я. Указ. соч. С. 157, 161, 162.

[84] Арсений, Епископъ Псковскій (Стадницкий А.Г.). Изследования и монографіи по исторіи Молдавской церкви. С-Петербургъ, 1904. С. 504, 505.

Разорение Нямецкого монастыря

Наиболее наглядным образом антиправославный характер церковной политики А.И. Кузы проявился в разгроме Нямецкого монастыря. Этот монастырь не подчинялся митрополии, его права и привилегии были подтверждены грамотами господарей и Органическими регламентами. Монастырь имел особые заслуги перед православием. В XVIII столетии его игумен Паисий Величковский утвердил пение в церкви во время богослужения на правом клиросе на славянском, а на левом – на молдавском языке. «В типографии знаменитого монастыря Нямца, – отмечено в 1860 г. в «Записках Бессарабского статистического комитета», – печатались и до сих пор печатаются богослужебные книги на молдавском и славянском языках кирилловскими буквами (и теперь богослужение совершается вполовину на молдавском и вполовину на славянском языках)». На протяжении полувека после смерти Паисия монастырь благоденствовал и привлек множество монашествующих. Накануне реформ Кузы число иноков достигало 1300 чел.[85] Нямецкий монастырь, подчеркивал Арсений Стадницкий, издревле находился под покровительством монархов России[86].

Разорение Нямца началось за четыре года до принятия закона о секуляризации. 12 июня 1859 года монастырь окружила вооруженная стража. Члены специальной комиссии в сопровождении полиции вошли в монастырь, распорядились собрать монахов в трапезной и довели до их сведения указ правителя. Игумен монастыря Герасим смело воспротивился, но его выступление оказалось напрасным. Старца Герасима члены комиссии прилюдно оскорбляли, семеро соборных старцев, также протестовавших против этого разбоя, были арестованы; под конвоем жандармов их отправили в Яссы и другие города. У обители отобрали неприкосновенные денежные суммы, дары, получаемые столетиями, церковные одежды и драгоценные сосуды. Монастырское имущество и скот распродали на публичных торгах по бросовым ценам. Доход от продаж составил всего 50 000 галбенов (золотых)[87].

---

[85] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 156.

[86] Арсений, Епископъ Псковскій (Стадницкий А.Г.). Указ. соч. С. 292.

[87] Mănăstirea «Inălţarea Domnului», Noul Neamţ. http://logos.md/harta/chitcani.html.

В начале 60-х гг. власти ликвидировали находившиеся на содержании монастыря большую богадельню для престарелых, дом для умалишенных, духовную семинарию и множество сельских школ. Дома были проданы либо обращены в тюрьмы. Деньги, вырученные от продажи монастырской собственности, были «расхищены заправилами этого грабительского набега на обители»[88].

Подлинной целью операции являлось уничтожение Нямецкого монастыря как центра молдавских этнокультурных традиционалистов и церковного книгопечатания кириллическим шрифтом на молдавском и славянском языках. Монастырскую библиотеку комиссия опечатала, монастырскую типографию, печатавшую богослужебные книги, конфисковала. Антирусский характер принятых мер правительство Кузы подчеркнуло в октябре 1859 г.: в нарушение устава Паисия Величковского в монастыре было запрещено служить на славянском языке, а из славянского клироса соборной церкви выбросили богослужебные книги. Было запрещено также поминовение русских святых, в том числе Св. Ольги и Св. Владимира[89].

Митрополит Софроний[90]

Старец Герасим обратился к митрополиту Молдавии Софронию Миклеску. Это спровоцировало набег на монастырь Нямц новой комиссии во главе с дядей господаря Георгием Кузой. Настоятель был

---

[88] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 159.

[89] Там же. С. 158.

[90] https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1f/Sofronie_Miclescu_-_Mitropolitul_Moldovei_si_Sucevei.jpg.

уволен. Софроний обратился с посланием к господарю, а 10 сентября, когда и это обращение возымело обратный эффект, – к кишиневскому архиепископу Антонию (Соколову) с просьбой замолвить слово о защите Молдавской церкви перед императором Александром II. Одновременно митрополит обратился за содействием к управляющему молдавскими монастырскими имуществами в России иеромонаху Феофану (Кристя). В Бессарабии в управлении Феофана находились имения Немцены, Копанка и Кицканы.

В июле 1860 г. Феофан направил министру иностранных дел России А.М. Горчакову и обер-прокурору Св. Синода записку «о происках к ниспровержению Восточной православной церкви в княжествах Молдавии и Валахии и о средствах к поддержанию оной», в которой, в частности, говорилось о поселении в Яссах миссионеров-униатов, ведущих агитацию на молдавском языке. Иеромонах просил «Учредить издание духовного журнала на молдавском языке», призванное служить противовесом антирелигиозной пропаганде, развернутой в Молдавии. Средства на его издание, обещал иеромонах, будут даваться Нямецким монастырем[91].

Вероятно, сведения об этих демаршах просочились в Бухарест. 8 ноября 1860 г. в резиденцию митрополита Софрония нагрянул в сопровождении жандармов сам глава правительства Михаил Когэлничану. Не дав ему завершить литургию, жандармы схватили митрополита, посадили в карету и отвезли в Слатинский монастырь. Его заключение было актом беззакония, однако митрополита освободили только после смены правительства. Софроний недолго проживал в Яссах как частное лицо и намеревался выехать в Россию. Однако уже в 1861 г. скончался. Был похоронен в притворе одной из церквей Нямецкого монастыря[92].

13 ноября жандармы во главе с министром церковных дел А. Романо подняли с постели старца Герасима. Под конвоем его отправили в дальний монастырь Кошулу, где он вскоре умер. Смерть иерархов, смещенных и униженных властью Объединенных княжеств, нанесла ущерб ее моральному престижу и правителю[93].

---

[91] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 158.
[92] https://ro.wikipedia.org/wiki/Sofronie_Miclescu.
[93] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 158, 159.

Схиигумен Феофан Кристя[94]

Подводя итог этому этапу наступления А.И. Кузы на Церковь, 17 ноября 1861 г. Феофан направил патриарху Константинопольскому письмо, в котором отметил, что правительство придунайских княжеств «лишило православную Молдавскую церковь всех средств существования, отобрав и другие недвижимости […] столь пагубные и притеснительные распоряжения импровизированного правительства придунайских княжеств вызвали справедливые протесты со стороны молдавского духовенства в лице кириарха страны перед Фокшанской центральной комиссией в княжествах, перед господарем Кузою, российским императорским консулом в Молдавии и уполномоченным российского императорского министерства иностранных дел и российской миссии в Константинополе». Далее Феофан просил патриарха о защите Молдавской церкви[95].

Патриарх довел содержание письма до сведения участников очередной Константинопольской конференции. Однако Куза понимал, что правители европейских держав – католики или протестанты – интересы православных защищать не станут, а Россия после Крымской войны избегает конвликтов. Решения конференции он проигнорировал.

Феофан приступил к другой операции. Он вступил в переписку с духовником Нямецкого монастыря отцом Андроником (Поповичем), будущим церковным летописцем[96]. Оба подвижника ревностно защищали устав Паисия Величковского, богослужение на молдавском и славянском языках. Настоятелем Нямецкого монастыря был избран иеромонах Тимофей. Но в обитель наведывались представители администрации, после чего следовали обыски, аресты, ссылки. Монастырь

---

[94] http://patriot.rs/wp-content/uploads/2018/01/146-15-portrait-696x452.jpg.

[95] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 159.

[96] http://www.scritub.com/istorie/Cronica-inedit-a-lui-Andronic-12315151618.php.

влачил жалкое существование, монахи покидали его. Надо полагать, не без влияния Феофана группа монашествующих во главе с Андроником задумала переселение в Россию с намерением учредить там новый монастырь. 1 октября 1861 г. 11 монахов бежали из монастыря, перешли Прут и поселись в имении Немцены. Туда же прибывали и другие монахи. К концу года там собралось 32 монаха из Нямецкой лавры[97].

В 1864 г. беглецы при поддержке архиепископа Кишиневского Антония учредили в Кицканах Ново-Нямецкий монастырь. Решением российских властей монастырь получил 12 тыс. десятин земли, сады и виноградники. Игуменом новой обители братия избрала Феофана. Монастырь стал хранителем традиций Молдавской православной церкви[98]. Согласно заветам Паисия, богослужение в лавре совершалось на молдавском и церковнославянском языках.

Ново-Нямецкий Кицканский монастырь.
Фото конца XIX в.[99]

[97] Святыня земли православной. http://karavan.md/article/262.
[98] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 160.
[99] http://www.istoria.md/articol/26.

Верность монашествующих церковной традиции, создание вопреки политике государства Ново-Нямецкого монастыря, живущего согласно уставу Паисия Величковского, представляли собой впечатляющее проявление народного православия.

Попытка разрешить некоторые финансовые и социальные проблемы создаваемого Румынского государства путем секуляризации монастырской собственности дала ограниченные результаты. Деньги, все же поступившие в казну, были израсходованы в основном на содержание армии[100].

Разорение православных обителей представляло собой целенаправленный удар, нанесенный по Православной церкви Молдавии как общественной структуре, сохранявшей приверженность традиционным национально-культурным ценностям молдавского народа. Попирая права верующих, правитель сам готовил свое свержение и почву для выступлений в духе народного православия.

Молдавская церковь и восстание в Яссах

Антиунионистское движение 3 апреля 1866 г., подчеркивают румынские авторы, представляло собой заговор крупных молдавских помещиков. Помещики Молдавии действительно не выдерживали конкуренции с валашскими землевладельцами, получавшими субсидии от государства. Однако социальные основания для поддержки требований о восстановлении молдавской государственности имелись почти у всех слоев молдавского общества. Оскудение Ясс больно ударило по экономической жизни сел и деревень, имевших в столице емкий рынок сбыта. Массовый характер носило также недовольство молдавских ремесленников, торговцев, промышленников, чиновников, земледельцев[101]. О том, как расценивали правление Александра Кузы молдаване, можно судить по факту: его свержение «чудовищной коалицией» либералов и консерваторов народ отметил трехдневным празднеством[102].

---

[100] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 163.

[101] Там же. С. 163, 164.

[102] Суляк С. Выступление молдаван против объединения с Валахией (О событиях, произошедших 3 апреля 1866 г. в Яссах) // Русин. 2009. № 2(16). С. 37.

Согласно фирмана турецкого султана (декабрь 1861 г.), объединение княжеств признавалось только как административное и только на время правления А.И. Кузы. Поэтому молдаване полагали, что с его отречением заканчивается и период «объединения» Молдавии с Валахией[103]. Но правящие круги Валахии не желали терять контроль над Молдавией. Сформированное лидерами дворцового переворота Временное правительство выступило за избрание главой Объединенных княжеств иностранного князя. Вскоре в Бухаресте определились с его кандидатурой: Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген.

В Молдавии начались демонстрации и собрания, на которых звучали лозунги не только политического («Долой объединение!»), но и антивалашского характера: «Хотим господаря-молдаванина!», «Не хотим, чтобы нас наставляли цыгане, чтобы мунтяне управляли Молдовой, пусть убираются туда, откуда пришли!»[104]. Оценив ситуацию, делегация молдавских бояр предложила свою поддержку в избрании господарем Молдавии, отделенной от Румынской страны, 24-летнему судье Ясского суда Николаю Росетти-Розновану, несметно богатому потомку знатных бояр, русофилу, получившему образование в Париже. Он дал согласие и сделал заявление о том, что рассчитывать на избрание иностранного князя нельзя, высказался за отделение Молдавии от Валахии. Для наблюдения за выборами в Избирательное собрание был создан Комитет из 16 лиц[105].

Митрополит Молдавии Калиник Миклеску, племянник умершего в опале митрополита Софрония, присоединился к народному движению. «Мы не позволим мунтянам, – заявил он, – продавать нас немцам! Мы осуществили Объединение не для того, чтобы возвести на блестящий трон православных румынских господарей немецких принцев-католиков»[106]. Молдавская традиция, согласно которой вторым после господаря лицом в стране являлся глава Молдавской церкви, оставалась в силе. После митрополита публично высказал «необходимость для бла-

---

[103] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 135, 144, 177, 178.

[104] Revolta sângeroasă de la Iaşi, din 3 aprilie 1866 //ok.ru.group/50188210208801/topic/67889869897761.

[105] http://enciclopediaromaniei.ro/wiki/Nicolae_Rosetti-Roznovanu.

[106] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 181.

га Молдавии – отделение ее от Валахии»[107] и настоятель знаменитой ясской церкви Трех Святителей епископ Иосиф Бобулеску. Пламенным агитатором за восстановление молдавской государственности выступал будущий классик молдавской литературы диакон Ион Крянгэ. Свои антиунионистские взгляды он без обиняков высказывал перед любой аудиторией, заражая слушателей своим энтузиазмом[108].

В поисках «русского следа» в событиях 1866 г. румынские авторы утверждают, что действительным главой «сепаратистского заговора» и организатором молдавского движения был двоюродный брат Николая Розновану, российский подданный князь Константин Морузи, располагавший широкими связями в Петербурге. В «заговоре» состоял и Александр Морузи, брат Константина, выросший в столице Российской империи. Однако сведений о связях этих лиц с российскими властями не имеется. Судя по их действиям 3(15) апреля 1866 г., ни митрополит Калиник, ни другие руководители движения не знали об оценке намерений Бухареста, данной российским консулом в Яссах И.М. Лексом еще за месяц до событий.

Руководимая Розновану «партия», сообщил И.М. Лекс генеральному консулу в Бухаресте, самая многочисленная. Она состоит «из бояр, духовенства и торговцев и имеет за собой весь народ». Унионистскую «партию» составляли «профессора, студенты, военные и некоторые из чиновников». В унисон с ней действовала третья «партия», автономистская, не требовавшая независимости Молдавии. Партии Н. Розновану, продолжил дипломат, удалось привлечь на свою сторону митрополита Калиника Миклеску и нескольких епископов, «за которыми неминуемо последует и все духовенство, горячо желающее разъединения» Молдавии и Валахии. 29 марта митрополит прибыл в помещение примарии (городской управы) Ясс и принял участие в собрании общественности. После того, как председательствующий Н. Розновану, И. Крянгэ[109] и другие ораторы выступили с антивалашскими и

---

[107] Там же. С. 169.

[108] De ce îi ura reacţionarul Creangă pe munteni şi pe olteni. http://adevarul.ro/locale/botosani/de-ura-reactionarul-creanga-munteni-olteni-scriitorul-isi-dorea-moldova-rupta-regat-participat-revolta-iasi-1_556abbc2cfbe376e35c69448/index.html.

[109] De ce îi ura reacţionarul Creangă pe munteni şi pe olteni. http://adevarul.ro/locale/botosani/de-ura-reactionarul-creanga-munteni-olteni-scriitorul-isi-dorea-moldova-rupta-regat-participat-revolta-Iasi-1_556abbc2cfbe376e35c69448/index.html.

антиунионистскими речами, Калиник в присутствии более 1000 человек дал сторонникам молдавской государственности свое пастырское благословение[110].

Однако за время правления А.И. Кузы государственные учреждения Молдавского княжества были демонтированы, контроль над правительственным аппаратом Объединенных княжеств и армией перешел к валахам. В феврале 1866 г. в стране была установлена диктатура военных. Члены Наместничества (слово «хунта» в то время в Европе еще не употреблялось) вознамерились дать молдаванам кровавый урок. Укомплектованный молдаванами полк, солдаты которого могли присоединиться к молдавским государственникам, был отправлен подальше от Ясс, в Галац, а в молдавскую столицу перебросили полк, состоящий из уроженцев Валахии, способных стрелять в молдаван, под командой участников свержения Кузы капитанов Костиеску и Пилата. В качестве «чрезвычайного комиссара» в Молдавию был направлен депутат от Ясс в Диване потомок фанариотов Д. Козадини, известный унионист. Префектом (начальником полиции) Ясс был назначен валах Штефан Голеску, брат члена Наместничества. Были заменены и другие префекты-молдаване. Был уволен также епископ Иосиф Бобулеску. Накануне решающих событий, 26 марта (7 апреля), в Яссы прибыли двое членов хунты – генералы Н. Голеску и Л. Катарджи. Они провели собрание влиятельных жителей Ясс[111]. И.М. Лекс еще 5 марта 1866 г. предупредил российского генерального консула в Бухаресте о возможности расстрела манифестантов в Яссах[112].

Вожди молдавского движения не могли не знать о перемещениях войск и других приготовлениях Временного правительства. Но они действовали в пределах правового поля, и должных выводов о намерениях Бухареста не сделали. 2 (14) апреля 1866 г., когда в Объединенных княжествах был начат плебисцит по вопросу об избрании господарем Карла Гогенцоллерна, молдавские государственники распространили прокламации с призывом бойкотировать избрание принца-католика.

---

[110] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 174.
[111] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 176.
[112] Там же. С. 169.

Собрание в городской управе Ясс 29 марта 1866 г.[113]. *В центре – митрополит Калиник*

Стремясь изыскать оправдание кровопролитию, устроенному валахами в Яссах на следующий день, ясский историк Г.-Г. Кэрэбуш утверждает: «В воскресенье 3(15) апреля приблизительно в 10 часов утра митрополит обратился к людям, собравшимся у митрополии, призвав их выступить против объединения и во главе относительно многочисленной толпы, руководителем которой был Т. Болдур-Лэцеску, направился к Административному дворцу, где находились господарские наместники Л. Катарджи и Н. Голеску. В это время зазвонили колокола церквей, приглашая [принять участие в манифестации] и других людей. Целью движения было занятие дворца и провозглашение Н. Росетти-Розновану господарем Молдавии. К ним присоединилась группа людей, собравшихся во дворце Розновану, и они направились вперед, выкрикивая лозунги – ”Жос Униря!”, “Долой иностранного принца!”, “Хотим местного господаря!”, “Да здравствует Молдова!”, “Да здравствует Конвенция!”»[114].

---

[113] https://noi.md/ru/obshhestvo/krovavoe-podavlenie-antiunionistskogo-vosstaniya-v-kotorom-uchastvoval-i-ion-kryangje.

[114] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 180.

Согласно еще более обличительной версии, призванной оправдать убийства, митрополит Молдовы благословил толпу мятежников, вооруженных дрекольем и огнестрельным оружием, и возглавил их: утром 3 апреля 1866 года во дворе Митрополии и дворца Розновану, находящегося через дорогу, собралось много жителей Ясс, «вооруженных дубинами и ружьями, поднятых из пригородов Тодерицей Лэцеску, боярином старого рода, но сомнительной репутации и устрашающей физической силы. Во дворце Розновану митрополит Калиник благословил толпу и подписал сепаратистскую декларацию, а затем, под звон колоколов Митрополии, Его преосвященство Калиник с крестом в руке встал во главе повстанцев, призывая их идти ко Дворцу, где находился член Совета Регентства Ласкар Катарджи»[115].

Действительно, шествие началось богослужением в церкви Митрополии. Но его организаторы никак не предполагали его кровавого исхода. «Сегодня, 3(15) апреля 1866 г., в воскресный праздник св. апостола Фомы, – отметил в обращении к губернатору Бессарабии участник событий Димитрий Маноли, в 50-е гг. председатель Ясского суда, – народ города Яссы явился в спокойствии в Кафедральную церковь митрополии, чтобы присутствовать при совершении св. литургии преосвященнейшим митрополитом молдавским. Часть народа стояла в церкви, а часть в церковной ограде и даже на улице. Все с открытою головою и без оружия, потому что хотели по окончании богослужения отправиться во главе с митрополитом к бывшему княжескому дворцу, чтобы там словесно выразить народное желание, совершенно согласное с Парижской конвенцией от 7(19) августа 1858 года, на что испрашивалось разрешение, формальным прошением, у Фуада-паши, великого визиря Оттоманской империи еще 11(23) февраля настоящего года, после удаления князя Кузы, и о чем сообщено было и гг. консулам.

К 12 часам, по окончании литургии, народ с митрополитом во главе и крестом в руке и с белыми платками, знаком мира, а не революции, отправился к дворцу. По прибытии к нему встречена была молдавская (Так в тексте – *П.Ш.*) пехота, составленная из валахов и таких же командиров, явившихся по распоряжению Временного правительства.

---

[115] Mişcarea antiunionistă din Moldova. Pagini de istorie adevărată. https://vox.publika.md/wp-content/uploads/2013/01/Divanul_Ad-Hoc_1857.jpgf.

Не обращая внимания на народное желание, выраженное в духе Парижской конвенции, против пребывания в Молдавии валашской милиции, командиры скомандовали «пали», и в это же мгновение открылся ружейный огонь по народу, как по собакам, пошли в дело штыки, так что на месте осталось мертвыми большое количество невиновных людей, и митрополит получил рану саблею. Когда народ разбежался в ужасе, видя нападение войска, ружейная пальба гремела, колокола неизвестно для чего звонили, вдруг явилась кавалерия, стала рубить направо и налево, наводя ужас, какой мог быть при татарах и янычарах. Содрогаюсь при воспоминании дикого действия вооруженных валахов и настоящего правительства, от мер, употребленных в этот день против несчастного народа молдавского»[116].

Согласно доклада префекта Ясс Шт. Голеску, толпа насчитывала 500 человек; руководитель демонстрации боярин Тоадер Болдур-Лэцеску полагал, что манифестантов было пять тысяч. Достоверной представляется вторая оценка: к участникам богослужения присоединились люди, собранные Т. Болдуром-Лэцеску перед дворцом Розновану, а на улицах – масса прохожих. Среди демонстрантов были представлены все социальные классы (мелкие торговцы, ремесленники, бояре, представители духовенства) и, кроме молдаван, – греки, а также люди других национальностей, в богослужении вряд ли участвовавшие (цыгане, русские старообрядцы, поляки, евреи)[117].

Манифестанты не опасались конфронтации с войсками. Во главе процессии шли митрополит Калиник, князь Александр Морузи, «внушительная свита клириков»[118], в том числе епископ Иосиф Бобулеску, другие духовные и светские лица. Кто именно? Вероятно, это были бояре, упомянутые российским консулом среди арестованных: «Николай Рознован, Федор Лацеско, Костаки Аслан, Панаиоти Кристи, Нико Аслан, Барагина, князь Александр Гика, Бонжиа и многие другие из бояр»[119]. Это была депутация, намеренная от имени молдавского обще-

---

[116] Цит. по: Суляк С. Выступление молдаван против объединения с Валахией (О событиях, произошедших 3 апреля 1866 г. в Яссах) // Русин. 2009. № 2(16). С. 40, 41.

[117] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 181.

[118] Revolta sângeroaă de la Iaşi, din 3 aprilie 1866 // ok.ru›group/50188210208801/topic/67889869897761.

[119] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 185.

ства предъявить представителям Временного правительства требования, пресловутую «сепаратистскую декларацию».

Митрополит Калиник[120]

Дорогу депутации и сопровождающему ее народу преградили батальон пехоты и эскадрон кавалерии, укомплектованные преимущественно валахами и под командой офицеров – только валахов. Впоследствии каратели пытались представить себя обороняющейся стороной. Войска, якобы, получили приказ не прибегать к оружию. Но манифестанты, утверждал бывший командир эскадрона Г.Н. Тонашку, очень скоро перешли от выкриков и оскорблений к атаке против солдат, намереваясь взять штурмом Административный дворец. Солдат забросали камнями и дубинами, а на ближайших улицах стали возводить баррикады. Одна из баррикад была построена из решетки сада митрополии, поддержанной камнями, вынутыми из тротуара[121].

Однако бегущие в Россию участники событий утверждали, что войска напали на процессию еще до того, как она достигла Административного дворца. В пути следования манифестанты, отметил в рапорте инспектор правления российского Центрального карантина в местечке Скуляны, опросивший беженцев из Ясс, «были настигнуты войсками, которые без всякой причины начали стрелять и убивать народ; сбили с рук митрополита крест саблею и ранили его пикою. Был сильно ранен еще один архимандрит. Князь [Александр] Морузи получил также сабельный удар в спину и затылок»[122], надо полагать, тупой стороной

---

[120] http://en.buypopart.com/Art.nsf/O/AQTDMX/$File/Carol-Szathmari-Roman-Carol-Popp-de-Szathmary-Mitropolitul-Miclescu-Calinic.jpg.

[121] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 179.

[122] Суляк С. Указ. соч. С. 40.

сабли. Он укрылся в помещении российской дипломатической миссии в Яссах и в тот же день бежал в Россию. А Калиника выручил Ион Крянгэ. Вместе с другим диаконом, Енэкеску, он укрыл раненого митрополита в погребе корчмы «У Ангела» и тем самым спас ему жизнь[123]. Автор-унионист привел подробность, якобы компрометирующую Калиника: дьяконы спрятали его под пустой бочкой[124].

Вооруженный отпор карателям молдаване все-таки дали. Согласно более полным отчетам полиции, войска потеряли убитыми 17 чел. и более 30 ранеными, а по данным германского консула в Яссах Геринга – 60 чел. только убитыми[125]. Поскольку власти стремились преуменьшить масштаб событий, более достоверной представляется цифра, приведенная иностранным дипломатом. Означает ли это, что участники манифестации пришли на богослужение с дубинами в руках и с пистолетами в карманах? Конечно, нет! Оружие они изыскали после первых выстрелов, когда раздались крики: «Наши братья убиты, наши отцы убиты!», «Убили и митрополита! Убили митрополита!». Именно после того, как участники шествия услышали о гибели главы Молдавской церкви, они пришли в ярость и неистовство и начали швырять в солдат камни[126]. «Дошло, – признал историк-румынист Николае Йорга, – до процессии, которая, по древнему обычаю, вышла с митрополитом во главе, и до настоящей вооруженной битвы с тем мунтянским полком, который применил оружие и пролил достаточно крови […]»[127].

Генералы Н. Голеску и Л. Катарджи отдавали войскам приказания никого не щадить и убивать всех, кто выходит вперед. Антимолдавский шовинизм валахов они пытались усилить призывами антисемитского толка. Члены хунты, а также участники заговора против А.И. Кузы бывший секретарь князя Д. Стурза, секретарь Наместничества П. Карп, шеф полиции Шт. Голеску и даже ректор Ясского университета литературный критик Т. Майореску кричали из-за солдатских спин: «Уби-

---

[123] https://doxologia.ro/viata-bisericii/documentar/ion-creanga-un-diacon-infrant.

[124] De ce îi ura reacţionarul Creangă pe munteni şi pe olteni. http://adevarul.ro/locale/botosani/de-ura-reactionarul-creanga-munteni-olteni-scriitorul-isi-dorea-moldova-rupta-regat-participat-revolta-iasi-1_556abbc2cfbe376e35c69448/index.html.

[125] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 179.

[126] Там же. С. 181.

[127] Istoria unirii românilor de I. Lupaş. Buc.: Fundaţia culturală regală “Principele Karol”, 1938. P. 290.

вайте жидов, убивайте ясских молдаван, которые являются жидовским гнездом, бейте жидов, потому что они не желают объединения, желают сепаратизма»[128].

Войска под командой генерала К. Давиллы (Carlo d'Avila, итальянец) устроили сторонникам молдавской государственности кровавую баню. Однако в уличном бою приняли участие тысячи жителей Ясс. Только после двух часов борьбы военные смогли оттеснить их по Улица Маре до Митрополии и дворца Розновану[129]. Из окон дворца было сделано несколько выстрелов по карателям. Но баррикада перед дворцом была снесена, солдаты ворвались в дом и схватили Н. Розновану, его мать и тех, кого считали руководителями восстания. На улицах города вооруженные столкновения продолжались до конца дня. Оценивая масштабы боев, российский консул И.М. Лекс, свидетель событий, впоследствии назвал Ясское восстание революцией[130].

Ночью военные – а не молдавская полиция! – провели массовые облавы и обыски, схватив сотни горожан, подозреваемых в участии в восстании. По сведениям российского консула, только «простого народа было арестовано до 300 человек». Историк Кэрэбуш приводит более полную цифру – 400 арестованных молдаван[131].

Калиника обнаружили при обыске в погребе питейного заведения. Его опознали и отвезли в больницу при монастыре Святого Спиридона, где оставили под стражей. Квартиру в Митрополии опечатали[132]. Согласно другой версии, приводимой историками-унионистами, митрополит Молдовы, конспирации ради переодетый в еврейский кафтан, тайно встретился с Титу Майореску, который убедил его сдаться[133]. Вопрос о том, как скрывающийся иерарх мог тайно встретиться с лицом, связанным с военными, заслуживает выяснения.

---

[128] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 181.

Участие названных деятелей в подавлении Ясского восстания румынская историография тщательно обходит.

[129] Revolta sângeroasă de la Iaşi, din 3 aprilie 1866 //ok.ru›group/50188210208801/topic/67889869897761.

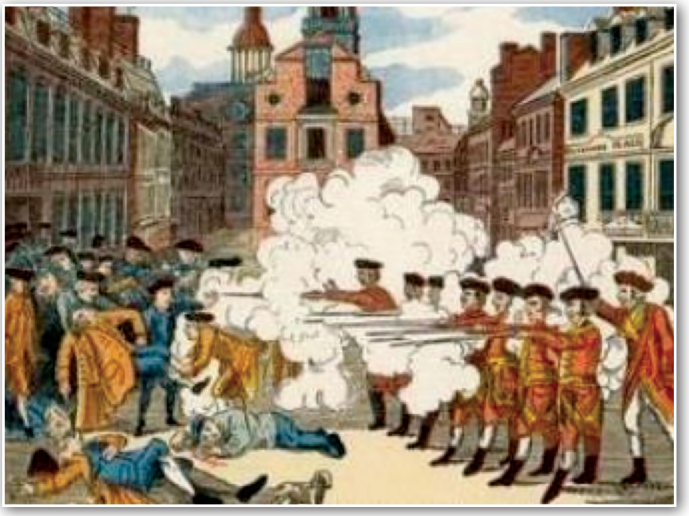
[130] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 188.

[131] Там же. С. 182, 185.

[132] https://doxologia.ro/viata-bisericii/documentar/ion-creanga-un-diacon-infrant.

[133] Ibid.

Т. Майореску был о митрополите невысокого мнения, однажды назвав его «легкомысленным Митрополитом Калиником»[134]. Но не упустил возможности записать себе в заслугу спасение главы Молдавской церкви. Возможно, в монастырской больнице Майореску навестил раненого митрополита и предложил ему представить задержание как добровольную явку с повинной. Фраза о кафтане – если вся эта история не выдумана, – вымысел литератора, выдающий его этнополитические воззрения.



«Кровавое восстание в Яссах 3 апреля 1866».
Миниатюра современника событий[135]

Число погибших участников восстания и жителей Ясс, к нему не причастных, не установлено и поныне. Власти стремились преуменьшить масштаб восстания. Среди мятежников, доложил префект Шт. Голеску, убиты 15, а 25 ранены, французский консул в Яссах сообщил посольству в Бухарест, что убитых – 70, а раненых – 20, а свидетель событий И. Морару отметил в воспоминаниях, что резня в тот день

---

[134] https://ro.wikipedia.org/wiki/Calinic_Miclescu.

[135] http://www.lovendal.ro/wp52/revolta-sangeroasa-de-la-iasi-din-3-aprilie-1866-despre-care-cartile-oficiale-de-istorie-au-pastrat-secretul-de-ce/.

продолжалась более пяти часов и имела результатом убийство более 300 молдаван. Полицейские и солдаты ночью закопали их в канаве, а тротуар вымыли от крови. 200 раненых молдаван оказались в больницах[136]. Общее число раненых было, конечно, больше. Поскольку резня и перестрелки продолжались более 5 часов, вероятно, больше объявленных были и потери армии.

Дух молдавских государственников сломлен не был. «Жители Ясс, – уже 16 апреля 1866 г. доложил бессарабскому губернатору инспектор правления скулянского Центрального карантина, – не перестают высказывать свою ненависть к валахам. Они мстят им смертью за события 3 апреля, и вследствие этого, нередко в ночное время, находят убитыми стоявших на часах солдат валашской милиции. Кроме того, отдельные демонстрации мстителей в малых размерах не перестают. О слиянии княжеств под владычеством иностранного принца молдаване слышать не хотят». Молдавские патриоты разослали по Молдавии Бюллетень с призывом противодействовать «агентам Временного правительства, собирающим подписи в пользу соединения»[137]. Призыв возымел действие. Из 720 жителей Ясс, имевших право голоса, в выборах иностранного князя согласились участвовать только 130, остальные 590 «совершенно отказались от этого»[138].

Итак, молдавское подполье уже действовало. На его стороне был и низовой состав полиции. 3(15) апреля ясская полиция не участвовала ни в охране порядка, ни в проведенных валахами ночью и в последующие дни арестах. Зато российский консул Лекс получил сведения о том, где секретно держат под стражей митрополита Калиника, а затем и письма находящихся в заключении Н. Розновану и еще троих бояр о событиях 3(15) апреля. Россия была за разделение княжеств, поэтому ничего хорошего не сулило Бухаресту и усиливающееся бегство молдаван – противников «Объединения» в Россию; целыми подразделениями бежали за Прут даже молдаване-пограничники[139].

Судебное разбирательство грозило вскрыть провокационную роль, сыгранную в Яссах представителями Временного правительства. Ви-

---

[136] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 182, 183.
[137] Суляк С. Указ. соч. С. 42.
[138] Гросул В.Я. Указ. соч. С. 187.
[139] Там же. С. 177, 178, 188.

димо, поэтому ни судебного процесса, ни бессудных казней после подавления Ясского восстания не последовало. Прибегнув к фальсификации, военные довели процедуру избрания иностранного правителя до конца. Прибывший в страну князь Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген был вынужден считаться с наличием столь массовой и радикальной молдавской оппозиции и не решился начать правление с репрессий. 10 мая он подписал декрет об амнистии лиц, которым были вменены «политические преступления»[140]. В мае – от греха подальше? – укомплектованные валахами милицейские формирования были из Молдавии выведены. Стремясь сбить накал страстей, Карл I льстиво объявил Яссы «второй столицей», а затем – с подачи Т. Майореску, – «культурной столицей страны».

11(23) мая митрополит Калиник, Н. Росетти-Розновану, Т. Болдур-Лэцеску и все лица, арестованные по делам о событиях 3(15) апреля, вышли на свободу. Народ встречал их как героев. Митрополита народ вынес на руках из экипажа в церковь с криками: «Да здравствует Молдавия!». Н. Розновану от места, где он находился под арестом, до дворца с криками, повторявшими лозунги восстания: «Да здравствует Молдавия!», «Долой объединение!», «Не хотим иностранного принца!» сопровождали до 10000 чел. народа[141]. Выступление в традициях народного православия превращалось в национально-политическое движение. Однако сторонники восстановления молдавской государственности оказались лично обязаны новому правителю.

Посулы официального Бухареста и послабления цензурного режима не возымели экономических и социальных следствий. Молдавия оставалась заброшенной и эксплуатируемой провинцией Румынии, молдаван дискриминировали в доступе к государственной и военной службе, и констатация «Молдова не представлена в Бухаресте» стала в Яссах рефреном дискуссий о положении молдавских уездов в системе Румынского государства. И все же правление иноземного князя вскоре представилось молдаванам более приемлемым для Молдавии, чем валашская диктатура. Ведущие участники событий 3(15) апреля включились в политическую и общественную жизнь на существующих ус-

---

[140] https://doxologia.ro/viata-bisericii/documentar/ion-creanga-un-diacon-infrant.

[141] Суляк С. Указ. соч. С. 44, 45.

ловиях. Н. Росетти-Розновану в 1868 г. был избран депутатом Национального собрания Румынии, а митрополит Калиник в 1875 г. – митрополитом-примасом Румынской церкви. Т. Болдур-Лэцеску защищал молдавскую культурную идентичность как публицист. Издавал газеты «Молдова», «Екоул мунцилор» («Эхо гор») и юмористическую «Болдул» («Булавка»). А Ион Крянгэ завершил утверждение литературных норм молдавского языка, выступал против его «мунтенизации». Широкую известность получил призыв писателя к молдавской интеллигенции говорить «более по-молдавски». Все творчество Крянгэ – это защита молдавской языковой традиции, лексического фонда молдавского языка, молдавского «речестроя»[142].

Диакон Ион Крянгэ[143]

Деятели молдавского движения способствовали сохранению молдавского этнического сознания, развитию и популяризации молдавской культуры. Однако история не дала им второго шанса на восстановление Молдавского государства. Курс европейских держав на сохранение Румынии в существующих границах лишил молдавское движение национально-государственной перспективы. В этих условиях постепенно увяло и национально-культурное сопротивление молдаван. Однако особенности молдавской речи и молдавофильское течение среди интеллигенции в Пруто-Карпатской Молдове сохранились.

Участие Православной церкви в защите национально-культурной идентичности молдавского народа и в движении за восстановление молдавской государственности представляет собой свидетельство действенного характера народного православия.

---

[142] Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. С. 187, 188.

[143] https://doxologia.ro/viata-bisericii/documentar/ion-creanga-un-diacon-infrant.

IV. НАРОДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В БЕССАРАБИИ: «АВТОНОМИЗМ» И ЗАЩИТА ТРАДИЦИЙ

В отличие от других территорий, отторгнутых от охваченной революцией России, оккупированная румынскими войсками Бессарабия оказалась под контролем православного государства. Тем не менее, курс Бухареста на превращение Церкви в инструмент закрепления этой области в составе Румынии и здесь означал распространение этнического и политического насилия и на церковную сферу. Каковы были конечные цели, задачи и методы этой политики, какими оказались ее результаты?

В исторических исследованиях общегражданского плана[144] есть упоминания о репрессиях, предпринятых румынскими властями против священнослужителей и мирян, а в работах антирелигиозного характера[145] – не подтвержденные фактами утверждения о том, что православное духовенство Бессарабии «приветствовало оккупацию края королевской Румынией», а впоследствии «тесно сотрудничало с оккупантами, принимало деятельное участие в борьбе с революционным и национально-освободительным движением». Церковные авторы признают, что, хотя «внешне церковная жизнь на территории Бессарабии в этот период процветала, но нравственная, духовная жизнь была в упадке»[146]. Выяснение целей и методов церковной политики Румынской патриархии и светских властей в Бессарабии, смыслов борьбы, развернувшейся в Бессарабской церкви в 1918–1940 гг., отношения бессарабского духовенства и верующих к этой политике представляет научный интерес.

---

[144] См.: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и Бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974; Лунгу В.Н. Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918–1920 гг. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1979.

[145] См.: Бабий А.И. Православие в Молдавии: история и современность. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988.

[146] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь. 2004.

Аннексия Бессарабской епархии митрополией Румынии и Российская православная церковь

К моменту румынской оккупации Бессарабская митрополия Российской православной церкви включала три епархии: Кишиневскую, Хотинскую и Болградско-Измаильскую, в общей сложности 1084 церковных прихода, 27 монастырей, 7 монашеских скитов[147], три духовные семинарии. Церковь являлась одним из проводников книжности. Она издавала на молдавском языке журнал «Луминэторул» («Просветитель») и русско-молдавский журнал «Кишиневские епархиальные ведомости». Богослужение велось на церковнославянском и молдавском языках. Церковь пользовалась влиянием в народе, ее структуры могли сыграть важную роль в оправдании румынского вторжения в Бессарабию, а в перспективе – и в закреплении области в составе румынского государства. Однако этого не случилось.

«Многими сказано, – отметил румынский академик Онисифор Гибу, – что бессарабское духовенство было русифицировано. Это обвинение не обоснованно. […] Можно сказать, что духовенство было «царифицировано» – но был «царифицирован» и весь молдавский народ»[148]. В действительности к вступлению румынских войск в Бессарабию местный клир отнесся более чем холодно. Уже в январе–феврале 1918 г. Бессарабская церковь вместе с земством приняла участие в создании патриотического Комитета освобождения Бессарабии, а ее глава архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский), находясь в это время на Всероссийском поместном соборе Русской церкви в Москве, осудил акт оккупации. Поэтому политическое подчинение церковных структур Молдавской Демократической Республики румынский Синод начал с предъявления Анастасию и епископам Гавриилу (Чепуру) и Дионисию требования отложиться от Всероссийской церкви. Одновременно Анастасию было обещано место в румынском

---

[147] Anuarul statistic al României. 1926. Buc.: Topografia curtii regale, 1927. P. 322; Anuarul pentru toti. Aprilie 1928–1929. Buc.: Tipografia «Cultura poporului», 1930. P. 3091.

[148] Ghibu O. Pe baricadele vietii: In Basarabia revolutionara. (1917–1918). Amintiri. Chişinău: Universitas, 1992.

Синоде. Но иерархи отказались сделать требуемое, и румынские военные власти выслали их за Днестр. Синод же объяснил верующим, что Анастасий добровольно покинул епархию[149]. В отсутствие готовых служить Бухаресту местных иерархов во главе Бессарабской церкви был поставлен знающий русский язык епископ Хушский Никодим (Никулеску).

Митрополит Анастасий (Грибановский), архиепископ Кишиневский и Хотинский. Епископы Гавриил (Чепур) и Дионисий (Сосновский)

В России Православная церковь была не только законом отделена от государства, но и подвергнута небывалым на Руси гонениям. Революционные власти, анархические и просто уголовные элементы грабили монастыри и церкви, унижали, преследовали и убивали священнослужителей и верующих. Из 100 тысяч священников, имевшихся в России до революции, уже к 1919 г. осталось только 40 тысяч[150]. Остальные были принуждены покинуть свои приходы, эмигрировать либо были заключены в лагеря или сосланы; многие погибли. Тем не менее, Русская православная церковь отказала церковным властям Румынии в переподчинении Бессарабской церкви. На захват епархии патриарх Ти-

---

[149] Национальный архив Республики Молдова (*Далее:* НА РМ). Ф. 727. Оп. 2. Д. 101. Л. 41.

Из Москвы Анастасий выехал в Константинополь и продолжил служение в монастыре Галата. В 1938–1964 гг. возглавлял зарубежную РПЦ.

[150] Степанов В. (Русак). Свидетельство обвинения. Т. I. – М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993. С. 181, 89.

хон отреагировал посланиями, адресованными председателю Синода Румынской церкви митрополиту Молдавскому и Сочавскому Пимену. Светская власть, указал патриарх, не вправе распоряжаться церковными делами. «Малороссия, – отметил патриарх в послании главе Румынской церкви 16(29) мая 1918 г., – присоединена была к Московскому государству в 1654 году, но это не помешало ее Церкви в течение 32 лет быть под юрисдикцией Константинопольского Патриарха; невзирая на неоднократные просьбы Московской церковной и светской власти о передаче Киевской Митрополии в ведение Московского Патриарха, Вселенские Патриархи долго не уступали Москве своих прав над Малороссией, пока, наконец, Патриарх Дионисий не решил этого вопроса в благоприятном для Русской Церкви смысле на нарочито созванном для этого Соборе».

В грамоте от 23 мая (5 июня) 1918 г. патриарх указал на то обстоятельство, что установление политического контроля иностранного государства не всегда влечет за собой и единение Церквей. Далее глава Русской Церкви резко протестовал против антиканонических деяний священноначалия Румынской церкви, которая «своим односторонним, предпринятым без согласия Русской Церкви решением не имела права определить судьбу Кишиневской епархии в смысле подчинения ее своей власти, после того как православная Бессарабия в последние сто лет составляла нераздельную часть русского церковного тела; такой образ действий Румынского Священного Синода противоречит одинаково и духу христианской любви, и исконным каноническим указаниям, и священным обычаям православной Церкви».

«Когда в новейшее время, – отметил патриарх далее, – национальное движение среди православных народов, подвластных Турецкой империи, вызвало к самостоятельной политической жизни несколько государств, то у последних тотчас же возникло стремление к самостоятельному устроению местной церковной жизни, однако отделение их от Константинопольского патриархата совершалось не иначе как с согласия Вселенского Патриарха и признания такового со стороны других автокефальных Церквей. Так, последовавшее в 1882 году провозглашение Молдавии и Валахии самостоятельным Румынским Королевством вызвало в последнем стремление освободить Румынскую церковь от юрисдикции Константинопольского Патриарха; румынский король хотел совершить это только своею собственною властью, но

Константинопольский патриарх решительно встал против столь очевидного нарушения канонических правил, его протест был поддержан и другими автокефальными Церквами, и Румынская церковь поневоле должна была снова вступить в сношения с Вселенским Патриархом, чтобы получить от него каноническое признание своей независимости, последовавшее, как известно, только в 1885 году…»[151].

Святейший патриарх Тихон

Развивая эту аргументацию, осенью 1918 г. глава Русской церкви направил в Бухарест еще одну грамоту, в которой указал, что сам факт аннексии Бессарабии Румынией «не может в данном случае служить оправданием для румынской церковной власти, во-первых, потому, что оно само не оправдывается историей, и, во-вторых, потому, что такая точка зрения покоится на смешении природы церковной и политической жизни, разнородных по самому своему существу… И к тому же и самый акт присоединения Бессарабии к Румынскому королевству, как мы утверждали это и ранее, далеко еще не является общепризнанным с международной точки зрения и может быть подвергнут пересмотру при окончательном учете результатов мировой войны». Свое послание патриарх завершил предупреждением: «Если Румынская церковь, невзирая на выставленные нами возражения, попытается насильственно закрепить за собой [создавшееся] положение, мы вынуждены будем прервать всякое братское и каноническое общение с Румынским Синодом и

---

[151] См.: Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: Сб. в 2-х частях. / Сост. М.Е. Губонин. М., Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института. С. 153–155.

принести настоящее дело на суд других православных Церквей». Обоснованно рассчитывая на приверженность верующих и бессарабского клира Русской православной церкви, патриарх Тихон указал также на необходимость при решении вопроса о принадлежности Бессарабской епархии «запросить бессарабский церковный клир и народ», выслушать «предварительно голоса двухмиллионного православного населения края». Для решения вопроса о будущем положении и устройстве Бессарабской церкви патриарх предложил созвать местный Собор или епархиальное Собрание[152].

Румынская церковь представляла собой государственный институт и как таковой не была свободна в своих действиях. Кроме того, «братское и каноническое общение» с гонимой Российской православной церковью не представляло особой ценности для церковных властей Бухареста. Румынский Синод пренебрег законным протестом патриарха Тихона. Однако епископа Хушского Никодима (Никулеску), ставленника оккупационной администрации, бессарабские клирики и верующие встретили отнюдь не дружественно. Румынские власти также были склонны трактовать назначение Никодима как своего рода коллективное наказание, наложенное на верующих молдаван. «Молдаване, – пояснял Онисифор Гибу на страницах выходившей в Кишиневе газеты «Ромыния ноуэ», – должны знать, что они виновны в этом, так как не решились отречься от русского архиерея, которого Румыния терпеть не может после того, как он охаял ее будучи в Москве»[153].

С рядовыми священнослужителями румынские власти обошлись еще более жестко. Монахинь монастыря Речула румынские жандармы за участие в богослужении на русском языке высекли розгами, а старика-священника села Горешты, обвиненного в сочувствии крестьянам-участникам антирумынского выступления, они до потери сознания истязали мокрыми веревками; от пережитых мук священник сошел с ума[154]. Опасаясь подобной участи, члены Комитета освобождения Бесссарабии, – и священнослужители, и земцы, – бежали из Кишинева в Одессу.

---

[152] Там же. С. 215, 216.

[153] România Nouă [Chişinău]. 1918. 10 iulie.

[154] Лунгу В.Н. Указ.соч. С. 150.

Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. (1917–1920 гг.): Сб. док. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 194.

Церковь в Румынии была защищена законом как государственное учреждение. Согласно закону № 97 от 6 мая 1925 г., Румынская православная церковь, как «религия большинства румын», провозглашалась (ст. 1) «доминирующей в румынском Государстве». Внешне церковная жизнь в Бессарабии, казалось, налаживалась. В 20-е – 30-е гг. в области было построено около 100 храмов, еще столько же обновлено. Число действующих храмов оставалось на уровне 1090, число монастырей и скитов – около 30. Имелось 1104 священников и 2400 монахов. Кроме Кишиневской семинарии, еще в 1813 г. основанной митрополитом Гавриилом (Банулеску-Бодони), были учреждены семинарии в Единцах и Измаиле, а в Кишиневе открыт Богословский факультет Ясского университета. Но нравственная, духовная жизнь была в упадке[155]. А главное, Православную церковь в Бессарабии сотрясал навязанный Бухарестом национально-политический конфликт.

Начало церковного сопротивления

С аннексией Бессарабии и подчинением Румынской патриархии бессарабский клир, как и большинство населения области, мирился с трудом. В 1918–1919 гг. коллаборационисты сетовали, что «еще находятся священники, которые не только не хотят упоминать во время святой литургии короля, королевскую семью и Священный синод, но и подстрекают народ к избавлению от румынской пакости. Нам пишут, что такие есть и среди священников молдавской национальности»[156]. Полицейские службы доносили об уклонении священников, наряду с учителями и даже примарами (старостами) сел, от участия в проведении румынской пропаганды. «Честь имею довести до Вашего сведения, – докладывал в ноябре 1919 г. начальник штаба корпуса жандармов, – что учителя и священники не оказывают жандармам в антибольшевистской пропаганде никакого содействия». Подчиняясь приказу, священники и учителя ходили на проводимые жандарма-

---

[155] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь. 2004. С. 25.

[156] Cuvînt Moldovenesc. 1918. 3 august.

ми «собрания», но «только в качестве присутствующих, не участвуя в беседах»[157].

Эта ситуация была использована румынскими властями как предлог для ускорения этнической чистки среди бессарабского духовенства. Начало ей было положено насильственным ограничением использования русского языка в богослужении. Как и в Румынии XIX века, в Бессарабии после перевода письменности с традиционной кириллицы на латинскую графику было запрещено упоминать в молитвах имена русских святых. Из церквей власти изымали книги на церковнославянском языке[158]. Министерство культов и искусств Румынии предписало сделать это даже Свято-Вознесенскому Ново-Нямецкому монастырю в селе Кицканы, располагавшему богатым фондом старинных книг, представляющих историческую и культурную ценность. Однако монахи спасли от расхищения и вероятного уничтожения древнейшие старопечатные и рукописные книги на русском, молдавском и греческом языках.

В Кишиневской духовной семинарии и духовных училищах Бессарабии Румынская патриархия отменила преподавание русского и церковнославянского языков, создавая ситуацию, когда в области не останется священников, способных проводить службу на русском языке. Священникам запрещали читать на русском языке проповеди. В сентябре 1924 г., не рассчитывая на покорность монахов в этом вопросе, командир дислоцированной в Бендерах жандармской бригады предписал кицканскому жандармскому посту добиться неукоснительного исполнения этого распоряжения. В Измаильском уезде, где русские и другие славяне составляли около 70% населения, румынский генерал Штирбеску запретил священникам проводить богослужение в отсутствие жандармов[159].

В начале 20-х гг. требование проводить богослужение только на румынском языке было распространено и на чисто русские приходы. Исключение составляла епитимья и одна молитва на русском языке[160].

---

[157] НА РМ. Ф. 405. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
[158] Там же. Ф. 2988. Оп. 1. Д. 289.
[159] Там же. Д. 242. Лл. 15, 20.
[160] Neamul Românesc (Bucureşti). 1938. 3 august.

С годами эта политика была ужесточена. «Почти во всех церквах Бессарабии, даже там, где все население – русской национальности, – свидетельствовал в 1931 г. руководитель «Объединения русского меньшинства» Георгий Цамутали, – богослужение на древнем церковнославянском языке было прекращено, а для проведения этих служб введен румынский язык. Священники немногих церквей, где был оставлен русский язык, были обязаны часть богослужения проводить на румынском языке. Все обращения русского населения о сохранении его права на национальную церковь остались и продолжают оставаться и поныне безрезультатными»[161]. Не находя понимания у Румынской патриархии, верующие прибегали к бойкоту богослужения на румынском языке. По национальным мотивам в нем участвовало и молдавское население. «Молдаване, – докладывала в 1919 г. сигуранца г. Бельцы, – враждебно относятся к румынской администрации, избегают румынского духовенства […], священникам угрожают, когда они упоминают в церкви имя короля»[162].

Движение за автономию Бессарабской церкви

У бессарабского духовенства имелись серьезные основания для социального недовольства. Учреждения, построенные на церковные средства, румынским государством были у Церкви изъяты. У Церкви были отобраны также ее земельные владения, а жалованье священников было урезано вдвое. Общественно и материально, утверждал в 1920 г. известный публицист Иеремия Чекан, «духовенство низведено ниже народного учителя». Поэтому сторонники автономии Бессарабской церкви говорили, что румынские власти посягают на благосостояние епархии и духовенства и «стращали» клириков румынской

[161] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6378. Л. 34 об.
[162] Цит. по: Лунгу В.Н. Указ. соч. С. 97.

кабалой[163]. Назначение архиепископа Никодима и других церковных администраторов-румын бессарабские священнослужители приняли более чем холодно.

Священник Александр Балтага[165]. 20-е гг.

Движение за автономию возглавил священник Александр Балтага, неформальный лидер бессарабского духовенства, уже 20 лет председательствующий на епархиальных съездах, бывший член «Сфатул цэрий». Его поддерживал многочисленный актив. Влияние автономистов среди священников было столь велико, что И. Чекан обвинил А. Балтагу и протоиереев Андроника, Бежана и Гавриловича в том, что они «под видом автономии Бессарабской церкви создали в ней свое самодержавие»[164].

Бессарабские клирики, включая большинство молдаван, отвергали запрет на использование русского языка. На епархиальном съезде священников Бессарабии осенью 1919 г. они устроили форменную демонстрацию протеста. Председательствующий архиепископ-румын Никодим постоянно одергивал выступающих, требуя говорить по-румынски. По этой причине 13 делегатов покинули съезд, а о. Александра Балтагу и еще нескольких священников Никодим удалил со съезда. После этого, отмечено в реферате сигуранцы, дискуссия некоторое время велась на двух языках – румынском и русском, а потом – только на русском. И, наконец, по-русски заговорил и председательствующий.

---

[163] НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 3993. Л. 64.

[164] Там же. Л. 63.

[165] https://www.timpul.md/uploads/modules/news/2011/04/22530/2_Protoireul_Al._Baltaga.jpg.

Несмотря на изгнание лидеров, священники-автономисты огласили на съезде свои требования. А о. Павел Гучужна, отметила сигуранца, «явно выступил против румынского элемента, вмешивающегося в дела Бессарабской церкви. Он является одним из наиболее ревностных сторонников архиепископа и митрополита-молдаванина во главе Бессарабской церкви». Священник Леу сообщил участникам съезда, что во главе Измаильского епархиального училища поставлен уроженец Старого Королевства; протестуя против его назначения, все преподаватели-бессарабцы подали в отставку. Затем Леу огласил написанное ими письмо протеста и сообщил, что Никодим проигнорировал протест. Затем А. Балтага был заочно избран делегатом на съезд духовенства Румынии. Автономистом являлся и официальный глава делегации о.Владимир Димитриу. Съезд одобрил сформулированные им требования к Румынской патриархии:

– Бессарабская церковь должна быть автономной.

– Архиепископом (кириархом) должен быть молдаванин.

– Его надлежит избрать на Чрезвычайном съезде всего духовенства Бессарабии.

– Бессарабская церковь должна иметь митрополию в Кишиневе.

«Бессарабское священство, – заключил 6 июля 1923 г. чиновник сигуранцы, – в общем проявляет стремления к сепаратизму и регионализму по отношению к священству Старого Королевства» и рекомендовал начальству установить наблюдение за Александром Балтагой, Павлом Гучужной и еще шестерыми священниками, вновь отметив их авторитет среди священников и влияние последних на верующих[166].

8 октября комиссия клириков предложила обеспечить в Епархиальном женском училище обучение на двух языках – румынском и русском. Директор училища Елена Алистар упрекнула священников в отсутствии у них румынского национализма. Священники, если и были националистами, то молдавскими. Возражений и, тем более, оправданий не последовало.

Священнослужители Бессарабии понимали, что Румынская церковь выступает как инструмент Румынского государства, и это порождало среди них также отчаяние, капитулянтские настроения. «Теперь каж-

[166] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д, 4839. Лл. 70–88.

дый из нас рассудит, – размышлял Иеремия Чекан, – если Бессарабии суждено навсегда быть с Румынией, то не будет ли борьба этой группы за автономию бесполезной? […] Всякая борьба бессарабцев с румынским правительством за какую-то эфемерную автономию только ухудшает положение жителей Бессарабии; она бесцельна и непроизводительна во всех случаях»[167].

Архиепископ Гурий Гроссу. 30-е гг.

Автономистам удалось нейтрализовать капитулянтов. Взгляды И. Чекана не нашли поддержки среди клириков, а сам он был исключен из священства. Но Румынской патриархии требовалось создать видимость поддержки церковной аннексии священнослужителями Бессарабии. Никодим с этой задачей не справлялся, и руководство Румынской церкви изыскало ему замену из молдаван – уроженца села Ниморены Кишиневского уезда архиепископа Гурия (Гроссу). Несмотря на русское церковное образование, свидетельствовал митрополит Зарубежной русской церкви Евлогий (Георгиевский), Гурий был воинственный румынский шовинист и приветствовал оккупацию Бессарабии. Русской православной церковью Гурий был запрещен во священнослужении. Но именно такой человек, беспринципный и лишенный авторитета среди верующих, а потому зависимый от Бухареста, устраивал румынские власти в качестве главы Бессарабской церкви. 21 февраля 1920 г. он был избран главой Кишиневской и Хотинской епархии.

Впрочем, вес епархии в системе Румынской церкви Синод постарался уменьшить. В целях борьбы против автономистских тенденций 10 марта 1923 г. епархию разделили на Аккерманско-Измаильскую, с кафедрой в Измаиле, и Хотинскую, с кафедрой в Бельцах. Сама Киши-

---

[167] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3993. Л. 64.

невская епархия в 1927 г. была преобразована в митрополию. Аккерманская епархия стала викарной епархией Бессарабской митрополии, а Хотинская была включена в состав Буковинской митрополии[168]. Последнее означало расчленение Бессарабской митрополии.

Поскольку автономия Бессарабской церкви предоставлена не была, автономисты искали поддержки политиков. В 1920 г., по мнению И. Чекана, в расчете на поддержку румынскими либералами автономии Бессарабской церкви, А. Балтага вступил в Либеральную партию[169]. На съезде бессарабского духовенства, состоявшемся в июне-июле 1923 г., автономисты продолжили борьбу за учреждение в Бессарабии митрополии. Вне здания епископии, где проводился съезд, автономисты провели «многочисленные секретные совещания», на которые агентам тайной полиции проникнуть не удалось. Тем не менее, сигуранца заключила: «бессарабское священство вообще имеет сепаратистские и регионалистские тенденции по отношению к священству Старого Королевства, а съезд, председательствуемый, как и в прошлом, только священником Алекс[андром] Балтагой, известным противником [румынского] Синода и унификации, принял решения в пропагандистском стиле, враждебном румынскому государству»[170].

Насилие в церковной сфере, особенно лингвистическое, вынудило к самоорганизации верующих. В июле 1922 г. в Кишиневе возник «Союз православных христиан»[171]. Вначале во главе СПХ были поставлены лица, еще в 1918 г. декларативно перешедшие на позиции румынизма и пользующиеся доверием румынских властей. Но вскоре после регистрации «Союза» на первый план в нем вышли радикальные бессарабские регионалисты во главе с адвокатом-молдаванином Ал. Опрей, официального поста в организации, впрочем, не занявшим. К созданию «Союза православных христиан» были причастны также монархические круги, ориентированные на восстановление традиционной российской государственности. В 1925 г. в руководство СПХ во-

---

[168] Pacurariu M. Istoria Bisericii Ortidoxe Române. Vol.III. Bucureşti. 1994. P. 202; Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь. 2004. С. 25.

[169] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3993. Л. 64.

[170] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 4839. Л. 153.

[171] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3350. Л. 13.

шел бывший депутат Государственной думы России, глава греческой общины Пантелеймон Синадино, деятель бессарабского «Союза русских монархистов», руководимого бывшим генерал-лейтенантом русской армии Е.А. Леонтовичем[172]. Характеризуя государственную ориентацию Синадино, бывший председатель «Сфатул цэрий» Пан. Халиппа даже полвека спустя включил его в число «самых ожесточенных врагов» присоединения Бессарабии к Румынии[173]. Со старообрядцами, выяснила сигуранца, генерал Леонтович поддерживал связь через липованского епископа Иннокентия[174].

Как акт сопротивления румынизму расценила полиция и перерегистрацию в 1924 г. православного Александро-Невского братства, основанного в Кишиневе еще в 1867 г. В руководство Братства вошли знаменитый молдавский просветитель, гагауз по национальности, протоиерей М.М. Чакир, активист учительской организации молдаванин К.К. Маланецкий, потомки старинных родов молдавских бояр Г.Д. Крупенский, И.И. Негруцов, М.П. Данилескул, а также И.М. Пархомович, Н.А. Золотухин, другие высокообразованные бессарабцы. Председателем Братства с 1907 г. был священник Николай Лашков (Лашку), видный историк[175], брат писателя Василия Лашкова, депутата Государственной думы. Всех их политическая полиция квалифицировала как «пламенных панрусистов», а Братство – как «центр сохранения и пропаганды российских монархических идей». Само увековечение памяти русского князя, полагала сигуранца, «явно указывает на антирумынские чувства руководителей этого Общества».

---

[172] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5458. Л. 17.

[173] Halippa Pantelimon, Moraru Anatolie. Testament pentru urmaşi. – Chişinău. Hiperion. 1991. P.109.

[174] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5458. Л. 21.

[175] Согласно справке сигуранцы от 8 декабря 1925 г., «Автор брошюры «Торжественные дни христианской любви», написанной на русском языке, […] эконом-ставрофор Николае Лашку является большим знатоком истории Молдавии, которую изучал очень подробно. […] В 1884 году окончил Духовную академию. За работу «Темный период в истории Румынии накануне создания княжеств Молдавии и Мунтении» ему присвоена степень магистра. В 1902 году Конгресс национальной выставки в Бухаресте удостоил его серебряных медалей за труды по истории Молдавии и Бессарабии. Тогда Н. Лашко был видным педагогом. В 1907 году избран председателем Александро-Невского братства, где работает до сих пор. По случаю 40-летия его служения Церкви группа друзей подарила ему ценную икону».(НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3386. Л. 1).

М.М. Чакир. 20-е гг.

Церковь на Армянском кладбище, где служил о. Николай Лашков, превратилась в центр духовной оппозиции. Церковь эта, подчеркнуто в документе, «посещается известными русофилами и русифицированными лицами, и самые непредвзятые наблюдатели отметили бы, что верующие, собирающиеся в этой церкви, – не прихожане, проживающие вблизи, а жители самых отдаленных частей города, но из числа тех, кто еще питает надежду на возрождение Российской империи. Богослужение ведется только на русском языке, и ответы хора поются на этом же языке»[176]. В середине 20-х гг. в Кишиневе возникли также «Общество Гроба Господня», руководимое литератором Семеном Стодульским, и «Союз православных клириков Бессарабии», возглавляемый священником Семеном Гучужной, другие организации верующих и духовенства.

И наконец, в 1926 г. церковные автономисты сделали сильный ход, учредив в Кишиневе анонимное общество «Банк православного клира». Председателем правления банка стал эконом-ставрофор Павел Гучужна, вице-председателем – Иоанн Штюка. В состав правления вошли сторонники богослужения по старому стилю, священнослужители Феодосий Гаврилович, Иосиф Белоданов, Лев Трофимов, Георгий Секриер, Иоанн Штюкэ, Виктор Попович, Николай Волонтиров, Василий Спыну и другие. Исходный капитал был мизерным, тем не

---

[176] НА РМ. Д. 5471. Л. 3.

Другой представитель рода Крупенских, П.Н. Крупенский, продолжал политическую деятельность в эмиграции и в 1931 г. на монархическом съезде в Париже был избран председателем Высшего монархического совета. (Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. С. 152).

менее, как финансовое учреждение банк действовал, и небезуспешно. В 1926–1934 гг. его оборот возрос вдвое, с 15,3 млн до 29,5 млн леев[177].

Консолидации православных традиционалистов румынская администрация пыталась противопоставить румынские церковно-политические объединения. В начале 20-х гг. были созданы «Братство преподавателей религии средних школ Бессарабии», «Воинство Христово» и «Союз румынских православных христиан», а в середине 30-х гг. – «Бессарабский союз лиценциатов богословия», «Синдикат бессарабских журналистов-христиан» и т.д.[178] На клириков-румын опирались также бессарабские отделения румынского «Общества по распространению румынской литературы и культуры румынского народа» («Астра»), задачей которого являлась «духовная интеграция» со Старым Королевством территорий, включенных в 1918 г. в состав Румынского государства, т.е. румынизация их населения. Глава «Астры», бывший деятель румынского национального движения в Трансильвании и резидент румынской спецслужбы Онисифор Гибу именно Церковь считал ответственной за обособление молдаван Бессарабии от молдаван Румынии. По его мнению, «русское православие, несказанно богатое в формах его проявления, начиная с помпезных церквей, пышных богослужений, чудотворных икон, паломничеств, множества русских святых и до «императора», правителя и видимого главы Церкви, – это православие имело влияние, несопоставимое и более решающее на жизнь запрутских братьев, чем греческое или румынское православие на румын в других провинциях. […] В итоге молдаване и после 1918 года не стали румынами, не прониклись сознанием своего единства с ними, не включились в их национальную, культурную и экономическую жизнь»[179].

По политическим мотивам Бухаресту был необходим духовный контроль над бессарабским клиром и верующими. Столкновение РумПЦ с народным православием было неизбежно.

---

[177] НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. 5521. Л. 197.

[178] Там же. Д. 5471. Лл. 3–5.

[179] Ghibu O. De la Basarabia rusească la Basarabia românească. Analiza unui process istoric însoțită de 186 documente. Vol.1. Cluj, 1926. P.CLXXXVII.

Движение в защиту богослужения по старому стилю

В 1923 г. Румынская церковь приняла участие в Константинопольском совещании представителей православных церквей, отказавшемся от Старого стиля и принявшем курс на внедрение так называемого «Новоюлианского календаря», в соответствии с которым непреходящие праздники (в том числе и Рождество Христово) надлежало отмечать по Григорианскому календарю, на 13 дней раньше, чем по Юлианскому. Это решение явилось грубым нарушением решений VII Вселенского Собора. В 1925 г. румынское правительство подписало с Ватиканом конкордат, по мнению архиепископа Венедикта (Полякова)[180], «о введении в Румынии католической унии»[181]. В 1928 г. постановлением министра-государственного секретаря Департамента культов и искусств были запрещены секты назарян, «Международного объединения исследователей Библии» (миленистов), адвентистов-реформистов, пятидесятников, иннокентьевцев; в то же время адвентистам седьмого дня и баптистам была предоставлена свобода деятельности[182]. Поэтому в церковных нововведениях бессарабцы усмотрели покушение на основы православия и молдавскую национальную самобытность. В Бессарабии реформа календаря положила начало многолетнему конфликту, в который были вовлечены не только клирики, но и массы верующих.

Протесты против церковной реформы последовали незамедлительно. «Союз православных христиан Бессарабии» осудил митрополита Гурия, выполнившего распоряжение Синода. Опираясь на церковные советы, «Союз» развернул агитацию в защиту богослужения по старому стилю. Ему удалось наладить выпуск инструктивной литературы, а в конце 1925 г. даже создать театральную труппу, гастролировавшую

---

[180] Владимир Георгиевич Поляков родился 15/28 июля 1884 г. в Кишиневе в семье иконописца. Окончил Кишиневскую духовную семинарию. Служил священником в селах Баламутово (на берегу Прута), Шолданешты. В 1910–1914 гг. обучался в Киевской духовной академии, окончил со степенью кандидата богословия. Служил в Белгороде, в Бессарабию возвратился нелегально в 1923 г. Умер в Кишиневе 6 декабря 1963 г. (Флоринский Н. Памяти Архиепископа Венедикта (Полякова). – Кишинев, 2001. С.3–7).

[181] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. – Ново-Нямецкий монастырь, 2004. С. 111.

[182] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 822. Л. 95.

по селам. Впоследствии Ал. Опря учредил газету «Набат», ставшую главным печатным органом движения сторонников Юлианского календаря. По сведениям политической полиции, многие священнослужители «вели интенсивную пропаганду за возврат к старому календарю, а другие служители алтаря, не будучи убеждены в необходимости и своевременности новой реформы, сохраняли пассивность и в некоторых частях даже отвергали вместе с населением исправленный календарь». Часть клира поддержала стилистов из опасения утратить расположение паствы и понести материальный урон.

Причину возникшего движения румынские власти усматривали в живучести в бессарабском обществе российской государственной идеи, в прочности традиций Русского православия. «Царское владычество в Бессарабии, – докладывала сигуранца, придало церкви в этой провинции «православный» вид, сохраняемый как ее духом, так и ее обликом. Вера окутана мистицизмом, свойственным славянскому народу, а церкви, за малым исключением, полны икон Казанских и Донских святых, принадлежащих к «русскому православию», с надписями на славянском языке». Хотя инициативная роль в развертывании движения принадлежала бессарабским регионалистам-молдаванам, полиция стремилась связать сопротивление введению нового стиля в богослужение с неприятием курса на румынизацию прежде всего русской общественностью: «Бывшие крупные собственники, служащие, интеллигенты, русские по национальности или русифицированные, воспитанные в русских школах, как и другие элементы из меньшинств, еще ранее начали кампанию против [румынского] национального развития в Бессарабии, и вопрос календаря был немедленно использован ими с ирредентистской целью, для сохранения русского языка и старого стиля в Бессарабской церкви...»[183].

Общественность, русская пресса Бессарабии поддержали старостильников. Молебны, по-прежнему проводимые по Юлианскому календарю, превращались в манифестации протеста против духовного насилия. В Кишиневе тысячи верующих собирались в дни церковных праздников вокруг Чуфлинской церкви и церкви Александро-Невского братства на Армянском кладбище, где богослужение еще проводилось

[183] Там же. Ф. 171. Оп. 2. Д. 3404. Л. 3; Д. 3401. Л. 1; Д. 3471. Л. 3; Д. 3473. Л. 1.

на церковнославянском языке. В апреле 1926 г. российской патриотической манифестацией стал даже молебен в память Николая II, проведенный в греческой церкви Св. Пантелеймона на русском языке [184].

Бессарабские сторонники старого стиля нашли поддержку Русской церкви за рубежом. «Высокие русские священнослужители, находящиеся в Иерусалиме, Белграде, Карловцах, Софии, Праге, Ракошине, Париже и на Св. Горе Афон, – отмечено в реферате политической полиции, – надеются сохранением единства православной церкви сохранить и идею целостности Российской империи в былых границах, и посредством эмиссаров, писем, газет и любых иных средств пытаются сохранить русский характер Бессарабии. Так, бывший русский архиепископ Бессарабии Анастасий, находящийся в Иерусалиме, 17/30 ноября 1925 года прислал кишиневскому протоиерею Владимиру Полякову ответ на его письмо, показав верующим в Бессарабии, что считает себя и теперь главой Бессарабской церкви и ожидает лишь удобного момента, чтобы возвратиться в Кишиневскую и Хотинскую епархию. Воодушевленные этим письмом, которое было размножено на шапирографе и нелегально распространено в Кишиневе и остальной провинции, протоиерей Владимир Поляков вместе со священниками И. Андроником, членом Епархиального Совета, Гросу, помощником секретаря Эфории церковных имуществ, и Сикриеру со свечного завода составляют заключение против исправленного календаря и, распечатав на машинке во многих экземплярах, 1 января 1926 г. нелегально распространяют его в Кишиневе среди клириков и верующих»[185].

Поддержка мирян воодушевляла традиционалистов-клириков. Кишиневские священники Владимир Поляков, Борис Бинецкий, Ковальджи, а также о. Павел Бандуровский из села Балка Измаильского уезда и другие решились на открытый бунт против церковных властей, «служа все праздники в соответствующих церквах по старому стилю перед большим числом верующих русофилов». В городе была предпринята попытка построить православную церковь, которая была бы преклонена непосредственно Иерусалимской патриархии, сохранявшей верность старому стилю. Печатались календари по новому сти-

---

[184] Там же. Д. 3487. Лл. 42–43.

[185] Там же. Л. 45.

лю, в которых дата празднования Пасхи указывалась по старому стилю. Клириков, подчинившихся румынским церковным властям в вопросе о стиле, верующие подвергали оскорблениям как изменников православию. По заключению полиции, сопротивление церковной реформе оказало большинство населения области, лишь отдельные приходы перешли на новый стиль.

Священник Владимир Поляков. Гренобль, Франция. 1928 г.[187]

Учитывая это обстоятельство, 4 февраля 1926 г. на церковном конгрессе в Бухаресте представители Бессарабской церкви сделали официальное заявление о недовольстве в Бессарабии предпринятой реформой и потребовали сохранения старой пасхалии. Пытаясь заручиться симпатиями населения области, правительство А. Авереску обещало ввести новый календарь и разрешить отмечать церковные праздники и по новому, и по старому стилю. Тем не менее, Синод Румынской церкви взял курс на подавление стилизма. Священники, поддержавшие движение, были преданы суду либо отстранены от службы; часть их была вынуждена эмигрировать[186]. Многих священнослужителей вызывали в полицию на допросы «с пристрастием».

В. Поляков уже в 1925 г. был лишен поста настоятеля Свято-Ольгинской приютной церкви и выслан из Кишинева в монастырь Табора, где был назначен настоятелем Свято-Успенской церкви. Однако и там продолжил агитацию в защиту богослужения по старому стилю. Про-

[186] Там же. Лл. 46–48.

поведи привлекли в монастырь массу верующих, и это было замечено властями. Когда монастырь оцепили жандармы, сторонники старого стиля вывезли о. Владимира на санях, переодетого в крестьянскую одежду, и благополучно доставили в Кишинев. Летом 1927 г. о. Владимир все же был арестован, предан суду военного трибунала и выслан за границу. Будучи в Югославии, он был принят митрополитом Русской церкви за рубежом Евлогием. До 1931 г. о. Владимир служил в православных храмах городов Великий Бечкерек (Сербия), Гренобль и Сан-Ремо (Франция) [188]. Но и оттуда он письмами продолжал воодушевлять бессарабских сторонников церковной традиции. В нем многие священники и миряне видели лидера движения в защиту богослужения по старому стилю. «Он исключительно, он один вынес на своих плечах борьбу за старый стиль, подвергал себя и бичеванию, и аресту, и тюремному заключению», – восторженно вспоминал соратник о. Владимира архимандрит Макарий (Кирица)[189].

В действительности круг борцов был шире. По сведениям политической полиции, так же поступали монахи русских монастырей Афона, которые «при посредстве писем и листовок либо лично приезжая в Бессарабию, как и в Старое Королевство, – призывают «подлинных христиан» к борьбе с новым стилем, советуя им «всем держаться старого стиля, как на Св. Горе», ... и не переходить на новый, даже если их будут убивать или сжигать заживо»[190]. Эта ситуация беспокоила полицию также потому, что движение старостильников в Бессарабии активизировало сторонников православной традиции в Румынии.

Трагически тяжелое положение Русской православной церкви в СССР не позволяло ее руководству должным образом поддержать бессарабских сторонников церковного единства с Россией. Но 16/29 июля 1927 г. местоблюститель патриаршего престола Сергий (Страгородский) все же разослал письмо, адресованное русскому клиру за рубежом, в котором сообщалось, что глава Московской поместной церкви сохранил старый стиль. Такую же позицию заняла зарубежная русская

---

[187] Фото: Личный архив митрофорного протоиерея Николая Флоринского, настоятеля Свято-Георгиевской церкви г. Кишинева.

[188] Флоринский Н. Памяти архиепископа Венедикта (Полякова). – Кишинев, 2001. С. 7.

[189] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 111.

[190] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3487. Л. 13.

церковь. В начале 1930 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий во время встречи с митрополитом Ясским Пименом и министром культов Румынии Мехединць отказался подписать акт, запрещающий упоминание в церковных службах Патриарха Московского Тихона, предусматривавший румынизацию духовных учебных заведений Бессарабии и предоставление Бессарабской церкви лишь частичной автономии[191].

В 1928 г., когда к власти в Румынии пришли национал-царанисты и в Бессарабии было отменено осадное положение, движение приверженцев церковной традиции обрело масштабы духовного бунта. «После отмены цензуры в ноябре 1928 года, – констатировала политическая полиция, – под влиянием бессарабских священников, которые пришли к убеждению, что в исправленном календаре следует сохранить старую Пасхалию, целые села перешли на старый календарь, монастыри этой провинции возвратились в своих службах к старому календарю». Пренебрегая запретом, бессарабские стилисты издали на молдавском и русском языках церковный календарь, в котором праздники были рассчитаны по старому стилю. Русские церковные календари издательства «Добро», составленные в соответствии с традицией русского и молдавского православия, поступали в Бессарабию из Варшавы по каналам организации генерала Е.А. Леонтовича[192].

Однако главную угрозу румынской церковной власти в Бессарабии сигуранца усматривала не в решимости активистов движения и не в его поддержке международной православной общественностью, а в его организованном и массовом характере. «На этот раз, – докладывал в январе 1929 г. областной инспектор полиции, – пропаганда за старый стиль организуется центральным комитетом, который через кишиневскую русскую газету «Набат», появившуюся после отмены цензуры, ведет энергичную борьбу против реформы календаря. Этот центральный комитет организовал сельские комитеты «православных христиан» по всей Бессарабии, рассылая им формуляры протоколов, которые возвращаются в центр с подписями сельчан и публикуются в газете «Набат». Вследствие этой кампании приходские советы не мо-

---

[191] Скворцова А. Русские Бессарабии. С. 200.
[192] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5458. Л. 21.

гут собираться, поскольку члены советов отказываются содействовать церковной жизни и не ходят в церковь по новому стилю. По этой причине не продаются свечи, не делаются пожертвования, и церковное хозяйство в большом упадке, а священники обеднели... Когда наступают праздники по старому стилю, крестьяне одеваются в чистые одежды и хотя в церквах не проводится религиозная служба, собираются на застолья, устраивают танцы и т.п., а в дни праздников по новому стилю идут в поле и работают. Так же поступают даже примары и некоторые учителя, которые не приводят учащихся в церковь. В некоторых селах верующие закрывают церкви и препятствуют священникам служить по новому стилю»[193]. Председателем «Комитета православных христиан» в это время был адвокат Иван Стырча, но ключевую роль в движении играл бывший депутат Алексей Опря, редактор-издатель газеты «Набат». В редакции газеты проходили и заседания штаба движения.

Навязанная Бухарестом реформа повергла Бессарабскую церковь в кризис. Духовенство было расколото. Энергичную пропаганду против перевода богослужения на новый стиль вела среди священнослужителей редактируемая иеромонахом Дионисием Лунгу газета «Гласул монахилор» («Голос монахов»). Попытки некоторых священников служить по новому стилю верующие расценивали едва ли не как акты национальной измены. «На суровость и непримиримость иерархов, – отмечал один их противников стилизма, – паства отвечает неприязнью, почти ненавистью к ним»[194].

На состоявшемся в декабре 1928 г. общем собрании «Союза Бессарабского клира» священники заключили: возвращение к старой пасхалии необходимо и неизбежно. Бессарабский клир, докладывала сигуранца, «заявил, что порвет с Синодом, если Пасху не будут праздновать по Старому календарю»[195]. Сохранения старой пасхалии требовали и делегации мирян, осаждавшие митрополита[196]. Новый 1929 год большинство верующих встретило по Юлианскому календарю. «Население предместий Кишинева, а также часть русского населения [других городов и сел], особенно благородные и бывшие служащие старого ре-

---

[193] Там же. Л. 13.
[194] Там же. Л. 93.
[195] Там же. Л. 13.
[196] Там же. Л. 93.

жима, – отмечено в сводке сигуранцы, – праздновали рождество, как и Новый год, по старому стилю». Не отмечали новогодние праздники по новому стилю даже монахи. Множество православных собирали в дни церковных праздников в своих храмах русские старообрядцы, сохранившие свой календарь[197]. Число приверженцев баптизма возросло настолько, что баптисты стали строить новые молитвенные дома.

Учитывая масштабы протестов, митрополит Гурий попытался добиться перевода богослужения на новый стиль ценой тактической уступки. 1 января 1929 г. он заявил, что сохранится исправленный календарь, но Пасха будет праздноваться по старой Пасхалии. Однако верующие отвергли этот курс. 7 января 1929 г. в Кишиневском кафедральном соборе около 150 молящихся, обнаружив, что служба проводится по новому стилю, возмутились и вынудили священников провести рождественскую службу, т.е. по старому стилю, а затем почти час произносили речи против митрополита[198]. Попытки священников-конформистов совершить великопостные богослужения по новому стилю повсеместно провалились; по сведениям полиции, «никто из прихожан не пришел в храмы»[199].

Сигуранца выявила намерения руководства движения старостильников. «Господа Тишаков, Константин Мыцу, Стецкевич, Чобану, а также священники, отстраненные [от службы] за пропаганду старого стиля, – отмечено в докладе политической полиции, – призывают до конца февраля покрыть всю Бессарабию комитетами, тогда состоится конгресс всех православных»[200]. В январе 1929 г. комитеты в защиту богослужения по старому стилю были созданы в десятках сел Кишиневского, Измаильского, Оргеевского и других уездов. «Ежедневно, – сообщалось в газете «Набат», – организуются новые сельские комитеты»[201]. Некоторое время спустя полиция доложила, что в Бессарабии до 80 000 верующих платят «Союзу православных христиан» членские взносы[202]. Старообрядческая община Кишинева выпустила церковный

---

[197] Там же. Д. 3487. Лл. 13, 75, 30.
[198] Там же. Л. 39.
[199] Там же. Л. 303.
[200] Там же. Л. 303.
[201] Набатъ [Кишинев]. 1929. 6 февраля.
[202] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3350. Л. 9 об.

календарь на 1930 год, в котором праздники были указаны по старому стилю. Он пользовался спросом у всех православных, и в июне министерство внутренних дел Румынии распорядилось о его конфискации, «поскольку при его посредстве критически обсуждается введение нового [церковного] календаря»[203].

Румынский Синод, недооценивая масштабы движения старостильников, продолжал настаивать на полном подчинении клириков и мирян Бессарабии. Но Гурий понимал, что со всеобщим бунтом верующих ему не справиться. Он обратился за поддержкой к Юлиу Маниу, лидеру партии национал-царанистов и председателю Совета Регентства, заявив, что не может подчиниться решению Синода вопреки воле народа, «изменив своему народу в угоду Синоду». Решение Синода должно быть отменено, в противном случае, продолжил митрополит, он не сможет обеспечить религиозное спокойствие в Бессарабии[204].

Маниу не ответил. Хуже того, обращение Гурия стало известно общественности. Румынские национал-радикалы требовали удалить из епархии митрополита, который «подобно Понтию Пилату умыл руки, заявив, что больше ни за что не отвечает». Сторонников русской православной традиции они печатно именовали «коммунистами»[205]. Однако Гурий воспользовался ситуацией, чтобы укрепить свой авторитет среди клириков и верующих Бессарабии и подыграть румынской оппозиции, недовольной Каролем II. Во время визита румынского короля в Бессарабию митрополит запретил ему входить в алтарь через Царские врата, мотивировав это тем, что король может войти только если на нем будет корона и только имея законную жену[206].

Политическая полиция вновь и вновь докладывала правительству о массовом характере движения стилистов и решимости его участников. С призывом вмешаться в конфликт и разрешить населению Бессарабии праздновать Пасху по старому стилю к Ю. Маниу обратился также видный политик Румынии деятель НЦП молдаванин Константин Стере[207]. Рассчитывая на поддержку земляков, пообещал им добиться

---

[203] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 774. Л. 71.
[204] Cuvîntul. [Chişinău] 1929. 26 februarie.
[205] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3428. Л. 350.
[206] https://ru.wikipedia.org/wiki/Гурий_(Гросу).
[207] Ordinea [Bucureşti]. 1929. 27 februarie.

сохранения богослужения по старому стилю и руководитель бессарабской организации партии национал-царанистов, бывший председатель «Сфатул цэрий» И. Инкулец[208]. В правящих кругах Румынии возобладало мнение о нецелесообразности продолжения церковной реформы, грозящей политическим кризисом в самой неспокойной из провинций Румынии. Синод уступил.

3 марта 1929 г. руководство «Союза православных христиан» созвало в Кишиневский кафедральный собор тысячи верующих. Впервые за многие годы собор был переполнен молящимися; люди заполнили и площадь перед собором. «По особому настоятельному ходатайству всех кириархов Бессарабии, – объявил Гурий, – Святейший Синод разрешил праздновать Св. Пасху 5 мая», т.е. по старому стилю. По окончании божественной литургии председатель Комитета православных христиан Г.В. Стырча выразил Гурию признательность за «истинно христианскую твердость в защите православной пасхалии»[209]. Это походило на насмешку, но митрополит промолчал.

Массовый характер движения в защиту церковной традиции дал общественности основания для оценки перевода богослужения на новый стиль как политической ошибки либералов Румынии. «Либералы, – утверждал кишиневский журналист Сергей Флореску, – поспешили ввести в церкви новый стиль, не позаботившись о подготовке почвы. Они полагали, что с душой народа можно делать все, стоит только отдать приказ жандармам. По договоренности с аверескианцами, национал-арделянами и царанистами они проголосовали закон о введении нового стиля». По его мнению, именно поэтому пало правительство либералов: «Слишком известны были кандидаты, и народ был озабочен одним – “Starîi stil”»[210].

Аверескианские кандидаты отправились по селам и услышали «глас народа». Клянясь в верности «старому стилю», аверескианские кандидаты были избраны в румынский парламент. Но в Бессарабии жандармы по-прежнему получали приказы привести в повиновение тех, кто агитирует против нового стиля.

---

[208] Scutul naţional. 1929. 11 august.
[209] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3228. Л. 487.
[210] Scutul naţional. 1929. 11 august.
В тексте статьи термин “Starîi stil” дан латиницей, но на русском языке.

Движение национального протеста

Защита богослужения по Юлианскому календарю переросла в движение национального протеста. «Наши братья из Регата, – не без иронии заявил после проповеди митрополита вице-председатель СПХ П.К. Власов, – развили в нас любовь к нашей нации, нации молдаван». Глумление румынских националистов над лингвонимом «молдавский язык» встречало отпор. «Кто бы мог утверждать, – заявил другой молдаванин – сторонник старого стиля, – что молдавский крестьянин в Бессарабии знает и понимает другой язык, нежели прадедовский молдавский язык!»[211]. «Братья молдаване, – увязывая наступление церковных «реформаторов» с политикой и католицизмом, обращался к пастве священник Попеску, – Когда пришла к власти Национал-царанистская партия, она сделала и нас, молдаван, католиками, сменила нам стиль…»[212]. Священники Сергий Чеголя, Исидор Попа, Николай Гояну, Василий Казаку, Петр Гобжилэ, Спрынчанэ, дьякон Иосиф Продан вошли в состав Инициативного комитета по созданию оппозиционной «Партии молдаван – мазылов и резешей Бессарабии», а затем и в ее руководство. Большинство активистов Молдавской партии, отметил шеф сигуранцы Кишинева, известны как сторонники старого стиля[213].

Старостильники решились на конфликт с патриархией Румынии. 14 января 1930 г. о. Борис (Бинецкий) провел у себя дома богослужение с участием 200–250 верующих. В апреле 1930 г. в помещении, арендованном «Объединением русского меньшинства в Румынии», была оборудована церковь, в которой богослужение проводилось по старому стилю. Руководитель «Объединения» Г.М. Цамутали выехал в Белград с целью установления контактов с Югославской церковью, также стоящей за старый стиль, и с просьбой о принятии церкви о. Бориса под ее покровительство. Митрополиту Гурию Главный Совет ОРМ сообщил, что Борис Бинецкий является священником русского меньшинства и будет проводить службу по старому стилю. Митрополит обратился за содействием в политическую полицию и нашел там понимание. Борис

---

[211] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3228. Л. 487.
[212] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5550. Л. 597.
[213] Там же. Д. 5651. Л. 13, 16.

Бинецкий, отмечено в докладе, направленном в Бухарест, «опрокидывает вековой церковный порядок и дисциплину, возмущает народ, и это не может быть позволено по законам Государства». Сигуранца просила от правительства санкции на репрессии против о. Бориса и руководителей русского меньшинства[214].

Приняла меры и митрополия Бессарабии. За проведение богослужения по старому стилю в частном доме Борис Бинецкий был предан церковному суду. 3 марта 1930 г. Кишиневская духовная консистория, отметив, что 15 февраля 1930 г. о. Борис освятил молитвенный дом, открытый в Кишиневе «Объединением русского меньшинства», обвинила его в следующем:

«2. Священник Борис Бинецкий 4 года маневрировал между старым и новым стилем и обманом вводил в заблуждение Кириарха и епархиальные власти […];

4. Используя благоприятные обстоятельства и ожидая моральной и материальной поддержки прихожан, так называемого “русского меньшинства”, в последнее время более не признает ни одного распоряжения местной церкви, предпринял попытки формальным образом выйти из послушания любых церковных властей, требуя не считать его пребывающим в Кишиневской епархии, не указывая, в чьем послушании желает быть.

5. Священник Борис Бинецкий, будучи отставлен от богослужения, самовольно и без позволения Кириарха открыл частную часовню, в которой проводит службы». Решение консистории было предопределено: отца Бориса лишили священнического сана[215].

5 апреля 1930 г. епархиальный Совет также рассмотрел «дело» Бориса Бинецкого и постановил обратиться к светским властям по вопросу о закрытии его церкви. В тот же день митрополит Гурий направил квестору полиции Кишинева письмо с предписаниями, приличествующее полицейскому начальнику, а не церковному иерарху: «1) прекратить совершение любой церковной службы в этом помещении; 2) приказать изъять любые вещи и пожертвования, принесенные туда как в церковь и поместить их в приходскую церковь св. Ильи, из-

---

[214] Там же. Д. 774. Лл. 11, 23, 28, 39.

[215] Там же. Д. 6021. Лл. 77–79.

вестив об этом принесших их жителей; 3) воспрепятствовать названному священнику Борису Бинецкому проводить какую-либо церковную службу, особенно в том помещении и нигде в пределах города; 4) довести до сведения публики, что помещение ни в коем случае не может быть использовано как церковь без нашего одобрения, а священник Борис Бинецкий запрещен в богослужении; 5) и, наконец, закрыть и опечатать то помещение, и это требуем согласно ст. 17 Закона о румынской православной Церкви. О результатах просим сообщить»[216].

Карт-бланш на проведение репрессий против приверженцев православной традиции был полицией получен. У священника Андрея Иванченко, рукоположенного епископом Серафимом в Вене, она конфисковала облачение и церковную утварь. За проведение богослужения по старому стилю о. Андрей был взят под стражу и приговорен к 6-ти месяцам тюрьмы. Церковную утварь и даже рясы полиция отбирала и у других священнослужителей, им запрещали служить в церквах и грозили военным судом. В знак протеста против такого давления приверженец старого стиля священник села Нишканы Мисаил Кирица вышел из священства и эмигрировал в Сербию. Были и другие случаи отказа от священнического сана[217].

Однако право на национальную церковь стало программным требованием русского движения. 5 июля 1930 г. Г.М. Цамутали, вынужденный от имени «Объединения русского меньшинства» объясняться с политической полицией за выступления русских священников против церковной реформы, заявил, что между Русской и Румынской поместными церквами «создались следующие отличия:

1. Мы совершаем Богослужение на Славянском языке, то есть на нашем национальном церковном языке, что является отличием не по существу, а лишь по форме.

2. Мы пользуемся в Церкви старым календарем. Тем не менее, мы полагаем, что вместе с Румынской Церковью мы исповедуем ту же Восточную Православную Веру.

Поэтому мы просим Румынскую церковь принять нас в свое каноническое приклонение, конечно, при условии сохранения указанных

---

[216] Там же. Д. 774. Л. 46.

[217] Скворцова А. Русские Бессарабии. С. 200, 202.

выше особенностей, из которых вытекают с несомненностью следующие права:

1. иметь свои отдельные церковные Общины, в которых служба совершалась бы на славянском языке и по старому календарю,

2. избирать членов клира, что допускается Церковными канонами и что имеет место в некоторых Православных Восточных Церквах...».

Понимая, что та степень религиозной свободы, которую допускали в своих владениях турецкие султаны и арабские шейхи, в условиях Румынии недостижима, Г.М. Цамутали все же оставался непреклонным: «Вместе с тем, – отметил он далее, – мы заявляем, что будем непоколебимо защищать свое право на свою национальную Православную Русскую Церковь, право, которое гарантировано нам международными договорами, Конституцией Румынии и вообще современными понятиями о свободе совести»[218]. Права на проведение богослужения по старому стилю даже в «домашней» церкви «Объединения русского меньшинства» митрополия, опираясь на государственную власть, не признала.

Но сопротивление церковных традиционалистов сломлено не было. В июле 1930 г. в Бессарабию возвратился из Югославии о. Владимир Поляков. Верующим он сообщил, что уполномочен митрополитом Русской зарубежной церкви Серафимом создавать в Бессарабии русские приходы, и преобразовал частный дом в молитвенный. Его посещали не только русские, но и молдаване, «не желающие расставаться со старым стилем». 5 августа, не найдя иных аргументов, митрополит Гурий подал на В. Полякова в суд. Некоторое время отец Владимир скрывался, но 27 января 1931 г. приговор все же был вынесен: лишение священнического сана и запрет проводить богослужения. Призывая в свидетели иерархов Русской церкви за рубежом, В. Поляков попытался оспорить приговор и сумел на годы отложить его исполнение. 31 мая 1934 г. суд все же подтвердил прежнее решение[219].

Тем не менее, о. Владимир продолжил церковное служение. 17 июля 1935 г. он был застигнут полицией проводящим богослужение в молитвенном доме на ул. Инзова, № 8. Среди 25 задержанных прихожан оказалось 9 молдаван, таким образом, приход не являлся только

---

[218] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5435. Л. 28; Д. 6378. Л. 32.

[219] Там же. Д. 6021. Л. 32 об.

русским. 19 августа по случаю праздника Преображения В. Поляков и Б. Бинецкий провели в частном доме на окраине Кишинева, в Боюканах, богослужение по старому стилю. Полиция установила, что при этом присутствовало «очень много народа», но адрес молитвенного дома выяснить не смогла. Несколько дней спустя стало известно, что богослужение было проведено на даче Дубиной, в конце улицы Садовой, и в нем приняли участие 400 человек, в том числе крестьяне, прибывшие из ближних и дальних сел. Затем состоялся благотворительный обед. После службы навстречу бригаде сигуранцы, разыскивающей дом тайных богослужений, народ шел по улице Инзова толпами, и на вопрос откуда они идут, верующие отвечали: «От отца Полякова, который служит по старому стилю»[220]. В те же дни в Кишинев приехал из Вены епископ Русской Церкви За рубежом Серафим. Он встретился с представителями русской общины, русскими священниками, отслужил службу на славянском языке и рукоположил в сан нескольких священников[221].

Использование русского языка в богослужении продолжали отстаивать многие клирики-молдаване. В начале 1931 г. Иеремия Чекан и священник Иоанн Штюкэ, вице-председатель учрежденного в 1926 г. церковными автономистами «Банка православного клира», попытались выпускать русско-румынскую газету «Раза» (современники переводили это название на русский язык не как «Луч», а как «Свет»). Уже огласка этого намерения вызвала яростные протесты румынских национал-радикалов, привычно обвинивших молдаван в антирумынизме и русофилии. «К нашему стыду, – возмущался учитель Г. Обрежа-Яшь на страницах бухарестской газеты «Универсул», – бессарабские священники, в большинстве молдаване, предприняли выпуск газеты на русском языке». Прикрываясь ссылками на то обстоятельство, что румынская пресса в Бессарабии потерпела крах, священники, полагал он, просто «дают волю своему русизму». Мы, обличал «учитель», «не понимаем и не одобряем того, что самые заурядные представители национальной православной церкви весь день разговаривают на улице перед митрополией и даже в Епархиальном совете только по-русски;

---

[220] Там же. Л.104, 107.

[221] Скворцова А. Русские Бессарабии. С. 201.

но смотреть, как они переходят к делу, выпуская на русском языке для молдавского народа газету «Свет», – этого допускать нельзя!»[222].

Молдаване придерживались иного мнения. 17 священников-участников «Союза православных клириков Бессарабии» во главе с о. Александром Балтагой поддержали это начинание публично. Газета все же вышла. «Мы, – пытаясь объясниться языком оппонентов, ответил И.Чекан, – гордимся тем, что знаем русский язык почти так же, как румынский; гордимся, что зная этот язык мы сразу узнаем, чего хотят и что делают представители русского меньшинства в Бессарабии, также имеющие свою прессу; мы гордимся, что сможем на этом же языке отвечать на ошибки, заблуждения, измышления и нападки миноритарной прессы»[223].

Но первый номер оказался и последним. На следующий день после его выхода бессарабские епископы-румыны Виссарион Пую и Юстиниан договорились «энергично протестовать» против выпуска «Света». Вокруг них сплотились наиболее влиятельные церковные должностные лица-«регацяне» – директор кишиневской семинарии, декан теологического факультета, глава военных священников дислоцированного в Бессарабии 3-го армейского корпуса – и митрополит запретил выпуск газеты.

Более того, насаждая среди паствы антирусский шовинизм, Гурий заявил в проповеди, что «русские имеют возможность обращаться к богу на своем языке, но некоторые элементы из русского населения ведут себя как сектанты». Такие элементы, цинично заключил кириарх, «следует высылать за Днестр»[224]. Заявление вызвало возмущение в обществе. От имени «Объединения русского меньшинства» Г.М. Цамутали направил протест румынскому королю. Священники, на которых заявление митрополита, по сведениям полиции, также «произвело печальное впечатление», промолчали[225].

Оппортунизм клира был следствием изгнания из церковной среды сторонников старого стиля – и русских, и молдаван. Вместе с ними из этой среды в 30-е гг. начала исчезать бессарабская традиция национальной терпимости. Характерен инцидент, происшедший в октябре

---

[222] Universul [Bucureşti]. 1931. 9 ianuarie.
[223] Свет (Raza) [Кишинев]. 1931. 1–7 февраля.
[224] Cuvîntul Basarabiei [Chişinău]. 1931. 10 martie.
[225] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5521. Л. 92.

1931 г. в Епархиальном зале Бессарабской митрополии. Когда Иеремия Чекан обратился по-русски к аудитории из 200 священнослужителей и мирян, большинство присутствующих покинуло помещение; некоторые из выступивших после о. Иеремии ораторов потребовали репрессий против русских газет[226].

На съезде Союза Бессарабского клира в июле 1934 г. вопрос о выпуске румынско-русской церковной газеты подняли священники молдаванин Павел Гучужна из Оргеева (кстати, председатель правления «Банка православного клира») и болгарин Стойчев из Измаила. Стойчеву, который выступил «за то, чтобы газета выходила на румынском и русском языках, чтобы понимало все население», не позволили продолжить речь. Газету, лишая ее издание первоначального смысла, решили выпускать только на румынском языке[227]. «Церковь в Бессарабии, – отметила в те дни Бессарабская коммунистическая организация, – является лучшим для буржуазии убежищем румынского шовинизма»[228].

Впрочем, до единства мнений в оценке политики румынского патриархата среди клириков Бессарабии было далеко. Осенью 1934 г. съезд священников Сорокского уезда отметил, что введение нового календаря провоцирует распространение сектантства. «Народ утратил доверие к нам!» – признал священник села Рубленица Колаковский. Съезд духовенства Тигинского (Бендерского) уезда по предложению священника Чекати из Комрата потребовал от редакции «Разы» раз в неделю выпускать страницу на русском языке. В Кагуле верующие потребовали разрешить отмечать все праздники по старому стилю, а церковную службу проводить на русском языке. На отказ священников выполнить эти требования верующие отвечали публичными протестами и разоблачением финансовых злоупотреблений духовенства[229].

В этих условиях церковные власти попытались имитировать национальную терпимость. В марте 1934 г. богослужение на русском языке было официально допущено митрополией в принадлежащей Александро-Невскому братству церкви на Армянском кладбище[230]. Вскоре,

---

[226] Там же. Л. 122.
[227] Там же. Л. 175.
[228] Архив Института политологии. Ф. 50. Оп. 3. Д. 197. Л. 15.
[229] НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 3408. Лл. 361, 392.
[230] Universul. 1934. 31 martie.

после кончины руководителя Александро-Невского братства о. Николая Лашкова, митрополит назначил настоятелем Александро-Невской церкви соглашательски настроенного священника. А затем церковь на долгих три года закрыли якобы на ремонт. В 1936 г., после эмиграции генерала Е.А. Леонтовича в США, прекратила деятельность его организация, помогавшая церковной оппозиции. Но взять под духовный контроль прихожан властям не удалось. Александро-Невская церковь осталась своего рода православным клубом, в ней по-прежнему собирались на богослужения более тысячи кишиневцев, по сведениям сигуранцы, «в большинстве своем интеллигентов русского происхождения»[231].

Враждебность румынских клириков к использованию церковнославянского языка в богослужении и русского – в церковном обиходе осложняла им контакты с прихожанами – и русскими, и молдаванами. Восприятие молдаванами румын как чуждого народа, «цыган», отмеченное в начале 20-х гг. классиком румынской литературы Михаилом Садовяну[232], полтора десятилетия спустя не было преодолено. Взаимное отчуждение усиливалось языковыми различиями: литературный румынский язык оставался малопонятным для молдаван. В 30-е гг. на Богословском факультете Ясского университета, учрежденном в Кишиневе, свидетельствовал архиепископ Ю. Скрибан, студенты-молдаване, не понимая текстов современных им румынских писателей (за исключением уроженца Пруто-Карпатской Молдавии Михаила Садовяну, избегавшего латинизмов и галлицизмов), прибегали к румыно-французскому словарю. «Бедный юноша! – восклицал иерарх. – По-румынски он читал, как будто читал по-французски!»[233].

Отрицая молдавскую языковую самобытность, румынские власти, тем не менее, учитывали молдавскую лексическую и морфологическую специфику: рассчитанные на молдавских крестьян газеты, журналы, брошюры они редактировали на языке, близком к разговорному молдавскому. Но молдавской речью не владели и с высокомерием невежественных «культуртрегеров» не желали ее усваивать священники-румыны, направляемые в бессарабские приходы.

---

[231] НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. 5471. Л. 52.

[232] A se vedea: Sadoveanu M. Drumuri Basarabene. – Chişinău. 1992. P. 66–67.

[233] Basarabia. [Chişinău]. 1943. 22 mai.

Народ воспринимал этих священников соответственно их роли – как функционеров оккупирующего государства. Им не верили, их опасались, их презирали. Светские власти также видели в клириках прежде всего пропагандистов румынизма. В 1930 г. епископ Дионисий возглавил руководство общества «Астра», призванного насаждать в Бессарабии румынизм. «Слабую стену румынского сознания и [румынского] национального духа, – отмечено в программном документе этой организации, принятом по предложению церковного иерарха, – мы должны укрепить и распространить на всей территории между Прутом и Днестром»[234].

Опираясь на государственную администрацию на местах и финансовую помощь правительства, эта организация, в отличие от других румынских националистических «обществ», развернула свою инфраструктуру. Три года спустя «Астра» располагала в Бессарабии 373 «Очагами культуры» и «культурно-национальной» газетой «Кувынтул Молдовенеск». В селах в число «актива» организации власти в обязательном порядке включали священников. Прикрываясь «антибольшевистской» риторикой, аппарат «Астры» вел антирусскую пропаганду. Ее клуб в Кишиневе стал притоном: в его помещениях велись азартные игры, промышляли проститутки, туда завлекали подростков[235]. Разумеется, эта практика компрометировала Румынскую церковь в глазах бессарабцев.

Новый раунд духовного насилия

Попытки запрета богослужения на русском языке и внедрения Григорианского календаря повергли Бессарабскую церковь в кризис. Весной 1932 г. П. Кузминский, по сведениям сигуранцы, «представитель интеллектуалов Бессарабии», высказал мысль о том, что преследования стилистов на руку сектантам и даже большевикам. В адресованных румынскому королю двух открытых письмах, озаглавленных «В Бессарабии должен быть вновь введен старый стиль», опубликованных

---

[234] НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 3410. Лл. 42, 43.

[235] Там же. Д. 5550. Л. 515.

в газете «Бессарабская почта», он отметил: «…с момента ввода нового стиля церкви пустуют, возросло число сект, а большевики пользуются этим и ведут по вопросу о стиле интенсивную пропаганду в селах. Единственное средство против этой пропаганды – разрешить празднование [церковных праздников] по старому стилю». П. Кузминский высказался также за открытие в Кишиневе русской церкви[236], естественно, с богослужением на церковнославянском языке.

Попытку решить эту задачу предпринял выехавший в Югославию о. Владимир Поляков. В 1931 г. он добился разрешения румынских властей возвратиться в Кишинев и, находясь под омофором митрополита Евлогия, по его благословению организовал русский приход, независимый от Румынской патриархии. Получив гражданскую регистрацию, церковная община оборудовала в частном доме церковь в честь преподобного Серафима Саровского. Посетив Бессарабию, митрополит Евлогий вместе с о. Владимиром провел в ней богослужение, естественно, на церковнославянском языке и по старому стилю. Румынские власти вновь прибегли к полицейским мерам. Отец Владимир был арестован и отправлен на суд в Яссы. Кишиневские прихожане, собрав деньги, наняли адвоката, который выиграл процесс. Владимир Поляков получил свободу, но русский храм был закрыт и опечатан. В дальнейшем русских прихожан Кишинева отцу Владимиру пришлось окормлять тайно, совершая требы по домам[237].

Тайное все же стало явным. 13 декабря 1933 г. решением церковного суда, проведенного в Яссах, В. Поляков был лишен права учреждать русские приходы. Однако легальность была необходима, и о. Владимир попытался если не оспорить приговор, то выиграть время. 5 мая 1934 г. его «дело» рассмотрела в Бухаресте Центральная духовная консистория. Решение оказалось обусловленным политически. Оно гласило: «Учитывая, что хотя о. Владимир Поляков за рубежом стал под юрисдикцию русских епископов-эмигрантов, они не могли ему дать иных полномочий, кроме как обслуживать русских за рубежом, а не тех, кто проживает в Бессарабии или на всем пространстве Румынского Королевства, поскольку в Румынии не существует отдельного русского пра-

---

[236] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 944. Л. 3.

[237] Флоринский Н. Указ. соч. С. 9.

Священник Владимир Поляков. Кишинев, 1930 г.[241]

вославного меньшинства, и оно принадлежит Румынской Православной церкви, так же как бессарабские молдаване принадлежали при русском владычестве Русской Православной церкви». Полученные В. Поляковым от русских епископов-эмигрантов полномочия «учреждать в Бессарабии русские миноритарные приходы и обслуживать их» румынские церковные власти не признали[238].

В начале 30-х гг. епископ Русской церкви за рубежом Серафим рукоположил во священники ряд бессарабских сторонников богослужения по старому стилю. Один из них, о. Дмитрий Стецкевич, служил в кишиневских церквах Нечаянной радости и св. Серафима, а также в частном молитвенном доме. За это он в феврале 1934 г. был привлечен к суду, но сигуранца не пожелала оглашать имена доносчиков, и о. Дмитрий был оправдан[239]. В Бельцах агитацию за богослужение по старому стилю вел участник «Объединения русского меньшинства» крестьянин села Бадражи дьякон Н.А. Климович. Он организовал собрание верующих, на котором выступил за отделение Бессарабской митрополии от Румынской церкви, принял участие в съездах православных священников в Сербии и Чехословакии, а затем выехал в Вену, где и был рукоположен во священники. По возвращении проводил богослужения по старому стилю в селах Поповка, Алуниш, Бадражи. В конце 1934 г., опасаясь ареста, о. Николай выехал в Кишинев[240].

---

[238] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6021. Л. 82 об.
[239] Там же. Л. 23.
[240] Там же. Л. 62.

Как форму национальных гонений расценивала церковную политику Бухареста русская эмиграция. 13 мая 1934 г. газета «Русь», выходящая в Софии, опубликовала статью, написанную бессарабским корреспондентом, вероятно, Андреем Гырлей. Для нужд сигуранцы была переведена на румынский язык такая выдержка: «Кишинев, 2 мая. Вновь начались гонения на русское население Румынии. Первый удар нанесен православной церкви. Вследствие решения, принятого правительством, в ночь Воскресения военные подразделения вместе с полицейскими органами, окружив церкви русского меньшинства в Кишиневе, поступили точь-в-точь согласно системе большевиков в Советской России, воспрепятствовав верующим проникнуть в них. Ни вмешательство [председателя Объединения русского меньшинства] Н.В. Лейдениуса, ни ссылки на то, что это предусмотрено законом о меньшинствах, не помогли ничем. Власти запретили русскому населению поклониться Богу даже в ночь Воскресения. […] На суде председатель русского меньшинства Н.В. Лейдениус выступил с большой и смелой речью. С текстами международных договоров в руках он защищал право русских использовать национальный язык»[242].

Накануне визита в Кишинев главы румынского правительства Г. Тэтэреску русская общественность составила реестр жалоб по поводу притеснений верующих:

«1) Опечатывание и закрытие церкви Св. Серафима, принадлежащей русскому меньшинству в Кишиневе, изгнание верующих полицией из церкви и оскорбление священника, проводившего службу.

2) Вмешательство румынских церковных властей в дела русской церкви посредством лишения духовного сана свящ. В. Полякова, не принадлежащего Румынской церкви.

3) Запрет русским верующим приглашать священников на дом для проведения молитв, запрет русским священникам, с привлечением полиции, служить пасхальную заутреню 8 апреля [по старому стилю].

4) Запрет русским создавать свои благотворительные учреждения.

5) Запрет русских спортивных организаций…».

---

[241] Личный архив митрофорного протоиерея Николая Флоринского, настоятеля Свято-Георгиевской церкви г. Кишинева.

[242] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6021. Л. 29.

18 мая 1934 г. русская делегация была принята премьером, но свои жалобы смогла изложить только устно: листок с процитированными пунктами полицейский вырвал из рук главы делегации[243].

Против церковной политики Румынии решительно протестовали крестьяне. Требуя проведения богослужений по старому стилю, сообщала в июне 1935 г. полиция о положении в Бельцком уезде, население угрожает священникам переходом в различные секты. Часть верующих намерена повесить на церкви замки. В школе села Галилешты Измаильского уезда на празднестве с участием только функционеров, местный священник заявил: «Поскольку на русском языке говорят почти 170 миллионов жителей, я буду говорить по-русски», что и сделал[244].

В начале 1935 г. Н.А. Климович поселился в молдавском селе Старый Албинец Бельцкого уезда и развернул там пропаганду богослужения по старому стилю. Почва оказалась подготовленной, его проповеди находили столь горячий отклик, что 24 июля 1935 г. руководители ОРМ М. Цамутали и В. Датий, опасаясь запрета организации, призвали его продолжить работу в любом русском селе[245]. Однако отступать было поздно. В августе движение стилистов вылилось в Бельцком уезде в массовые крестьянские волнения. На их подавление были направлены румынские войска и жандармерия. 19 августа при столкновении с полицией в селе Старый Албинец были убиты 5 крестьян, 10 получили ранения, а 120 человек были арестованы[246].

Достигнутое такими методами «умиротворение» стало моральным поражением Румынской церкви. Глухая «война» верующих с официальной церковью продолжалась до последних дней оккупации Бессарабии. «Для подавления всякой воли масс даже в вопросе о том, праздновать ли религиозные праздники по новому или старому стилю, что является как будто вопросом мелким, – отмечало руководство Бессарабского коммунистического подполья, – буржуазия здесь, как и в национальном вопросе, видит не только чисто религиозную проблему, но и социальную подкладку, и подавляет движение крестьян, которые, по словам самих крестьян, хотят праздновать и молиться богу так, как они

---

[243] Там же. Л. 56.
[244] Там же. Д. 3408. Лл. 487, 497.
[245] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6300. Л. 29.
[246] Лазарев А.М. Указ. соч. С. 271–272.

хотят, а не как хотят бояре»[247]. Могло ли быть иначе, если речь шла о защите национальной традиции?

Знаком общественного признания заслуг В. Полякова в борьбе за сохранение единства обрядности Бессарабской и Русской православной церкви стало его избрание в 1935 г. председателем Союза русского меньшинства[248].

Сторонники богослужения по старому стилю были готовы к борьбе в подполье. В январе 1936 г. о. Дмитрий Стецкевич организовал оборудование молельного дома на Вистерниченах, в то время окраине Кишинева. 4 февраля в капелле Кишиневской митрополии в присутствии множества верующих была распространена листовка на русском языке в поддержку богослужения по старому стилю. Полиция подозревала нескольких женщин-прихожанок отцов Бориса Бинецкого и Владимира Полякова, но священник-молдаванин Елефтерий Крэчун, видевший все, отказался дать показания. Тогда же полиция уличила в проведении пропаганды богослужения по старому стилю священников села Питушка о. Михаила и Евстратия Кирицу. Они были наказаны удержанием месячного жалования[249].

Главным аргументом Румынской патриархии в каноническом споре оставалась полицейская травля приверженцев старого стиля. Пытаясь дать религиозным гонениям политическое «обоснование», митрополия провела в 1936 г. ряд публичных мероприятий. «Старостилизм» стал главным вопросом, обсужденным на конференции духовенства Севера Бессарабии в городе Сороки. «Старостилизм», заявил перед аудиторией из 200 священников епископ Хотинский Тит, «пропагандируют агенты, находящиеся на службе коммунизма». В Бельцах съезд священников заключил, что движение стилистов вызвано агитацией русской интеллигенции, а также «бродячих монахов». В села, где на почве внедрения богослужения по новому стилю «имели место тяжкие инциденты», – Албинец, Мустяца, Фундурь, Иленуца, Изворы, Глинжены, Стрымба, Кошены, Сочь, Клочены, Боканы, Обрежа, Бучумены и Старая Сарата решено было направить отряд из 40 «миссионеров»[250].

---

[247] АИП. Ф. 50. Оп. 3. Д. 197. Л. 15.
[248] Скворцова А. Русские Бессарабии. С. 199.
[249] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6021. Л. 227, 299, 307, 308.
[250] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3408. Лл. 529–530, 553.

Эти старания не могли изменить очевидного: подавить движение в защиту богослужения по старому стилю митрополит не смог.

Автономистское движение, которому Гурий был обязан своим продвижением, во внешних проявлениях прекратилось. Но само присутствие митрополита-молдаванина во главе Кишиневской епархии препятствовало дальнейшей румынизации клира. С целью «обоснования» его смещения румынские правые с начала 30-х гг. публично обвиняли митрополита в финансовых злоупотреблениях. Более пяти лет Гурий противостоял шантажу. Тем не менее, 11 ноября 1936 г. Синод Румынской церкви «временно» отстранил от его исполнения обязанностей архиепископа Кишиневского. Обвинения, выдвинутые против митрополита, остались недоказанными, юридически он оставался главой епархии до 1938 г., тем не менее, к ее руководству так и не был возвращен[251].

Руководить церковными структурами Бессарабии патриарх Никодим назначил своего приближенного Ефрема Енэкеску. Уважения клира и верующих архиепископ не снискал, прихожане называли его Ефрешкой. При нем Бухарест еще активнее использовал в церковной политике полицию и суд. В это время в Бессарабии вновь активизировалось движение в защиту богослужения по старому стилю, и новая волна репрессий последовала уже осенью 1937 г. «Движение, – доложил командир Лапушнянского жандармского легиона, – возглавлял лишенный духовного сана священник Владимир Поляков, устроивший молитвенный дом на улице Боюканы, № 1. Церковь посещали женщины из предместий и особенно крестьяне, приезжавшие по воскресеньям и в праздничные дни на рынок. Короткое время спустя наши органы прибегли к закрытию этого очага стилистской пропаганды, по случаю чего конфисковано большое количество икон и других церковных предметов, пожертвованных верующими. Руководители арестованы и преданы военному судопроизводству»[252].

В октябре 1937 г. Борис Бинецкий, Дмитрий Стецкевич и Владимир Поляков за проведение богослужений по старому стилю были приговорены к тюремному заключению. «Сколько было всех судебных про-

---

[251] Mitropolitul Gurie: Misiunea de credinţă şi cultură. Chişinău: Epigraf, 2007. P. 227.

[252] РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6096. Л. 152.

цессов точно в это время, – вспоминал в 50-х гг. В. Поляков, к тому времени – архиепископ Венедикт, – я не помню, но их было очень много… Сидел я в военных и уголовных тюрьмах и в арестных домах и в Кишиневе, и в Яссах, и в Бендерах, и в Тыргу Жиу, и в общих и в ординарных камерах как самый тяжкий преступник»[253].

Священников сломить не удалось, но главное, продолжали отстаивать свои взгляды их последователи на свободе. В феврале 1938 г. сигуранца уличила в ведении «панславистской» пропаганды группу прихожанок этих священников. Был схвачен также монах Кондрицкого монастыря Леон Талмазан, который, переодевшись священником, агитировал верующих за старый стиль. Сигуранца вновь и вновь требовала от митрополии содействия в надзоре над населением и пресечения предпринимаемых приверженцами старого стиля «вылазок с целью русификации»[254].

С установлением в феврале 1938 г. диктатуры короля Кароля II и введением чрезвычайного положения Бухарест ужесточил национальные гонения. Были закрыты газеты, выходящие на языках национальных меньшинств, за публичное использование любого языка, кроме румынского, власти начали преследовать в судебном порядке. За пропаганду стилизма был арестован вице-председатель «Объединения русского меньшинства» адвокат В.Г. Матвиевич, родственник историка церкви и поэта Алексея Матеевича. При обыске полиция обнаружила у него рукопись книги «Как живет русское меньшинство в Румынии». Суду была представлена выписка: «… суровое, жестокое и беспощадное преследование всего русского. До введения военного положения гонение русской церкви несколько ослабело, но затем по предоставлении румынским властям всей власти по охране порядка и тишины гонение усилилось, и снова священники Русского Меньшинства В. Поляков, Борис Бинецкий, Кожухарь, Иванченко, Климович и Стецкевич были преданы уже военному суду по обвинению в совершении у себя на дому службы по старому стилю и на церковно-славянском языке. Суд приговорил каждого из них к тюремному заключению на три месяца». В.Г. Матвиевич был приговорен к четырехмесячному заключению[255].

---

[253] Цит. по: Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 112.
[254] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3408. Лл. 257, 305, 308.
[255] Там же. Д. 6300. Л. 1–4.

Синод запретил священникам даже при исповеди разговаривать с прихожанами на любом языке, кроме румынского. Для русских, украинцев, гагаузов, болгар и части молдаван эта мера была равносильна отлучению от церкви. Митрополия промолчала, но организации церковных традиционалистов высказали протест против гонений на русский язык. «Сир! – обратились 15 апреля 1938 г. к Каролю II писатель Семен Стодульский и его коллеги. – В Кишиневе существует «Общества Гроба Господня», имеющего целью укрепление православия и борьбы с атеизмом. С запретом русского языка невозможно выполнять этот долг, поскольку много населения не владеет хорошо румынским языком». Члены Общества просили «разрешить им молиться Богу и наставлять также на славянско-русском языке». Телеграмму с просьбой разрешить им и впредь проводить службу в своих молельных домах на русском языке направила и община молокан Бессарабии[256]. «У бухарестских бояр, – заявил после проповеди 82-летний священник Илларион Софронович в Вилкове, – Бог отнял разум, и пришли они с дьявольским законом, запретив богослужение на русском языке, и св. Пасху провели мы в плаче, поскольку полиция шпионила за церковью и не позволяла служить по-русски». Затем священник обвинил правительство Румынии в потворстве сектантам. Часть богослужения настоятель церкви Петр Корпач провел на русском языке[257].

Вопреки запрету проведение богослужений на русском языке оставалось распространенным явлением. В апреле 1938 г. полиция известила Патриархию Румынии о том, что в Аккерманско-Измаильской епархии «не соблюдается распоряжение об использовании [только] румынского языка в церквах и что в большинстве церквей служба проводится на русском языке». В ответ аккерманский епископ Дионисий призвал к распространению языковых гонений и на иные конфессии. «В то время, – заявил он на заседании Синода, – когда православным позволено проводить богослужение только на румынском языке даже в селах с исключительно русским населением, липованам и баптистам разрешено свободно проводить службу на родном языке верующих». Это, отметил епископ далее, ущемляет православную церковь, вследствие чего «во

[256] Там же. Д. 6287. Лл. 2, 3.
[257] Там же. Д. 3408. Л. 763.

многих местах массы православных русских угрожают покинуть церковь». В том же духе выступил глава Хотинской епархии Тит.

Учитывая информацию, оглашенную ими и советником патриарха священником Константином Дроном, изучавшим ситуацию в Бессарабии, 3 мая 1938 г. Синод постановил: в приходах с русским населением богослужение проводить наполовину на русском, а наполовину – на румынском языке. 19 мая Синод распространил «разъяснение»: «в молдавских приходах богослужение проводить исключительно на румынском языке», так же проводить богослужение в гагаузских приходах, а в приходах с преимущественно славянским населением половину богослужения проводить не на русском, а на славянском языке. Разъяснять Священное писание Синод разрешил на любом языке, понятном населению: румынском, русском, болгарском, гагаузском, албанском. Старообрядцам также было позволено использовать в богослужении славянский (не русский!) язык, но от сектантов власти потребовали использовать устно и письменно только румынский язык[258]. Таким образом, по вопросу об использовании русского языка в богослужении Церковь заняла более гибкую позицию, чем правительство Румынии.

Но это была лишь тактическая уступка. Репрессии против священнослужителей, обвиняемых в «русизме» и «стилизме», продолжались. «В настоящее время, –доложил в июле 1938 г. командир Лапушнянского жандармского легиона, – движение на территории города Кишинева не существует, поскольку отсутствуют проповедники и другие пропагандисты, сторонники старого стиля не ведут никакой деятельности»[259]. На деле стилисты продолжали работу подпольно. Подозрительных по части стилизма священников-молдаван патриархия лишала приходов и заменяла их священниками-румынами. О. Борис Бинецкий не выдержал травли и в феврале 1940 г. вышел из состава церковного клира[260]. Опасаясь нового ареста, уехал в Румынию о. Николай Климович. Но крестьяне-молдаване упорно сохраняли приверженность старому стилю. Отчуждение между клиром и народом нарастало, способствуя распространению сектантства и религиозного индифферентизма. Духовное насилие дискредитировало Румынскую патриархию и спо-

---

[258] Там же. Лл. 750, 784, 805.
[259] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6096. Л. 153.
[260] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 774. Л. 36.

собствовало расширению влияния старообрядческой Белокриницкой патриархии, а также баптистов, молокан, иннокентьевцев.

Обоснованно обвиняя в создавшемся положении официальный Бухарест, бессарабские священники переживали кризис Церкви как национальную драму молдавского народа. «Горе нынешнему веку, – уже в начале 30-х гг. восклицал бессарабский протоиерей Митрофан Игнатьев, – для искоренения зла в мире ничего не предпринимается. Этот вопрос никого не интересует, никто и не думает об этом. […] Основания веры и нравственности в молдавском народе пошатнулись. Понятия добра и зла, чести и совести, ответственности, человеколюбия, силы и правды, дерзнем сказать с глубокой душевной скорбью, не лучше и не чище, чем в дохристианском мире»[261].

Термин «бессарабская нация» входил и в церковный обиход. «Уже 15 лет наша [бессарабская] нация взволнована, и общественная жизнь еще не вошла в нормальное русло, – утверждал в 1934 г. дьякон Федор Жереге, – Примарам и другим должностным лицам гражданский закон [точнее, Конституция Румынии 1923 г.] дает повод хулить и чернить Церковь и веру православную. Чего не претерпевают сегодня служители от примаров, жандармов и других чиновников?! Чтобы отличиться перед начальством, они, подобно большевикам, придираются к церковнослужителям и к Церкви»[262].

Несмотря на все меры митрополии, духовным центром русских верующих оставалась церковь Александро-Невского братства на Армянском кладбище. 15 ноября 1939 г. в этой церкви состоялась по случаю ее открытия после ремонта служба с участием Ефрема Енэкеску, префекта Лапушнянского уезда отставного полковника А. Добжанского, примара Кишинева Вл. Кристи, других высших чиновников. Но главное, отметил агент полиции, «присутствовали более 1000 лиц, большей частью интеллигентов русского происхождения»[263]. Что думали эти люди о политике Бухареста, слушая в этой церкви проповеди на румынском языке?

---

[261] Ignatiev Mitrofan. Chîteva trăsături a moravurilor în ajunul creştinitaţii şi în vremea noastră.// Luminătorul. 1934. № 8–9. P. 610.

[262] Jereghe Teodor. Bolşevizarea satelor de primari şi notari // Luminătorul. 1934. № 8–9. P. 630. См. также: Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 26.

[263] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5471. Л. 52.

Регионалисты-молдаване, декларируя верность румынизму, своим научным творчеством и публицистикой выявляли и пропагандировали молдавскую этнокультурную самобытность и обосновывали бессарабизм – идеологию бессарабского Сопротивления[264].

Незаурядным деятелем движения бессарабских регионалистов стал выпускник Ясской семинарии священник Константин Томеску. Приглашенный в Епархиальную канцелярию Бессарабии «редактировать», т.е. переводить с молдавского на литературный румынский язык, материалы церковного делопроизводства, он стал секретарем Епархиального комитета Бессарабии и Генеральным секретарем Епархиального собрания. Работая на этих постах, опубликовал в 1925–1938 гг. более 45 научных работ по истории Бессарабской церкви. Основал периодическое издание, вызывающе названное «Архивы Бессарабии, журнал по истории и географии молдаван между Прутом и Днестром», и руководил его изданием в 1929–1938 гг. За работу по укреплению молдавского исторического сознания чиновники-румыны удостоили К.Н. Томеску ироничного прозвища «приемный сын Бессарабии»[265]. Как правый радикал, в 1937–1938 гг., когда премьер-министром являлся патриарх Мирон Кристя, К.Н. Томеску побывал заместителем министра культов и искусств[266]. Однако румынские шовинисты не простили ему участия в движении бессарабских регионалистов. В 1950 г., во времена народной демократии, К. Томеску был приговорен к 5-летнему тюремному заключению – якобы, за легионерскую деятельность в 30-х гг. В вину Томеску поставили даже то обстоятельство, что он был женат на русской женщине Ольге Поляковой[267], дочери главы старостильников Бессарабии.

---

[264] Подробнее см.: Шорников П.М. Бессарабский фронт. С. 50–66.

[265] http://ziarullumina.ro/constantin-tomescu-si-dorul-de-basarabia-10982.html.

[266] http://arhivelenationale.ro/site/download/inventare/Tomescu-Constantin.-1919-1974.-Inv.-1450.pdf.

[267] Palade Gh. Integrarea Basarabiei in viata spirituala românească (1918–1940). Studii. Chisinau: Cartdidact. P. 194.

Константин Томеску. 20-е гг.

Тюремный снимок. 50-е гг.[268]

Превращение Кишиневской епархии Русской православной церкви в епархию румынскую было осуществлено методами административного и духовного насилия, ценой замены части местного клира на священников-румын. Проповедуя румынизм, официальную идеологию румынского государства, добиваясь исключения русского языка из богослужения и разрыва бессарабских священнослужителей и верующих с Московской патриархией, Румынская патриархия вошла в конфликт не только с Российской православной церковью, но и с общественностью Бессарабии. Народное православие стало главным фактором духовного сопротивления церковной политике Румынии. Это сопротивление было массовым и упорным, и оно так и не было сломлено.

Политика эта являлась антиправославной, ибо вносила смуту и раскол в среду священнослужителей и мирян, подрывала целостность и моральный авторитет церкви, способствовала распространению сек-

---

[268] https://yandex.ru/images/search?text=Tomescu%20constantin&img_url=http%3A%2F%2Fbasilica.ro%2Fwp-content%2Fuploads%2F2013%2F02%2F20-februarie-1890-s-a-nascut.jpg&pos=2&rpt=simage&lr=10313.

тантства. Кризис Бессарабской церкви в годы румынской оккупации был частью духовной драмы народа Бессарабии. Провоцируя враждебность к румынской власти даже в аполитичной среде, церковная политика Бухареста расширяла социальную базу Бессарабского освободительного движения.

Движения за автономию Бессарабской церкви и в защиту богослужения по старому стилю представляли собой наглядные проявления народного православия.

V. ИЕРЕМИЯ ЧЕКАН, ЕГО «ДЕЛО» И ДЕЯНИЯ

Ярко проявилось народное православие в деятельности священника и публициста Иеремии Чекана, более трех десятилетий выступавшего на общественной арене Бессарабии. Его личность и деятельность вновь привлекли внимание общественности и исследователей в 90-е годы XX века. Выдвигались даже предложения о его канонизации. Кем же был этот человек?

Советский молдавский философ А.И. Бабий квалифицировал И. Чекана как «старого молдавского черносотенца», а его взгляды на устройство общества – как «яркий образец смычки клерикального антикоммунизма и немецкого фашизма»[269]. Воспев И. Чекана как церковного оппозиционера дореволюционных времен, «неизменной точкой опоры» при оценке «всей бессарабской публицистики» провозглашает его Ю. Колесник[270]. Автор статьи, помещенной в Википедии, квалифицирует его как противника «русификации» молдаван и вместе с тем сторонника «консервативно-антисемитского Союза русского народа». В конце 20-х гг. Чекан выступал за диалог между православными и католиками, а в 30-е гг. издавал антисемитскую газету «Христианский телеграф» – региональный орган румынских нацистов[271]. Представляется необходи-

---

[269] Бабий А.И. Православие в Молдавии: история и современность. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988. С. 73, 74.

[270] Colesnic Iu. Op. cit. P. 2001.

[271] https://maailm.tk/Meri/en/Ieremia_Cecan.

мым рассмотреть общественную деятельность священнослужителя в период революции и в 20-е–30-е гг., когда Бессарабия находилась под властью Бухареста.

Как у каждого из пишущих, у И.Ф. Чекана имелся личный архив. Но когда его деятельностью заинтересовалась сигуранца, материалы этого архива стали пополнять «дело», заведенное на него этой службой. Агенты были безграмотны и нерадивы, чиновники – предвзяты, малокомпетентны и неряшливы, и все же год за годом подшивая в досье доносы, рапорты, справки, докладные записки функционеров и, что важнее, попадавшие в их руки письма, записки, черновики статей, газетные публикации поднадзорного, они создали документальный фонд, позволяющий судить о его воззрениях и деятельности. Досье И. Чекана превратилось в досье на него[272]. Кем же был в действительности этот фигурант истории Молдавии, обильно увешанный ярлыками?

Иеремия Федотович Чекан, следует из имеющейся в «деле» автобиографии, родился 31 мая 1867 года в селе Беляевцы Хотинского уезда в семье бедных крестьян-молдаван. В 1889 году окончил Кишиневскую семинарию. Женился, родились дети: Людмила, Зинаида, Александр, Николай, Борис. Назначен на священническое место в церковь села Котылево Хотинского уезда. Рукоположен во диаконы, а вскоре – во священники. Назначен учителем и законоучителем в им открытой и им содержащейся церковно-приходской школе грамоты. Служил в церкви села Старый Рошкан Бендерского уезда. Переведен в церковь села Нишканы Оргеевского уезда. Здесь И. Чекан проявил себя на общественной стезе гораздо шире: открыл для крестьянских детей регентскую школу грамоты, где стал заведующим и законоучителем. Организовал сбор средств и строительство приходской школы при Нишканской церкви. Позднее организовал строительство церковно-приходских школ также в селах Речула и Паулешты.

Этой деятельностью И.Ф. Чекан снискал доверие общества. Он был избран председателем комитета по постройке в Нишканах новой церкви в память о 100-летии присоединения Бессарабии к России и утвержден духовным следователем по пятому округу Оргеевского уезда и

---

[272] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Дд. 3597, 3401. Здесь и далее постраничные ссылки на материалы этих дел опущены.

нес это послушание три года. Работал – разумеется, без оплаты – делопроизводителем Кишиневского епархиального комитета по борьбе с народной нетрезвостью. Более четверти века прослужив в Нишканах, был переведен в Кишинев в церковь Рождества Богородицы и назначен редактором издаваемой сиротским приютом газеты «Наш долг» и заведующим открытой им церковной школы при этой церкви. На этом посту, уже в зрелые годы, открыл Иеремия Федотович в себе талант публициста. С этого момента начинается его политическая биография.

Молдавский патриот и российский государственник

Иеремия Чекан принадлежал к сословию, по своим государственно-политическим ориентирам решительно отличавшемуся от церковного клира соседней Румынии и, тем более, Трансильвании, находившейся тогда под властью Австро-Венгрии. «Бессарабское духовенство, – отмечал уроженец Трансильвании Онисифор Гибу, бывший (в 1917–1918 гг.) резидент румынской спецслужбы в Бессарабии[273], – никогда не было национальным духовенством в том смысле, в каком было национальным румынское духовенство Трансильвании»[274]. Последнее служило проводником идеологии румынского национализма и было враждебно Австро-Венгрии, в составе которой находилась их родина. Бессарабские священнослужители, выходцы из крестьянства, знали и разделяли его заботы и горести.

Но они чтили русскую культуру, ценили знание славянского и русского языков, а Российскую империю они, подобно одному из них, историку и поэту Алексею Матеевичу, считали не «тюрьмой народов», а цитаделью молдавской национальной самобытности, своим государством. Быть молдавским патриотом означало для них быть также российским государственником.

---

[273] См. подробно: Шорников П. Трансильванская колонна, или Секретная миссия Онисифора Гибу. //Мысль. 2000. № 1(9). С. 73–79.

[274] Ghibu O. De la Basarabia rusească la Basarabia românească. Analiza unui process istoric insotita de 186 documente. Vol. I. – Bucuresti, 1926. P. CLIV.

Д.П. Гулькин

Российский этатизм и молдавский патриотизм определяли и политическое сознание И.Ф. Чекана. Он любил свой народ и служил его благу. После революции 1905–1907 гг. в Бессарабии, как и во всей России, наступили времена национальной свободы. Беспрепятственно действовали молдавские национально-культурные кружки, выходили более 10 печатных органов на молдавском языке, старообрядец бессарабский депутат III Государственной думы **Дионисий Петрович Гулькин** и руководство Бессарабского земства ставили вопрос об организации школьного обучения на молдавском языке. «В тех условиях, – признавал тот же О. Гибу, ненавистник России, – было можно сделать многое. Обстоятельства в Бессарабии были того порядка, что позволяли очень широкую культурную деятельность»[275]. Используя ситуацию, в 1909 году И. Чекан начал выпускать в Кишиневе журнал «Наше объединение», цель которой была сугубо социальной – защита интересов сельских священнослужителей.

«Журнал священника Иеремии Чекана, – полагал в 30-е годы историк Бессарабской церкви Н. Поповский, – был, кажется, единственным во всей России явлением своего рода, привлекшим своим содержанием даже внимание центральных властей Петербурга»[276].

Молдаване переживали период национально-культурного подъема, и в 1911 году, откликаясь на общественную потребность, священник начал публикацию в газете материалов «на нашем молдавском языке», и никто из современников не расценил это как акт, противоречащий политике правительства.

---

[275] Ibidem. P. XCVIII.

[276] Colesnic Iu. Basarabia necunoscută. – Chisinău: Universitas, 1993. P. 198.

Вторникъ, 31 Августа 1910г.

Годъ изданія I-й.

№ 33-35

НАШЕ

ОБЪЕДИНЕНІЕ.

...ково-нравственный, политическій, экономическій и литературный журналъ.

Монархическаго направленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 р., 1/2 года 2 руб., 3 мѣсяца 1 руб. и 1 мѣсяцъ 33 коп.

Адресъ редакціи и конторы: СТ. КАЛАРАШЪ. БЕССАР. ГУБ., СЕЛО НИШКАНЫ.

Доклады къ предстоящему епархіальному съѣзду.

VII.

Объ отводѣ земельныхъ участковъ сельскимъ начальнымъ школамъ.

Вопросъ о необходимости улучшенія положенія учителей путемъ увеличенія ...мъ вознагражденія въ настоящее время окончательно рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и правительствомъ, и обществомъ. Отсюда всякія ...тки улучшить матеріальное положеніе учащихъ въ начальныхъ школахъ должны быть привѣтствуемы всѣми съ радостью.

Земельные надѣлы—наилучшее обезпеченіе для школъ учащихъ!

Эта мѣра будетъ имѣть еще громадное значеніе для населенія: при ...дставѣ учителей населеніе будетъ знакомиться съ улучшенными пріемами и способами сельскаго хозяйства.

Нельзя отрицать того, что въ тѣхъ случаяхъ, когда земство захотѣло проводить въ крестьянскую массу улучшенные пріемы и способы ...скаго хозяйства, учительская среда, несомнѣнно, оказалась бы самой ...рімчивой, наиболѣе доступной для воздѣйствія, а школьные земельные ...тки—самими удобными для демонстрированія на нихъ улучшенныхъ ...ьтуръ.

Мы позволяемъ себѣ указать на одинъ изъ способовъ распространить ...ъ народѣ земледѣльческія знанія, который практикуется во Франціи министерствомъ земледѣлія,—устройство „демонстративныхъ полей", съ цѣлью, ...къ говоритъ французскій министръ земледѣлія, „путемъ наглядняго при...ра поразить воображеніе земледѣльца, дать ему ощупать рукой тѣ ре...льтаты, которые можно ждать отъ примѣненія провѣренныхъ опытомъ ...ыгитій". Для устройства демонстративныхъ полей (ихъ въ настоящее ...ремя уже нѣсколько тысячъ) посылаются министерствомъ спеціалисты ...ельскаго хозяйства, которые устраиваютъ и читаютъ населенію лекціи, ...причемъ лучшими помощниками этихъ спеціалистовъ являются народные ...учителя, истолковывающіе населенію мѣру правительства. Точно также, ...когда наши школы будутъ надѣлены землей, то школьные участки будутъ ...самыми удобными для демонстрированія на нихъ успѣховъ, достигнутыхъ ...наукой сельскаго хозяйства. Устройство такихъ демонстративныхъ полей ...на школьныхъ участкахъ, намъ думается, будетъ гора до дешевле для ...земства, чѣмъ устройство дорогихъ фермъ и опытныхъ полей. Учащіе начальныхъ школъ, не будучи сами спеціалистами въ сельскомъ хозяйствѣ,

Как и многие современники, Чекан совершил ошибку, отождествив интересы государства Российского с интересами монархии. Вступив на общественную арену после революции 1905–1907 гг., он примкнул к государственникам. «Священник Иеремия Чекан, – установили впоследствии агенты сигуранцы, – несколько лет был известен в Кишиневе как директор церковной газеты «Объединение» и сотрудник различных местных русских газет подрывного характера, в том числе газеты «Друг», на страницах которой вместе с Витольдом Якубовичем, директором «Друга», известным своей знаменитой антирумынской статьей «Слушай, Румыния!», вел горячую кампанию против русского архиепископа Серафима». Кроме знакомства с Якубовичем доказательством политической правизны Чекана служили имеющиеся в досье сообщения о его уважительных отзывах о Владимире Пуришкевиче и молдаванах – деятелях правых партий. Но сведений о его членстве в «Союзе русского народа» в досье нет.

Епископа Кишиневского и Хотинского Серафима чины сигуранцы задним числом обвиняли в том, что он, якобы, «был против любых молдавских тенденций». Но составленный И. Чеканом в 1912 году текст, подписанный большой группой бессарабских священнослужителей – и молдаван, и русских, – и отправленный в Петербург Священному Синоду, представлял собой письмо протеста против административного самоуправства бессарабского архиепископа, а не его национально-политических взглядов. Другие имеющиеся в «деле» материалы о деятельности Чекана в те годы представляют его подвижником общественного долга, демократом в истинном смысле слова. Он организо-

вал сбор средств и строительство школ в селах Нишканы, Паулешты и Речула. В Нишканах его стараниями была построена величественная церковь. Еще одна церковь, в селе Петичены, также возведенная при его участии, осталась недостроенной из-за начала мировой войны. Священник-публицист защищал униженных и оскорбленных. До конца своих дней гордился тем, что добился увольнения земского начальника, ударившего по лицу крестьянина.

Сельский священник, издающий независимую от церкви и властей газету, был явлением уникальным. И.Ф. Чекан получил известность и в Петербурге. Министр внутренних дел А.А. Макаров оценил его влияние на сельских священников, в свою очередь влияющих на крестьянство, и попытался использовать в политических целях. В 1911 году министр лично привлек его к пропагандистскому обеспечению выборов в IV Государственную думу. При содействии И.Чекана бессарабские деятели, пытавшиеся разыграть на выборах националистическую карту, потерпели поражение.

Общественное признание не обошло о. Иеремию. Он был удостоен церковных наград: набедренника, скуфии, камилавки, наперсного креста; благодарности Оргеевского отделения Кишиневского училищного совета. Был награжден медалями в память царствования императора Александра III, в память 25-летия церковных школ, 100-летия Отечественной войны 1812 года, 300-летия царствования Дома Романовых, нагрудного креста в честь 300-летия царствования Дома Романовых и даже ордена Анны III степени – по военному ведомству.

Но правящий класс империи утрачивал концептуальный суверенитет и чувство ответственности за судьбы страны. Политиканы, стараниями И. Чекана потерпевшие поражение на выборах, церковные иерархи, чьи злоупотребления он разоблачал, травили его в печати, изгнав из прихода, оставили без средств к существованию, отстраняли от руководства созданных им газет. «Редактор журнала, священник И. Чокан, – еще при его жизни отмечал в своей «Истории бессарабской церкви» молдавский историк Н.А. Поповский, – душой и телом принадлежал правому лагерю Епархии и, при всем том, самые сильные его враги были именно люди из этого лагеря». Однако, несмотря на гонения, в годы мировой войны И. Чекан занял патриотическую позицию. Раз уж война началась, она, полагал о. Иеремия, должна быть доведена до победного конца. Священник-молдаванин выпускал на русском

языке газеты «Бессарабец» (1914), «Бессарабия» (1914), «Бессарабская почта» (1915) и журнал «Наш долг» (1915), как тогда говорили, «оборонческий».

В составе Комитета «Спасение Бессарабии»

Когда грянула революция, этот деятельный человек явно растерялся. Но лозунг единой и неделимой страны, позаимствованный белым движением у французских революционеров XVIII века, выражал и его политическое кредо. Трусом он не был. Весной 1917 года И.Ф. Чекан, подобно историку и поэту Алексею Матеевичу, стал полковым священником русской армии и ушел на фронт.

Румынскую оккупацию Бессарабии И. Чекан не принял. Капитулянтское поведение своего старого единомышленника священника Александра Балтаги, который, став членом «Сфатул цэрий», 27 марта 1918 года проголосовал за присоединение Бессарабии к Румынии, Чекан решительно осудил. Более того, он предал гласности красноречивый факт, дополняющий историю рокового заседания Краевого Совета. Поставленный властями во главе Бессарабской церкви румынский архиепископ Никодим, возможно, войдя в долю, позволил Балтаге присвоить свыше 1 млн рублей церковных средств – «эмеритальный и пенсионный капиталы духовенства», а также средства свечного завода в сумме 0,5 млн рублей. Голосование против «объединения» грозило члену «Сфатул цэрий» не только потерей этих сказочных сумм, но и пожизненным тюремным заключением. Хотя законы Румынии позволяли это, А. Балтага не привлек Чекана к суду, по сути, признав справедливость выдвинутых им обвинений.

Сам Чекан включился в подпольную работу Бессарабского сопротивления. «Когда граница была открыта, – установила впоследствии сигуранца, – священник Еремия Чекан совершал частые поездки на Украину, доставляя в Бессарабию антирумынские газеты и корреспонденцию». Долго это продолжаться не могло. Жителей Бессарабии, даже членов «Сфатул цэрий», румынские военные и чины сигуранцы расстреливали по приговору трибунала и без такового, по вздорным наветам или за взятку. Вымогая взятки, людей арестовывали, истязали, а упорствующих либо несостоятельных убивали «при попытке к бег-

ству», вывозили к Днестру, убивали и спускали под лед, объявляя, что такой-то бежал в Одессу. 24 января 1918 года в числе 45 членов президиума крестьянского съезда в Кишиневе были расстреляны члены «Сфатул цэрий» Ф. Которос, Д. Прахницкий, И. Панцырь, В. Рудьев. В феврале были убиты еще два члена Краевого Совета – редактор газеты «Свободная Бессарабия» Николай Ковсан и Надежда Гринфельд, глава бессарабских социал-демократов (меньшевиков). И. Чекан слишком многое знал о неблаговидных делах прорумынских политиканов из руководства «Сфатул цэрий» и опасался репрессий за свою дореволюционную общественную деятельность. Как выяснилось позднее, обоснованно. «За свои деяния, – читаем в составленной в 1929 году справке сигуранцы, – он должен был быть выслан из Бессарабии, однако он, чувствуя это, в ноябре 1918 года бежал на Украину».

Во имя освобождения родного края он впервые в жизни вступил в политическую организацию – «Комитет спасения Бессарабии», лидеры которого – бывший депутат Государственной думы Александр Крупенский, врач Александр Шмидт, избранный весной 1917 года градоначальником Кишинева, другие земские и церковные деятели – еще в начале 1918 года бежали из Кишинева в Одессу. Главе Бессарабских епархий архиепископу Анастасию, открыто осудившему церковную аннексию, румынские власти не позволили возвратиться в Кишинев. В конце 1918 года руководители Комитета выехали в Париж, где готовилась конференция стран-победительниц, призванная подвести итоги мировой войне, и развернули во французской печати кампанию протеста против намерения правительств Франции и Англии признать аннексию Бессарабии Румынией. О деятельности И. Чекана в те годы имеются две версии. Сам он, освещая в «Автобиографии» этот период своей жизни, был необычайно лаконичен: «В 1918–1920 годах находился в Одессе. Издавал газету «Слово Тирасполя». Был арестован, сидел в 16 тюрьмах, присутствовал при расстрелах».

Повествование, явно предназначенное для румынских властей, должно было внушить сочувствие к жертве большевиков. Но враждебные И. Чекану «биографы» из политической полиции собрали о его деятельности на Украине не менее впечатляющие сведения. «С ноября 1918 до 31 мая 1920 года, – докладывал в Бухарест шеф кишиневской бригады сигуранцы, – священник Чекан жил на Украине, большей частью в Одессе, занимался пропагандой против объединения Бессара-

бии с Родиной-матерью и имел задание, частично им выполненное, собирать подписи под протестом бессарабского духовенства и мирян против румынского правительства и церкви. [...] Находясь в Одессе, проповедовал с алтаря борьбу за «спасение Бессарабии», активно участвуя в одноименном комитете. Его сын Николай Чекан был схвачен при перевозке писем и антирумынских газет своего отца из Одессы в марте 1919 года»[277].

Во имя освобождения родного края И. Чекан попытался сотрудничать даже с революционерами. В мае 1919 года он предложил большевистским властям Одессы сформировать для действий против румын в Бессарабии партизанский отряд. Он подобрал добровольцев и, что было гораздо сложнее, собрал для снаряжения отряда у бессарабских беженцев солидную сумму денег. Успех этого предприятия свидетельствует, что сомнений в честности о. Иеремии у земляков не было. Однако священник-патриот, обратившийся с просьбой обеспечить отряд оружием, не внушил доверия одержимому классовой борьбой комиссару Особого отдела. 52-летнего И. Чекана взяли под стражу. Вскоре освободили, потом снова арестовали. Тем не менее, о большевиках он сохранил не слишком мрачные воспоминания. «Вообще должен сказать, что все время, проведенное в России с 1918 по 1920 год, – отмечал он в «Автобиографии», – большевики обращались со мной довольно хорошо и благородно. И если держали меня в тюрьмах, то только как «контрреволюционера», поскольку, по их мнению, если ты священник, то в обязательном порядке контрреволюционер. По выяснении причин ареста меня освобождали очень быстро, хотя знали, что я монархист».

Партизанский отряд И. Чекана большевики все же вооружили, но отправили воевать не в Бессарабию, а на фронт гражданской войны – против петлюровцев. Священник попал в часть Красной Армии, с согласия ревкома Одессы сформированную Михаилом Винницким, бандитом Мишкой Япончиком. Но легендарный пахан оказался никудышным командиром, а набранная им уголовная братва – плохими солдатами. В бою под Вознесенском бригада Япончика была разбита. По утверждению информатора сигуранцы, Чекан спасся бегством. Но бывший сотрудник одесской ЧК Ф. Фомин засвидетельствовал иное:

---

[277] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3993. Л. 63 об.

бегущих расстреливали бойцы полка, сформированного из рабочих и брошенного красным командованием к месту прорыва противника. Мишку Япончика пристрелили чекисты[278].

Уцелели не беглецы, а те, кто сохранил присутствие духа. Видимо, отряд бессарабцев остался на боевых позициях. Тем не менее, вознесенским эпизодом участие Иеремии Федотовича в гражданской войне и ограничилось. Это была не его война. В августе 1919 года, когда большевики под давлением войск Деникина отступили на Север, он остался в Одессе. Вскоре, опасаясь что белые проведают о его службе в Красной Армии, Чекан перебрался в Тирасполь. Избежав разоблачения как бывший красный боец, борьбу за освобождение Бессарабии он продолжил, редактируя газету «Тираспольское слово».

В январе 1920 года части Красной Армии вновь вышли к Днестру. Тирасполь освободили земляки – укомплектованная бессарабцами кавалерийская бригада Григория Котовского. Намерения изгнать румын из Бессарабии у большевиков имелись, но сил для новой войны не хватало. Николай Чекан по-прежнему находился в Кишиневской тюрьме, где его морили голодом и избивали, и отец Иеремия решил возвратиться в родные места. «После двух лет антирумынской деятельности в Одессе, – читаем в справке сигуранцы, – в 1920 году при посредстве своей семьи он добился разрешения возвратиться в страну, где по прибытии начал подрывную пропаганду». Хотя возвращению И. Чекана способствовал архиепископ Гурий, поставленный во главе Бессарабской церкви румынскими властями, через Днестр он перебрался на лодке, по существу, нелегально.

Трудный путь к «Свету»

Политическая обстановка в Бессарабии была и простой, и сложной. Опираясь на революционное крестьянское и рабочее движение, бескомпромиссную борьбу против оккупации вело коммунистическое подполье, руководимое такими деятелями, как Павел Ткаченко, Григорий Борисов (Старый), Александр Гуров, Александр Клюшников и

---

[278] Фомин Ф. Записки старого чекиста. М.,1962. С. 71–73.

другие. И. Чекан прибыл в Кишинев в августе 1920 года, когда большевики подняли рабочих на всеобщую забастовку и в городе повеяло ветром революционного 1917 года. Против оккупации Бессарабии выступали и противники большевиков – монархисты. Они издавали газеты, в которых обличали румынскую политику в Бессарабии, направляли жалобы в международные организации, снабжали информацией о положении в Бессарабии зарубежную прессу. Священнослужители, связанные с монархической организацией бывшего генерала русской армии Евгения Леонова, устраивали в церкви Св. Пантелеймона и Чуфлинском храме богослужения в честь Николая II, собирая тысячи верующих. Румынская политическая полиция не без основания усмотрела в этих богослужениях демонстрацию российского патриотизма. Деятельную группу оппозиционеров составляли бессарабские регионалисты-молдаване, выступавшие на политической арене Румынии.

Для включения в общественную жизнь следовало занять определенную политическую позицию. Это с успехом проделал старый знакомец Чекана Александр Балтага. Проголосовав в 1918 г. за «объединение» Бессарабии с Румынией, он счел себя свободным от каких-либо обязательств перед Румынским государством и возглавил движение за автономию Бессарабской церкви. Это обеспечило ему необычайное влияние среди духовенства. В начале 1921 г. И. Чекан с завистью признал, что «о. Балтага и К° в настоящее время являются самодержцами в епархии»[279]. Намереваясь выпускать газету, И. Чекан не принял предложенный ему бедный сельский приход и остался в Кишиневе. Это нарушало его договоренность с Гурием, который содействовал его возвращению при условии служения в приходе села Бахмут. Но, чтобы выручить из тюрьмы сына, И. Чекан нуждался в доверии румынских властей. В октябре 1920 г., ссылаясь на свою известность в бессарабском обществе, он обратился к властям с просьбой о выделении ему 500 тыс. леев на пропаганду среди рабочих и крестьян, которых он обещал «вырвать из-под влияния демагогов».

Содействием архиепископа можно было заручиться, выступив на его стороне по политически важному вопросу об автономии Бессарабской церкви. В марте 1921 г. И. Чекан выпустил листовку, в которой

[279] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3993. Л. 63 об.

обвинил «отцов Александра Балтагу, Андроника, Бежана и Гавриловича» в том, что они: «1) Под видом автономии бессарабской церкви создали в ней свое самодержавие. 2) Растратили полмиллиона на признание какой-то автономии, которая не только не дала преблагих результатов (а духовенство общественно и материально низведено ниже народного учителя), но в близком будущем грозит банкротством наших финансовых учреждений. 3)Явно допускаемый грабеж свечного завода и швейцарской гостиницы, как это было при покупке для нее мебели. 4) Расхитили власть правящего архиерея и стали выше его. 5) Ввели в епархии террор против инако с ними мыслящих и для достижения своих целей пользуются всякого рода беззаконными средствами». В апреле в записке «Наша платформа», переданной им человеку, которого подозревал в связях с сигуранцей (подозрения подтвердились), И. Чекан вновь высказался против борьбы за церковную автономию. «Всякая борьба бессарабцев с румынским правительством за какую-то эфемерную автономию, – указано в записке, – только ухудшает положение жителей Бессарабии; она бесцельна и непроизводительна во всех случаях»[280].

Выступление против дваижения автономистов скомпрометировало И. Чекана в глазах клириков. Чрезвычайный епархиальный конгресс отстранил его от священства и лишил права носить крест. В апреле 1921 года церковная консистория квалифицировала его как «провокатора и агитатора, опасного для спокойствия и доброго порядка в жизни Епархии». Церковно-политическая ниша оказалась для Чекана закрыта. Кроме того, отец Иеремия недооценил осведомленности румынских властей. Агенты сигуранцы доносили, что он восстанавливает старые связи, особенно среди священников, собрал средства на выпуск газеты на русском языке. Один из агентов даже предположил, что конфликт с церковными автономистами Чекан затеял с целью «встать во главе подрывных движений с большевистскими тенденциями». «Священник Еремия Чекан, – заключил генеральный секретарь МВД Румынии, – является одним из лиц, всегда проявлявших враждебность к нашей стране». Денег румынские власти ему, разумеется, не дали, а Николая Чекана оставили в тюрьме. Авторитет о. Иеремии в обществе

---

[280] Там же. Л. 63.

пал. Начатый было им выпуск газеты «Наше объединение» пришлось прекратить из-за отсутствия читательского спроса.

Осуществляемый большевиками в СССР модернизационный проект был И. Чекану непонятен. Несмотря на индустриализацию страны, ликвидацию безработицы, культурную революцию, большевики оставались для него только разрушителями традиционной российской государственности и врагами Церкви. Поэтому он критиковал проводимую в Советском Союзе антицерковную политику и разоблачал Общество дружбы с СССР как организацию коммунистов.

В начале 20-х годов священника-публициста обманула социальная демагогия румынских правых, яростно обличавших «плутократию». При содействии «Железной гвардии» И. Чекан якобы даже выдвигал свою кандидатуру на выборах в румынский парламент. Позднее он положительно отзывался о праворадикальных политиках Румынии, полагая, что они «освободят царан от поземельного налога» и предоставят крестьянам дешевые кредиты. Допускал и высказывания, направленные против еврейской буржуазии, многими истолкованные как антисемитские. При этом выпускал русскую газету «Христианский телеграф», в которой критиковал румынскую политику в Бессарабии, требовал ликвидации в Бессарабии «всего того, что возмущает честных людей, которые отчаявшись говорят: пришли бы скорее большевики и навели порядок».

Однако публицистическая деятельность о. Иеремии все определеннее входила в русло движения бессарабских регионалистов. В середине 20-х гг. он вопреки своим прежним заявлениям поддержал движение за автономию Бессарабской церкви. Выступал за «соборное самоуправление» церкви, против вовлечения священников в политику. «Участие священника в партиях, – утверждал он, – гибель Церкви, гибель священства». Как акт политического преследования осудил отстранение знаменитого молдавского просветителя-гагауза М.М. Чакира от преподавания в Кишиневской духовной семинарии, а избрание архиепископом Гурия, проведенное под нажимом румынских властей, публично квалифицировал как «насилие и бандитизм». Публиковал статьи против легализации абортов. Стремясь к сплочению многонационального населения Бессарабии, заявлял: «Наша газета лояльна ко всем нациям, кроме безбожников». Румынию И. Чекан именовал капиталистическим государством, которым «управляет не трудовой народ, не царане, не

рабочие, а капиталисты. Трудовой народ обречен на рабство». Цель издания газеты священник формулировал почти как коммунист: «Защита обиженных и оскорбленных против эксплуататоров».

Но молодежь, воспитанная в духе румынизма, оказалась восприимчива к антисемитской пропаганде. В Кишиневе главным очагом нацистской пропаганды оказался Богословский факультет Ясского университета, где 80 процентов студентов составляли уроженцы «Регата». 10 февраля 1930 года на улице Александровской в центре города группа студентов-теологов устроила погром в кондитерской «Варшавская», а затем разбила стекла в рентген-кабинете доктора Друтмана, в ювелирном магазине Хасилева, в фотографии Ташнера и т.д. В ночь на 16 сентября 1930 года в вагон поезда Черновцы–Кишинев ворвались студенты-кузисты и с криком «Смерть евреям!», «Евреи – в Палестину!» на ходу выбросили из поезда супругов Шнеерсон. На следующий день 20 студентов-будущих священников избили сверстника-еврея. Власти попустительствовали насилию. Полицейский чиновник Евицкий, задержавший погромщиков, был уволен со службы, а задержанные немедленно освобождены[281].

Подобные действия власти должны были влиять на общественную атмосферу. Согласно интернет-публикациям, в 1933 г. И. Чекан отошел от активного священства и свернул в сторону нацизма, даже стал «региональным президентом румынской национал-социалистической партии»[282]. Однако материалы сигуранцы свидетельствуют об ином. Его социально-политические взгляды можно определить как левоцентристские. В семьдесят лет своей жизненной целью И. Чекан ставил: «1. Распространить среди бессарабского народа 400–500 тысяч Евангелий на молдавском и русском языках. [...] 2. Удвоить плодородие бессарабской земли, что дало бы возможность бессарабскому народу улучшить его материальное положение».

Однако идейные метания Чекана продолжались. В обществе, еще в сентябре 1933 г. утверждал он в статье «Социализм национальный и интернациональный», многое должно быть общественным: религия, управление, воспитание, образование, дороги, армия, деньги и т.д. Сле-

---

[281] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3457. Лл. 63, 336, 528, 556.

[282] https://en-m.wiki.ng/wiki/Ieremia_Cecan.

дующим шагом по пути такой социальной общности явились бы объединения по типу христианских монастырей, а также христианский, национальный социализм германского народа[283].

Иллюзии по поводу социальной миссии нацизма он вскоре отбросил. В 1934 г. И. Чекан публично осудил введение в Германии трудовой повинности и убийство хорватскими фашистами югославского короля Александра, а роспуск эстонского парламента президентом К. Пятсом определил как установление диктатуры. Ликующей статьей «Союз с Россией» он приветствовал подписание советско-румынского соглашения, сулившего восстановление дипломатических отношений между двумя странами.

В своих публикациях И. Чекан, случалось, возвышался до прозрений. «Будет ли война? – вопрошал он. – Война будет обязательно, так как она нужна прежде всего Германии, Италии и Японии»[284]. Гитлера он презирал, печатно именуя его «немецким маляром»[285]. Публиковал карикатуры на Гитлера, Муссолини, праводикальных деятелей Румынии Октавиана Гогу, Титулеску, Вайду-Воеводу[286]. Мог ли так поступать адепт нацизма?

И. Чекан сохранил верность молдавской национально-культурной традиции. Родной язык он и в 20-е–30-е годы, когда такое поведение расценивалось властями как акт политического неповиновения, продолжал называть молдавским, а себя молдаванином. «Никогда я не был и не могу быть румынским националистом», – донес сигуранце слова Чекана агент Нику 31 марта глухого 1934 года. Несмотря на обличения «еврейской плутократии», не был он и врагом евреев. «Вчера, – донес другой агент сигуранцы, – о. Еремия Чекан пришел в типографию Авербуха [...] Чекан сказал, что он никогда не был антисемитом от всей души». Сказанное можно расценить лишь как слова. Но вот составленная и бесстрашно подписанная И. Чеканом двуязычная листовка от 25 августа 1935 года: «Братья! Не слушайте тех больных людей, которые кричат «Бей жидов» и обещают разделить еврейское имущество, так как это ни в каком государстве не разрешают ни законы, ни ре-

---

[283] Христианский телеграф. 1933. 24 сентября.
[284] Христианская победа.1934. 5 октября.
[285] Христианская победа. 1930. 30 июля.
[286] Наше объединение/Unirea noastră. 1936. 31 мая.

лигия, ни людская совесть. При том евреи и государственные налоги платят». В статье «Еще по еврейскому вопросу», опубликованной в октябре 1935 года, он осудил тех, «кто кричит, что спасение румынского народа – в изгнании и уничтожении евреев». Против тех, кто «кричит, что спасение румынского народа в изгнании и уничтожении евреев», выступил И. Чекан и в статье «Еще по еврейскому вопросу», опубликованной в 1935 г.[287]. Это уже было дело.

В конце 20-х годов ход политических событий привел его к мысли учредить в Кишиневе, униженном и румынизируемом, «настоящую русскую газету» – «Свет».

Защитник русской речи

До конца жизни остался И. Чекан подвижником русской речи. На протяжении двух десятилетий он упорно учреждал печатные органы на гонимом, вытесняемом, запрещаемом румынскими властями русском языке. В октябре 1930 года, когда победившие на выборах в парламент Румынии национал-царанисты отменили в Бессарабии режим чрезвычайного положения, он выпустил пробный номер малоформатной газеты на русском языке «Свет». На собрание учредителей пригласил руководителей «Союза Бессарабского клира». На собрании было решено выпускать двуязычную газету «Раза» («Свет»), а Чекан утвержден редактором русского варианта. Добиться издания газеты от имени общественной организации священнослужителей – это был успех! Однако в дело вмешалась политическая полиция. Связанный с ней председатель «Союза» вскоре известил редактора о том, что выпуск газеты прекращается из-за отсутствия средств, и он уволен. Однако газета продолжала выходить. На недоуменный вопрос Чекана глава «Союза» цинично ответил: «Иногда и ложь хороша в утешение». Чекан также утешился, едва ли не кустарным образом выпустив на русском и румынском (скорее – все-таки на молдавском) языках несколько номеров газеты «Христианская победа», в которых довел эту некрасивую историю до сведения бессарабской общественности.

---

[287] Наше объединение. 1935. Октябрь.

Выпуск «Союзом» газеты «Раза-Свет» вскоре был прекращен. Это позволило И. Чекану вместе с другим священником, Иоанном Штюкэ, предпринять в 1931 году вторую попытку выпускать русско-молдавскую газету под тем же названием. Но на этот раз инициаторы столкнулись с более жестким отпором. Уже огласка намерения выпускать газету на русском языке вызвала яростные протесты румынских национал-радикалов, привычно обвинявших молдаван в антирумынизме и русофилии. «К нашему стыду, – возмущался на страницах бухарестского официоза «Универсул» учитель-румын Г. Обрежа-Яшь, – бессарабские священники, в большинстве молдаване, предприняли выпуск газеты на русском языке, [...] давая волю своему русизму. Смотреть, как они переходят к делу, выпуская на русском языке для молдавского народа газету «Свет» – этого допускать нельзя!»[288].

Молдаване были иного мнения. 17 священников-участников «Союза православных клириков Бессарабии» поддержали выпуск русско-молдавской газеты, выступив с открытым письмом в поддержку «Света». Первой стояла фамилия о. Александра Балтаги, во имя бессарабской солидарности переступившего через личную неприязнь к И. Чекану. Газета все же вышла. «Мы, – пытаясь объясниться с оппонентами доступными им аргументами, отвечал И. Чекан, – гордимся тем, что знаем русский язык почти так же, как румынский; гордимся, что, зная этот язык, мы сразу узнаем, чего хотят и что делают представители русского меньшинства в Бессарабии, также имеющие свою прессу; мы гордимся, что сможем на этом же языке отвечать на ошибки, заблуждения, измышления и нападки миноритарной прессы»[289]. Однако эти доводы не могли оказать воздействия на шовинистически настроенных румынских клириков. Против выпуска газеты на русском языке выступили церковные иерархи-румыны епископ Юстиниан, директор кишиневской семинарии, декан теологического факультета, шеф военных священников 3-го армейского корпуса. Согласился с ними и епископ Виссарион Пую[290]. Митрополит Гурий запретил выпуск газеты.

Среди священнослужителей И. Чекан стремился сохранить дух национально-культурной терпимости. В октябре 1931 года в Епархиаль-

---

[288] Universul. 1931. 9 ianuarie.
[289] Светъ (Raza). 1931. 1–7 februarie.
[290] Universul. 1931. 25 ianuarie.

ном зале Бессарабской митрополии он обратился к аудитории из 200 клириков и мирян с речью на русском языке. Но церковный клир в основном уже состоял из молодых людей, воспитанных румынской семинарией; власть Румынии в Бессарабии казалась им вечной, а постулаты государственной идеологии – не подлежащими критике. Большинство присутствующих покинуло помещение; некоторые из выступивших после И. Чекана ораторов потребовали репрессий против русских газет.

Традиция двуязычия и корректных межэтнических отношений оставалась в прошлом, церковь Бессарабии превращалась в учреждение румынского государства, инструмент румынизации населения. На съезде «Союза Бессарабского клира» в июле 1934 года вопрос о выпуске двуязычной церковной газеты, поднятый единомышленниками И.Чекана священниками молдаванином Павлом Гучужной и болгарином Стойчевым, не нашел поддержки. Стойчева, выступавшего «за то, чтобы газета выходила на румынском и русском языках, чтобы понимало все население», лишили слова; газету решили выпускать только на румынском.

Но вопрос о создании печатного органа, выходящего на русском языке, не был снят. В 1933–1935 годах неутомимый проповедник от случая к случаю выпускал газету «Объединение» и журнал «Наше Объединение». В начале 1934 года 67-летний И. Чекан собрал пожертвования на выпуск в Кишиневе «действительно русской газеты», намереваясь вновь назвать ее «Наше объединение». Поскольку русское название газеты румынские власти отказывались регистрировать, Чекан – как директор, и журналист Сергей Флореску – как редактор зарегистрировали ее перевод на румынский.

Газета «Наше объединение» находилась в сфере пристального внимания сигуранцы. 25 июня 1934 года румынская полиция конфисковала ее тираж за то, что русский вариант был редактором выпущен в обход цензуры. 6 октября сигуранца вновь донесла в Бухарест, что И. Чекан не исполняет распоряжения областного инспектора полиции, «продолжая печатать название города и улицы, где находится редакция, на миноритарном языке», т.е. на русском. Были приняты меры, призванные разорить Чекана, вынудившие его прекратить выпуск газеты. Однако в 1935 году И. Чекан опять возобновил издание газеты «Христианская победа». Некоторое время спустя удалось возобновить и выпуск «Нашего объединения».

На этих перипетиях общественной борьбы Иеремии Чекана в 30-е годы «дело», заведенное на него румынской политической полицией, заканчивается.

Конец жизни Иеремии Федотовича оказался неожиданным, но, учитывая дух эпохи, закономерным. После воссоединения Бессарабии с СССР/Россией давний «черносотенец», критик церковной политики большевиков и редактор «фашистской» газеты был арестован. За «контрреволюционную деятельность» приговором Кишиневского окружного суда от 13 марта 1941 года он согласно статьям 54-11 и 54-13 Уголовного Кодекса Украинской ССР был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Времена были суровые, приговоры приводились в исполнение незамедлительно. Однако у 74-летнего священника, видимо, и в ведомстве Лаврентия Берия нашлись влиятельные заступники. Чекана не расстреляли ни на следующий день, ни через месяц, ни через два. Но тут грянула война. Отстаивать право столь именитого «контрреволюционера» на жизнь стало смертельно опасно. 27 июня 1941 года, когда на Тирасполь пятый день падали бомбы, приговор был приведен в исполнение. 21 декабря 2001 года Высшей судебной палатой Республики Молдова И.Ф. Чекан реабилитирован.

* * *

О человеке можно судить по его словам. Слово – тоже дело. И. Чекану, как ни странно, при всех режимах удавалось обеспечить себе немалое пространство духовной свободы, и его высказывания дали основания для появления различных о нем суждений.

А если судить по делам, то следует признать: из материалов, собранных румынской политической полицией, складывается портрет человека сложного, энергичного и волевого, посвятившего жизнь служению Богу и общественному долгу. Иеремия Чекан был ярким представителем своего сословия, самобытным деятелем бурных времен, видным представителем народного православия и борцом Бессарабского сопротивления. Его взгляды и деятельность заслуживают дальнейшего изучения.

VI. ЦЕРКОВНОЕ ВОССОЕДИНЕНИЕ

28 июня 1940 г. в соответствии с договоренностью, достигнутой между Москвой и Бухарестом, румынские войска и администрация в 4-дневный срок покинули территорию Бессарабии. Воссоединение области с Россией/СССР положило конец аннексии Бессарабии, осуществленной Румынией в 1918 г. Тем самым был разрешен Бессарабский вопрос, составной частью которого являлось антиканоничное распространение в 1918 г. власти Румынского патриархата на Бессарабские епархии Русской православной церкви[291].

Большинство населения Бессарабии и Северной Буковины сохранило геополитическую ориентацию на Россию и приветствовало освобождение от иностранной оккупации. Поддержка народа позволила Временному Бессарабскому революционному комитету, сформированному коммунистическим подпольем, уже утром того дня взять в Бессарабии власть. Вступающим советским войскам жители сел и городов устроили восторженную встречу[292].

Положительно отнеслось к перемене власти и большинство клириков. Из более чем 2600 имевшихся в Бессарабии священников и монахов в июньские дни 1940 г. вместе с румынской администрацией уехали за Прут только группа церковных чиновников-румын, преподаватели и студенты Богословского факультета, а также епископ Ефрем Енэкеску [293].

Иного поведения от начальника оккупационного учреждения ожидать не следовало, но священники-молдаване сочли отъезд Ефрема в Румынию позорным бегством, «доказательством его малодушия, трусости и отсутствия пастырского сознания». Священники и монахи за епископом не последовали, что, отмечает Н.В. Стратулат, следует признать свидетельством их ориентации на Русскую церковь[294].

---

[291] Стратулат Н.В. Воссоединение Бессарабской епархии с Русской православной Церковью в 1940 году: духовенство, верующие и советское государство.

https://cyberleninka.ru/article/v/vossoedinenie-bessarabskoy-eparhii-s-russkoy-pravoslavnoy-tserkovyu.

[292] См. подробно: Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинев, 2014. С. 50–65.

[293] Ciorbă V., Op. cit. P. 77.

[294] Стратулат Н.В. Указ. соч.

В Азии и зарубежной Европе уже шла Вторая мировая война. Интересы подготовки населения Советского Союза к военным испытаниям требовали проведения на воссоединенных территориях церковной политики, более корректной, чем это было принято в СССР в 20-е – 30-е гг. В Москве вызревало понимание необходимости консолидации народа на идеологической основе, более широкой, чем учение о классовой борьбе, и изменение отношений государства и церкви. 11 ноября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отменило указание В.И. Ленина от 1 мая 1919 г. и соответствующие инструкции, «касающиеся преследования служителей православной Церкви и православноверующих». Были освобождены из лагерей около 13 тыс. священнослужителей, прекращены уголовные «дела» в отношении еще 11 тыс., пересматривались «дела» еще 50 тыс. заключенных. Антицерковные выходки в печати цензура начала пресекать[295].

Но антицерковная фракция в ВКП(б) сохраняла влияние, первые решения властей Молдавской ССР по вопросам политики в отношении Церкви выявили отсутствие у них определенных указаний из Москвы. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О национализации банков, промышленных и торговых предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Бессарабии» от 15 августа 1940 г.[296] церковные здания национализации не подлежали. 13 сентября 1940 г. было издано Постановление Совета народных комиссаров Молдавской ССР «Об изъятии метрических книг у духовенства всех вероисповеданий и религиозных сект» – согласно статье 124 Конституции СССР об отделении церкви от государства и школы от церкви, – «а равно в целях создания правильной работы органов записи актов гражданского состояния»[297]. 24 октября вышло Постановление СНК Молдавской ССР «О мероприятиях по восстановлению в Молдавской ССР действия советских законов о национализации лесов», согласно которому церковные и монастырские леса передавались в государственную собственность[298]. Церковные приходы и монастыри были обложены высокими налогами.

---

[295] Вдовин А. Русские в XX веке. Москва: Олма-Пресс, 2004. С. 138, 139.
[296] Государственные правовые акты Молдавской ССР (1924–1941). Кишинев, 1963. С. 144, 145.
[297] Там же. С. 97.
[298] Там же. С. 98.

Осенью 1940 г., якобы выполняя закон о национализации средств производства, местные власти упразднили монастыри в селах Фрумоаса, Суручены, Курки, Гержавка, а их строения передали наркомату здравоохранения для открытия санаториев[299]. Рецидивом антицерковной политики довоенного времени явилось закрытие женского монастыря Жабка в Резинском районе. Его насельницами были русские монахини, переселенные сюда в 1916 г. из монастыря Лесна Холмской епархии, оккупированной немецкими войсками в ходе первой мировой войны. По мнению церковного автора, советские власти пошли на эту меру потому, что игуменья Жабского монастыря Екатерина была родом из царской семьи Романовых. Имущество монастыря было конфисковано[300]. Но тотальная национализация церковной собственности не состоялась. К началу войны в Бессарабии продолжали действовать почти все 938 существующих церквей и 20 из 25 монастырей[301]. Были закрыты лишь некоторые церкви[302], вероятно, покинутые священниками[303]. Налоговая политика государства осложнила материальное положение священников и монашествующих, однако основ существования Церкви не подорвала.

Не достигла масштабов 30-х гг. и антирелигиозная пропаганда. Попытки функционеров КПМ активизировать ее ссылками на то обстоятельство, что «церковники и сектанты», якобы, ведут агитацию против социально-политических мероприятий «партии и правительства», не нашли поддержки в партийных верхах республики. Правда, 7 марта 1941 г. бюро ЦК КП(б) Молдавии приняло решение «Об антирелигиозной пропаганде и работе Союза воинствующих безбожников в Молдавии». Оно предусматривало издание атеистической литературы[304]. Но ни одной антицерковной брошюры не было издано.

---

[299] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 168.

[300] Максим Мелинти, иподиакон. Жабский женский монастырь. // Независимая Молдова. 2005. 9 июня.

[301] Подробнее см.: Шорников П. Церковная политика Румынии в Бессарабии (1941–1944) // Международная научная конференция «Сохранение культурного наследия в странах Европы». Chişinău, 2009. С. 276.

[302] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 27.

[303] Стратулат Н.В. Воссоединение Бессарабской епархии с Русской православной Церковью в 1940 г.: духовенство, верующие и Советское государство (http://kniga.seluk.ru/k-istoriya/3829-1-nv--stratulat-vossoedinenie-bessarabskoy-eparhii-russkoy-pravoslavnoy-cerkovyu-1940-g-duhovenstvo--veruyuschie-s.php).

[304] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 69, 101, 102.

Вопрос о восстановлении в Бессарабии церковных структур РПЦ местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием решался с большой осторожностью. Согласно каноническому праву, Бессарабская епархия и в 1918–1940 годах оставалась частью Русской православной церкви. Но антицерковные круги в руководстве ВКП(б), видимо, сознавали, что расширение юрисдикции Российской православной церкви за счет областей, где церковная жизнь сохранилась в легальных формах, укрепит ее позиции в СССР в целом. Решение вопроса о допустимости действий РПЦ в Бессарабии и, вероятно, в других воссоединенных с СССР областях, задерживалось[305].

Поскольку время шло, а восстановления церковной жизни не происходило, в решение этого вопроса вмешались адепты народного православия. Клирики Бессарабии понимали, что Русская церковь, в отличие от Румынской, не является государственной, и все же попытались ускорить принятие такого решения. В сентябре 1940 г. группа священников во главе с протоиереем Мисаилом Кирицей направила в адрес Московской патриархии телеграмму с просьбой прислать на Кишиневскую кафедру епископа[306]. Только после этого Московская патриархия направила в Бессарабию епископа Тульского Алексия (В.М. Сергеева) с целью изучения положения в Бессарабской церкви[307]. Как действовать далее патриархия еще не решила, миссия Алексия носила «неофициальный» характер. Алексий побывал в Кишиневе, Измаиле и Бельцах и возвратился в Москву[308]. В конечном счете в руководстве ВКП(б) возобладали соображения государственной целесообразности, и оно не стало чинить Русской церкви препятствий при восстановлении ее юрисдикции в Бессарабии. 3 декабря 1940 г. епископ Алексий был направлен в Бессарабию в качестве «управляющего православными общинами Кишиневской, Бельцкой, Измаильской и Черновицкой Епархий сроком на 6 месяцев»[309].

---

[305] Стратулат Н.В. Указ. соч. (http://kniga.seluk.ru/k-istoriya/3829-1-nv-stratulat-vossoedinenie--bessarabskoy-eparhii-russkoy-pravoslavnoy-cerkovyu-1940-g-duhovenstvo-veruyuschie-s.php).

[306] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 146.

[307] Ciorbă V., Op. cit. P. 82.

[308] Ibid.

[309] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 152.

К прибытию Алексия в Кишинев протоиерей Мисаил Кирица созвал по собственной инициативе съезд священников, который, по его предположению, должен был состояться под председательством нового иерарха. В нем приняли участие многие священники, дьяконы, певчие. Однако посланец Московской патриархии, знавший, что подобные собрания в СССР запрещены, на съезд не пришел. Собравшиеся обсудили создавшееся положение и разошлись[310].

В Кишиневе епископ Алексий сделал самое необходимое для нормализации церковной жизни епархии – удовлетворил просьбы клириков и верующих о переводе богослужебного календаря на старый стиль. Священника Владимира Полякова, одного из вождей движения старостильников в 30-е годы, он назначил настоятелем кишиневской Всехсвятской церкви на Армянском кладбище. Митрополит Сергий, – вероятно, по инициативе Алексия, – наградил о. Владимира митрой[311]. Получили церковные приходы также о. Мисаил Кирица, его сын Василий, о. Николай (Климович), другие защитники церковной традиции.

Добившись доверия клира и верующих, Алексий получил от части бессарабских священников личные заявления о приеме их приходов в каноническое подчинение и подсудность Русской церкви. Заявления были даны добровольно, по причине отказа сделать этот шаг ни один священник не пострадал. Но само предложение епископа свидетельствовало о неуверенности патриархии в политической корректности порядка возвращения Бессарабских епархий в лоно РПЦ. Впрочем, авторитета Алексия во мнении бессарабских священнослужителей этот поступок не подорвал. «Во главе бес[сарабского] духовенства, – заключил участник событий архимандрит-молдаванин Варлаам (Кирица), – появилась сильная воля и светлый ум. […]еп[ископ] Алексий в очень короткий срок учредил епархиальное управление, назначил благочинных из достойнейших и вообще всерьез приступил к управлению бесс[арабской] церковью, сея в сердцах уверенность в завтрашний день; подкупая всех своей простотой и своими манерами, он сумел заставить уважать его епископский сан и исполнять приказания владычны. С приездом еп [ископа] Алексия бессарабская церковь входит в те по-

---

[310] Ciorbă V., Op. cit. P. 80.

[311] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С.112.

койные берега, откуда вышибли ее исторические обстоятельства после ухода архиепископа Анастасия (1918 г.). Кишиневские жители искренне полюбили и привязались к еп[ископу] Алексию. При его вдохновенной службе кафедральный собор был переполнен молящимися»[312]. 12 мая 1941 г. епископ Алексий был утвержден на Кишиневской кафедре с присвоением ему титула Архиепископа Кишиневского и Бессарабского[313].

Хотя церковное воссоединение состоялось при поддержке духовенства и верующих, Румынский патриархат новых реалий не признал, и межцерковный конфликт, созданный в 1918 г. аннексией приходов Бессарабской епархии Русской православной церкви церковью Румынской, урегулирован не был. Однако позиция патриарха Тихона, не признавшего действия румынской церкви каноничными[314], и в 1940–1941 гг. определяла позицию Русской церкви. Как показало время, руководство Русской церкви не простило Румынскому патриархату не только поступки, не оправдываемые церковными канонами, а именно: административное давление на «Русскую православную епархию в незаконно отторженной от России Бессарабии», но и отказ от богослужения по старому стилю, уничтожение богослужебных книг, составленных на церковнославянском языке, вывоз из бессарабских приходов церковной утвари и облачений, гонения на русских священнослужителей, «лишенных в свое время приходов и свободы религиозной деятельности за верность русской

Архиепископ Алексий (Сергеев). 1941 г.

[312] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С.146, 147.
[313] Там же. С.152.
[314] Там же. С.146, 147.

юрисдикции или отказ подчиниться реформам, вводившимся Румынской патриархией»[315].

Весной 1941 г. отношения государства и церкви были отмечены подвижкой к нормализации. Хотя функционеры еще позволяли себе выходки, оскорбительные для священнослужителей и верующих, руководство КП(б) Молдавии занимало все более умеренную позицию. 19 апреля бюро ЦК КП(б) Молдавии отменило как «неправильное и политически вредное» решение Кишиневского уездного комитета КП(б)М о закрытии Каприянского (Киприановского) монастыря. Прокурору МССР Бондарчуку бюро поручило провести расследование хищений монастырской собственности, допущенных при закрытии монастыря, а виновных привлечь к ответственности. Секретарей уездных, городских и районных комитетов партии бюро обязало «обсудить настоящее постановление»[316], т.е. строить свои отношения с Церковью на правовой основе.

Взвешенной оказалась реакция властей на протесты верующих по поводу описи церковного имущества. В селе Раковец крестьяне, встревоженные этой процедурой, по призыву священника Батковского прекратили полевые работы[317]. Местная администрация попыталась квалифицировать протесты верующих как «антисоветские» выступления. Но уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Молдавии С.А. Гоглидзе, озабоченный политическим ущербом, нанесенным советской власти действиями атеистов, обратился к первому секретарю ЦК КП(б)М П.Г. Бородину с письмом, в котором указал на ошибки, допущенные при проведении описи церковного имущества, повлекшие за собой волнения в селе Раковец. Представитель центра распорядился «предупредить все районы и уезды о необходимости строго продуманного и тактичного подхода к населению при проведении описи церковного имущества». 20 мая П.Г. Бородин, перечислив факты оскорбительного обращения с чувствами верующих, потребовал от секретарей укомов, горкомов и райкомов партии «привлекать к ответственности лиц, допускающих администрирование и нарушение законов советской власти в

---

[315] Там же. С. 67, 68.
[316] Там же. С. 103.
[317] Там же. С. 66, 67,

вопросах закрытия молитвенных домов, описи имущества в молитвенных домах»[318].

Указания не были вполне поняты функционерами, чье сознание формировалось в годы «революционных» гонений на Церковь. 7 июня 1941 г. секретарь ЦК КП(б) Молдавии М.М. Бессонов был вынужден вновь призвать партийные организации «повести решительную борьбу с подобного рода явлениями, привлекая к ответственности в партийном и советском порядке всех тех, кто оскорбляет религиозные чувства трудящихся»[319].

Накануне германо-румынского вторжения в СССР сталинским руководством было принято решение о выселении из приграничной полосы политически сомнительных лиц. Однако как социальная группа, подлежащая выселению, священнослужители Бессарабии в планах НКВД не значились. Среди 4507 глав семей арестованных 15 июня 1941 г., не оказалось ни одного священника или монаха[320].

Правда, к этому времени более 20 священников (из 1000 имевшихся в Бессарабии) были арестованы за антисоветскую политическую деятельность в прошлом. В их числе оказались бывший член «Сфатул цэрий» Александр Балтага, в 1918 г. голосовавший за присоединение Бессарабии к Румынии, Иеремия Чекан, дореволюционный публицист-«черносотенец», а в 20-е – 30-е гг. – активист легионерского движения, редактор газеты «Христианский телеграф». Должностные лица НКГБ МССР, принимавшие решение об их аресте, не оценили того обстоятельства, что оба священника являлись также деятелями Бессарабского освободительного движения. Священник Николай Чобану был осужден якобы за то, что поставил свою подпись под телеграммой, направленной группой лиц в консульство Румынии в Москве с просьбой ускорить их «репатриацию» в Румынию[321]. Член Национал-царанист-

---

[318] Там же. С. 105.

[319] Там же. С. 106, 107.

[320] См.: Пасат В. Суровая правда истории: Депортации с территории Молдавской ССР. 40-е гг. Кишинэу: «Моментул», 1998; Pasat V. Calvarul: Documentarul deportărilor de pe teritoriul RSS Moldoveneşti 1940–1950 / ROSSPEN. 2006. Пасат В. Суровая правда истории. С. 92.

[321] Подробнее см: Шорников П. Иеремия Чекан, священник и общественный деятель // Русское поле. Литературно-художественный и публицистический журнал Ассоциации русских писателей Республики Молдова. 2010. № 1. С. 142–153; Colesnic Iu. Basarabia necunoscută. Vol.6. Chişinău: Museum, 2005. P. 207.

ской партии, имевший высшее богословское образование, активист легионерского движения Г. Тудораке и, как отмечено, И. Чекан, с началом войны были расстреляны[322], а 80-летний А. Балтага в августе 1941 г. умер в тюремной больнице в Казани.

22 июня 1941 г. вместе с германской армией в пределы Советского Союза вторглись войска Румынии. Русская православная церковь с первых часов Великой Отечественной войны заняла патриотическую позицию. Уже в 10 часов утра 22 июня 1941 г., до выступления по радио главы правительства В.М. Молотова, патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский) обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Войну, начатую Гитлером, глава Русской церкви определил как попытку поставить русский народ на колени. От имени Церкви он благословил защитников Отечества «небесным благословением на предстоящий всенародный подвиг». Обращаясь к священнослужителям, митрополит подчеркнул единство Церкви с народом: «Положим же души своя вместе с нашей паствой….»[323]. Архиепископ Алексий, огласив послание митрополита Сергия в кишиневском Кафедральном соборе, также обратился к православным Молдавии с патриотическим воззванием[324].

Священники были недовольны церковной политикой советской власти, но им приходилось считаться с позицией не только властей, но и паствы, настроенной патриотически. В селе Малые Милешты на митинге, созванном народным судьей С.Г. Фокшей, крестьяне обвинили местного священника в ведении антисоветской пропаганды[325]. В селе Секарены бойцы истребительного батальона задержали священника, заподозренного в подаче сигналов самолетам противника[326]. Неблагоприятное для СССР начало войны вынуждало опасаться за свою судьбу священников-патриотов. Понимая это, Алексий не принуждал

---

[322] Petrencu A. Basarabia în timpul celui de al doilea război mondial (1939–1945). P. 39.

[323] Русская православная церковь в советское время (1917–1991) Материлы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. Москва, 1995. С. 46, 47.

[324] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 738

[325] Мисочник А. По дорогам фронтовым… С. 51.

[326] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне… Т. 2. С. 153.

их молиться за победу Красной армии. Однако помогать Румынии и Германии священнослужители не желали и о «политике» старались не высказываться.

Архиепископ оставался на своем пастырском посту до последней возможности. «И даже в плохое время июня 1941 года, когда фашистские звери выбивали из родных гнезд русских людей, – отметил участник событий архимандрит Варлаам (Кирица), – еп[ископ] Алексий, не выказывая ни малейшего страха, продолжал служить [в Кишиневском кафедральном соборе], доказывая свое мужество и веру в победу русских, родных воинов. Патриот до мозга костей, он призывал народ на непримиримую борьбу с врагом славян»[327].

Патриотическая позиция православной Церкви соответствовала воззрениям народа и способствовала успеху мобилизации военнообязанных в Красную армию. Информация газеты «Молдова сочиалистэ» о том, что «трудящиеся тысячами идут в Красную Армию как к дорогому другу, давно знакомому, от которого не можешь быть вдали, когда он нуждается в тебе»[328], имела основания. Мобилизация была проведена успешно. Три молдавских села, правда, находящихся на левобережье Днестра, – Коротное, Глиное и Чобручи, – жителей которых священник о. Иануарий (Фиалковский) называл народом богобоязненным, религиозным, любящим свою церковь[329], дали Красной армии более тысячи бойцов[330].

Поступая согласно представлениям народного православия, архиепископ Алексий оставался на своем посту до последней возможности. Согласно легенде, исходящей из румынских источников, накануне отвода советских войск из Кишинева перед домом архиепископа остановилась машина, в которую его пригласили сесть и увезли. Оккупанты распространили слух, что он арестован «энкаведистами»[331].

Популярность Алексия среди верующих оказалась столь велика, что возвратившемуся на бессарабскую кафедру румынскому архиерею

---

[327] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 147.

[328] Молдова сочиалистэ. 1941. 26 юние.

[329] Содоль В.А. К вопросу о взаимоотношениях советского государства и Русской Православной Церкви в Молдавской ССР в первые послевоенные годы (По материалам Национального архива Республики Молдова). // Покровские чтения. Кн. 8. Тирасполь, 2006. С. 45.

[330] История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. I. С. 205.

[331] Ciorbă V. Op. cit. P. 82.

Ефрему Енэкеску этого слуха показалось мало, и он счел нужным распространять другой: о том, что русский архиепископ убит. В действительности Алексий возглавил в 1942 г. Уфимскую епархию Русской церкви[332].

Возвращение Бессарабских епархий под юрисдикцию Российской православной церкви состоялось в порядке, соотвествующем церковным канонам. Духовенство и верующие приветствовали церковное воссоединение, а разрешение богослужения по старому стилю стало для них актом духовного освобождения. Несмотря на рецидивы государственного атеизма, допущенные молдавскими коммунистами, церковная политика, проводимая в Бессарабии накануне войны, оказалась достаточно сбалансированной.

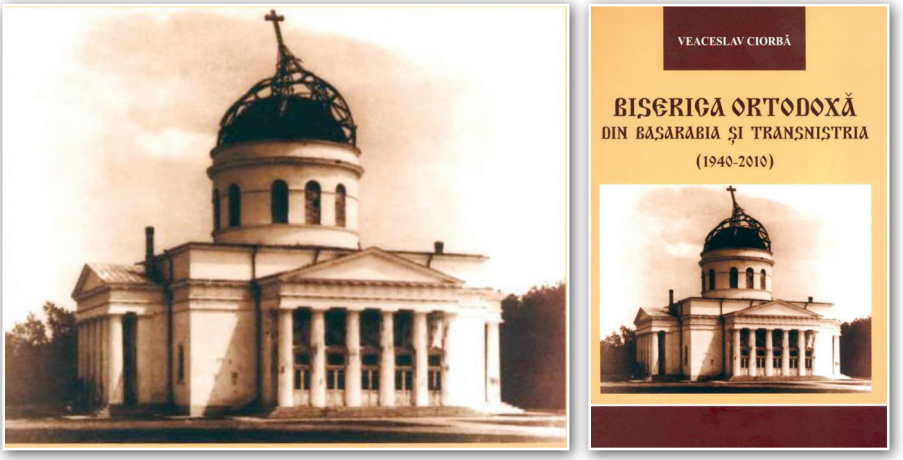
В начале Великой Отечественной войны священство Кишиневской и Молдавской епархии заняло выжидательную позицию. Однако руководство епархии способствовало мобилизации народа на защиту Родины.

[332] Ibid.

VII. ЦЕРКОВЬ В ГУБЕРНАТОРСТВЕ «БЕССАРАБИЯ»: ОККУПАЦИОННАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

К концу июля 1941 г. немецко-румынские войска вышли к Днестру. На территории между Прутом и Днестром было образовано губернаторство «Бессарабия». 19 августа в бессарабском городе Бендеры было подписано немецко-румынское соглашение об установлении румынской администрации в Буго-Днестровском междуречье, названном «Губернаторство Транснистрия» («Заднестровье»).

Для характеристики условий, в которых оказалась Церковь, отметим следующее. Население Молдавии и юго-запада Украины стало



Пример фальсификации истории: снимок Кишиневского кафедрального собора с куполом, поврежденным снарядом румынской артиллерии, поместил на обложку своей книги автор-румынист. Кто виноват? Большевики?

объектом политики геноцида, эксплуатации и румынизации. В течение первого года оккупации более 100 тыс. евреев и 8,4 тыс. цыган Бессарабии были заключены в концлагеря и большей частью уничтожены. По политическим мотивам были расстреляны более 1 тыс. советских служащих, членов местных Советов, учителей. 18 359 жителей Бессарабии были арестованы, 14 579 чел объявлены «коммунистами», а

6285 чел. – просто «подозрительными». Были выявлены и взяты под надзор полиции 12 402 солдата, покинувших румынскую армию в июне 1940 г.[333] Общее число жителей Молдавии, подвернутых в годы оккупации пыткам и истязаниям, превысило 207 тыс. чел.[334], что составляло 10 процентов населения. Вместе с тем в целях воздействия на паству оккупанты использовали и церковные структуры.

Обстрелы и пожертвования

В ходе военных действий в июне-июле 1941 г. немецкой авиацией был разрушен собор в Сороках, повреждены церкви в пригородах Бужоровка и Застынка[335], десятки церквей в других городах и селах; румынский снаряд попал в купол кишиневского Кафедрального собора. Но правительство Румынии, намеренное превратить Бессарабскую епархию в инструмент своей политики, пришло ей на помощь. Ремонт 287 церквей был выполнен с использованием неоплачиваемого труда населения[336]. Пропагандистским символом этой политики стал ремонт Кишиневского кафедрального собора, поврежденного при обстреле города немецкой и румынской артиллерией 16 июля 1941 г. К лету 1943 г. в Бессарабии действовала 941 церковь; строились еще 92 церкви[337].

Располагая почти тысячью приходов и земельными угодьями, Бессарабская церковь была экономически состоятельна. Каждый монастырь представлял собой многоотраслевое хозяйство. При монастырях Каприяна, Кондрица, Гербовец, Фрумоаса, Добрица (с. Котюжаны Сорокского уезда), Жабка (с. Сенатовка) и Курки (с. Ватич Оргеевского

---

[333] Подробно см.: Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев. 1981; его же. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску. Кишинев. Штиинца. 1983; Шорников П.М. Цена войны. Кишинев, 1994. С. 44, 95; его же. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 271–273.

[334] НА РМ. Ф. 1026. Оп.1. Д. 322. Лл. 15, 83. Подробно см.: Шорников П.М. Цена войны. Кишинев, 1994. С. 30–35, 43–48, 92–95.

[335] Национальный архив Республики Молдова. (Далее: НА РМ). Ф. 2071. Оп. 1. Д. 408. Л. 1 об.

[336] Там же. Ф. 706. Оп.1. Д. 520. Л. 280.

[337] Там же. Д. 517. Л. 53.

уезда) работали мельницы[338]. Тем не менее, церковь финансировалась также государством. В 1941–1942 гг. на ремонт 170 объектов, – церквей, монастырей, домов священников, – губернаторство Бессарабии выделило 43,6 млн. леев. На 1943 г. на эти же цели были выделены 26 млн. леев. На закупку риз и других церковных одеяний, а также богослужебных книг митрополия получила за тот же период 14 млн. леев[339]. Губернаторство предоставило митрополии строительные материалы на сумму в 5 миллионов леев и – специально на нужды пропаганды, – еще 6 млн. С согласия оккупационной администрации церковь постоянно проводила сбор пожертвований. В 1941–1943 гг. Бессарабской митрополии принадлежали также три свечных завода; в каждой епархии – их имелось три – были учреждены типографии, деревоотделочные «фабрики» и мастерские по изготовлению церковных принадлежностей[340]. Условия труда, установленные на этих предприятиях, порождали протесты работников[341]. И, наконец, в апреле 1942 г. И. Антонеску распорядился передать священникам часть имущества уничтоженных евреев[342].

Принятие подобных даров компрометировало служителей церкви в глазах паствы. Более года спустя священник В. Цепордей попытался оправдать молчание церковных иерархов по поводу геноцида, выступая с позиций румынского шовинизма. «Жиды никогда не любили нас, – развязно рассуждал он по случаю второй годовщины начала войны, – все румынское было ненавидимо сынами Израиля. Это правда, что они ненавидят все, кроме иудейской расы. Потому что в основе Талмуда – ненависть и месть. Но большей ненависти, чем к нам, румынам, они не питали ни к кому. Иногда даже большую, чем к гитлеровским немцам…»[343]. Но могли ли подобные рассуждения оправдать в глазах верующих присвоение священниками собственности погибших?

Задачи, поставленные Бухарестом перед Бессарабской митрополией, были многообразны. Прежде всего церковную организацию над-

---

[338] Там же. Д. 810. Лл. 45, 46, 48, 59.

[339] Petrencu A. Basarabia in al doilea razboi mondial. 1940–1944. Chisinau, 1997. P. 157, 158.

[340] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 483. Л. 792.

[341] В июне 1942 г. работницы Бельцкой Епархиальной типографии, угрожая забастовкой, вынудили епископию повысить им заработную плату. (Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4480. Л. 111).

[342] НА РМ. Ф. 339. Д. 2663. Л. 3.

[343] Raza. 1943. 13 iulie.

лежало задействовать в интересах пропагандистского обеспечения оккупационной политики. «В церкви, – заявил в апреле 1942 г. на административном совещании в Бельцах И. Антонеску, – правительство видит, прежде всего, орган национальной пропаганды»[344]. Это означало намерение привлечь клир к проведению политики румынизации населения. Задачу властей в сфере идеологии румынский публицист Сабин Попеску-Лупу разъяснил именно так: «Сформировать национальное сознание всего молдавского народа Бессарабии [...] и его следует научить мыслить по-румынски»[345].

Стремясь представить населению оккупированных территорий захватническую войну как поход во имя христианской веры, оккупанты противопоставляли православие российскому патриотизму. Их логическая схема была проста: отождествляя русских с «большевиками», настроить молдаван и даже украинцев и русских не только против «большевиков», но и против России. Решение этой задачи возлагалось на прессу, школу, администрацию, Церковь.

Скрытая депортация бессарабских священников

Первой мерой румынских церковных властей в Бессарабии стала румынизация самого клира.

Во главе Бессарабского митрополичьего округа был вновь поставлен Ефрем Енэкеску, возведенный в сан епископа Тигины. В Бессарабии помнили, что он «в монастырях протежировал и выдвигал отъявленных негодяев»[346]. Духовного влияния на паству этот церковный чиновник оказывать не мог. Его повторное назначение свидетельствовало о безразличии Бухареста к мнению верующих оккупированной области. Бессарабским духовенством он был принят адекватно его дей-

---

[344] Там же. Л. 5об

[345] Basarabia. 1942. 19 martie

[346] Православие в Молдавии. Власть, церковь, верующие. 1940–1953. Том.1. Отв. ред., сост. и автор предисловия В. Пасат. Москва, РОССПЭН. 2009. С 145, 146.

ствительной функции – как представителя иностранной власти: внешне покорно, но холодно. В Хотин возвратился военный епископ Партений Чопрон, а Аккерманско-Измаильскую епархию вновь возглавил бывший епископ румын Америки Поликарп Морушка[347].

Как уже отмечено, из 1042 священников, служивших в Бессарабии, 28 июня 1940 г. лишь несколько десятков уехали в Румынию, продемонстрировав тем самым лояльность Румынскому государству. В год Советской власти численность священников, – главным образом вследствие смены рода занятий, – сократилась незначительно. В июле 1941 г., в момент вступления немецко-румынских войск, в Бессарабии оставались 990 священников. Формально румынские власти политически не доверяли им как функционерам Румынского государства, «оставшимся при Советах». В действительности они были нежелательны как «нерумыны», лица, не разделяющие румынский национально-государственный проект[348]. Но увольнение массы священнослужителей вряд ли было возможно пропагандистски обосновать их приверженностью «большевизму».

Ефрем Енэкеску

Решение подсказали текущие нужды правительства Антонеску. 250 бессарабских священников-молдаван, знающих церковнославянский язык, а также 50 иеромонахов и 15 певчих были направлены в составе румынской церковной миссии за Днестр. Их «освободившиеся» прихо-

---

[347] Ciorbă V. Istoria Bisericii Ortodoxe din Basarabia şi Transnistria. 3. 269.

[348] Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 266–294.

ды заняли священнослужители-румыны. Хотя Ефрем Енэкеску местных клириков рукополагал во священники неохотно, пополняя их ряды выходцами из «Регата», к лету 1943 г. число священников возросло в Бессарабии до 1196 чел.[349] Румыны составили более трети священства[350], решающий шаг к румынизации клира был сделан.

Прибывая в Бессарабию без семей, оставаясь чуждыми местной общественной среде, румынские священники вели себя столь же разнузданно, как гражданские функционеры оккупационной администрации. Среди 138 служащих, судимых Тигинским (Бендерским) уездным трибуналом в июле-октябре 1942 г. за совершение уголовных преступлений, – кражи, обман, а также «злоупотребление властью»: избиения, изнасилования, вымогание взяток и ограбления, – оказалось немало священнослужителей[351]. Никто из «командированных» из-за Прута священников не оставил о себе в Бессарабии доброй памяти.

Орган политической пропаганды

Этническая чистка не затронула монашествующих. С началом войны число их не увеличилось. Если в 1940 г. в монастыри Молдавии поступили 33 чел., то в 1941 – 27, в 1942 – 39, в 1943 – 45, в 1944 – 50 чел. По национальности почти все монахи были молдаване; русских, украинцев, гагаузов, болгар среди них были единицы. Почти все монахи были выходцами из крестьян. В женских монастырях монашествующих было вдвое больше, чем в мужских. Образовательный уровень монашествующих был низок. По данным 1948 г., с высшим светским образованием имелся только один монах, со средним духовным – один; со средним светским – 7, с низшим и малограмотных было 1400, и совершенно неграмотных – 233 человека. Исходя из этих данных, уполномоченный по делам Русской православной церкви в Молдавии

---

[349] Petrencu A. Op.cit. P. 157, 308.

[350] Это подтверждают и другие данные. Из 85 священников, служивших к началу 1944 г. в Кагульском уезде, 32 являлись уроженцами «остальной страны», т.е. Румынии, 49 – «бессарабскими румынами», т.е. молдаванами, и только 4 принадлежали к национальным меньшинствам (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 210. Л. 75).

[351] Там же. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 50. Лл. 306–308.

П.Г. Роменский характеризовал монахов как культурно отсталых и религиозно фанатичных людей[352]. Они были наслышаны о гонениях на Церковь в России, и «большевиков» не любили. Но монахи, как и большинство крестьян, желали победы в войне России, а не Германии и Румынии. Использовать их в качестве пропагандистов румынизма, как показало время, румынские власти не смогли.

Однако священников оккупантам в основном удалось поставить себе на службу. Священники преподавали в школах закон Божий, а церковные певчие – пение. В обязательном порядке включали священников в состав «комитетов», обеспечивающих функционирование в селах пропагандистских «Очагов культуры». Общее число «очагов» уже в апреле 1942 г. было доведено в Бессарабии до 607[353], что почти вдвое превысило число этих учреждений в 30-х годах. Деятельность учреждений национальной пропаганды, доложил в августе 1943 г. губернатор О. Ставрат, на 80 процентов обеспечивается клириками[354]. «Национальная пропаганда, – подтверждали префекты уездов, – ведется при посредстве Очагов культуры и школьных празднеств священниками, учителями, административными органами и другими сельскими интеллигентами»[355].

Располагая финансовыми средствами, митрополия Бессарабии развернула издательскую деятельность. Каждая епископия выпускала официальный бюллетень, в Кишиневе выходили журналы «Луминэторул» и «Мисионарул», в Бельцах – «Бисерика Басарабянэ», а в Измаиле – «Кувынтул Адевэрулуй». Поскольку священники общались со взрослыми, в плане идеологического воздействия на население Церковь была более важным для властей инструментом, чем школа.

Первоочередной задачей духовенства являлось освящение власти Румынии над Бессарабией. Прибыв в июле 1941 г. в Кишинев, И. Антонеску посетил Чуфлинскую церковь. В дальнейшем в богослужениях участвовали губернатор Бессарабии генерал Константин Войкулеску, функционеры румынской администрации. 7 сентября 1941 г. духовенство сыграло главную роль в пропагандистской постановке

---

[352] Пасат В. Указ. соч. С. 340.
[353] Petrencu A. România si Basarabia in al doilea razboi mondial. Chisinau: Epigraf, 1999. P. 133.
[354] НА РМ. Ф. 706. Оп.1. Д. 517. Л. 52.
[355] Там же. Ф. 1894. Оп.1. Д. 113. Л. 778.

оккупационных властей – перезахоронении на Армянском кладбище Кишинева останков 75 лиц, по политическим мотивам расстрелянных в предвоенный год. Политический эффект этих мероприятий оказался сомнительным. В связи с богослужением в Чуфлинской церкви, сообщала полиция, население обсуждало не само это событие, а избиение румынским офицером солдата, мимо которого, перебежав «правителю» дорогу, проскочила бродячая собака. Присутствующие при перезахоронении отмечали, что богослужение провел не местный священник, а митрополит Трансильвании Н. Бэлан, а жертвы большевиков погребены в 13 могилах.

В духе народного православия население и местные клирики расценили церемонию как политический фарс. Могилы были забыты. «Среди десятков тысяч интеллигентов, спасенных от большевистского рабства, – возмущался в 1943 г. румынский публицист С. М. Ника, – не нашлось ни одного, кто вспомнил бы о павших за румынский род… Среди сотен барышень, спасенных от похотливых рук советских лейтенантов, не нашлось ни одной, которая зажгла бы лампаду на этих безымянных могилах. Среди сотен священников, учителей, преподавателей и других образованных людей, не нашлось ни одного, кто призвал бы вспомнить наших мучеников»[356].

17 октября Ефрем Енэкеску провел в Кишиневском кафедральном соборе благодарственный молебен по случаю захвата Одессы немецкими и румынскими войсками. Присутствовали губернатор и руководители служб губернаторства, чиновники, военные, горожане. Примар города отставной полковник румынской армии католик Аннибал Добжанский выступил с речью. Во время военного парада архиерей стоял на трибуне рядом с губернатором и немецкими офицерами[357].

Подобным образом проводились богослужения также по поводу захвата Севастополя, дней рождения Антонеску, Гитлера и Муссолини, первой и второй годовщин начала войны против России. 27 марта 1943 г. по случаю 25-летия аннексии Бессарабии Румынией на богослужении в Кишиневском кафедральном соборе присутствовал сам «правитель»[358].

---

[356] Raza. 1943. 6–13 iunie.
[357] НАРМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 4233. Л. 611.
[358] Basarabia. 1942. 3 octombrie; 1944. 28 ianuarie.

Церковь активно участвовала в принудительном сборе у населения «пожертвований» на нужды румынской армии: одежды, белья, шкурок, шерсти, продуктов питания, денег. Нашлись среди священников и активные румынизаторы. В июне 1943 г. священник села Буруяны Хотинского уезда (Буковина) Василе Мафтей опубликовал собственную программу румынизации местных русинов, отдающих предпочтение даже не родной «русской мове», а литературному русскому языку. Расходясь во взглядах с самим «правителем», он выступил даже против использования в богослужении церковно-славянского языка: «Главное звено румынизации – школа. Но какая от нее польза, если изгнанный из примарии и школы иностранный язык найдет прибежище в Церкви?». Преимущество Церкви в осуществлении языковой румынизации В. Мафтей усматривал в том, что использование румынского языка в богослужении не может вызвать недовольства даже в селе, населенном «самыми фанатичными украинцами»[359].

Румынские власти привлекли Церковь также к осуществлению политического надзора. При Управлении пропаганды губернаторства Бессарабия была учреждена «Секретная служба миссионеров». От методов работы сигуранцы методы этой службы отличались тем, что она не производила арестов и наблюдала не только за крестьянами, рабочими, торговцами и интеллигенцией, но и за румынскими функционерами оккупационного аппарата[360]. Некоторые священники направляли руководителям администрации оценочные материалы о морально-политическом состоянии населения, а порой и доносы на служащих, позволяющих себе, в нарушение распоряжений губернаторства, разговаривать на службе по-русски. В 1943 г. по записям в церковных книгах румынской полицией, – разумеется, с ведома священнослужителей, – был предпринят розыск крещеных евреев[361].

Для священников Бессарабии служение Богу все больше превращалось в службу румынскому государству, его армии, полиции, чиновникам. А уважения к оккупантам в бессарабском обществе не существовало. К первой годовщине войны командование оккупационных войск в Бессарабии было вынуждено издать приказ, в котором были пред-

---

[359] Cetatea Hotinului. 1943. 6 iunie.
[360] НА РМ. Ф. 706. Оп.1. Д. 10. Л. 112.
[361] Raza. 1943. 27 februarie.

усмотрены наказания за выражение презрения к румынской армии и ее офицерскому корпусу[362]. На «пренебрежительное» отношение молдавских крестьян к себе жаловались румынские функционеры[363]. Часть населения, отмечала контрразведка ССИ, считает Румынию «своего рода протекторатом Германии»; на злоупотребления румын жители жаловались немцам. В Румынии также существовало опасение, что страна обречена стать немецким доминионом[364]. Вопрос о том, кому все-таки служить – Богу или иностранной власти, в какой степени выполнять предписания этой власти, идущие вразрез с традиционной у молдаван восточной геополитической ориентацией, – должен был стоять перед каждым священнослужителем.

Учитывая необходимость политической «нейтрализации» верующих русских, болгар, украинцев, гагаузов и других меньшинств, 20 сентября 1941 г. губернаторство Бессарабии распорядилось проводить богослужение в церквах приходов с миноритарным населением на языке национального меньшинства, «с соблюдением закона о меньшинствах». В селах со славянским населением было разрешено часть религиозной службы проводить на старославянском языке[365]. На деле русский язык в богослужение допущен не был. Но «неофициально» им все же пользовались некоторые священники – молдаване и русские.

Гонения на стилистов

Сторонники богослужения по старому стилю были загнаны в подполье. Протоиерей Владимир Поляков был отстранен от служения в кишиневском Всехсвятском храме[366]. В августе 1941 г. в Бельцы возвратился из Румынии о. Николай Климович, в 30-е гг. преследуемый за пропаганду стилизма[367]. Он был вновь взят под надзор полиции, а затем

---

[362] Basarabia. 1942. 22 iunie.

[363] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. док. и материалов. В 2-х т. Т. 2. Кишинев: Штиинца, 1976. С. 258, 262.

[364] См.: История Бессарабии. Изд. 2-е. Коорд.: И. Скурту. Кишинэу, 2001. С. 235.

[365] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 52. Л. 21.

[366] Флоринский Н. Памяти архиепископа Венедикта (Полякова). Кишинев, 2001. С. 10.

[367] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 66. Л. 51.

заключен в концлагерь Новые Онешты[368]. Других деятелей движения в защиту богослужения по старому стилю, выдвинувшихся в 20-е – 30-е гг., в Бессарабии уже не осталось. Однако сторонники богослужения по Юлианскому календарю и противники языковых гонений в Бессарабской церкви еще имелись. «Стилистам, – уже в декабре 1941 г. отметил шеф полиции Бессарабии, – потакают некоторые священники»[369].

В апреле 1942 г. губернаторство Бессарабии выразило тревогу в связи с тем обстоятельством, что «в уездах с миноритарным населением румынский язык заменяется русским языком как в церквах, так и в государственном и частном управлении. 15 апреля губернаторство в очередной раз[370] запретило использование русского языка «в отношениях с властями», т.е. в официальном общении. Из этого распоряжения епископии заключили, что запрещено использование русского языка также в церкви[371]. На этом функционирование русского языка в богослужении официально было прекращено, но фактически в той или иной форме продолжалось. Протоиерей Владимир Поляков подпольно совершал требы в Кишиневе по домам, а богослужения на русском языке – на даче по Костюженскому шоссе, №45, где была оборудована домовая церковь[372]. На русском языке проповедовали священники-старообрядцы. Нарушая распоряжения румынских властей, по-русски разговаривали с верующими и многие священники-молдаване.

Политика подчинения верующих бессарабцев патриархии Румынии проводилась под лозунгами борьбы с сектантством. Это противоречило принятому в Румынии в апреле 1928 г. Закону о религиозных культах, давшему свободу действий баптистам, евангелистам, адвентистам[373]. Но диктатура не желала терпеть существования даже рели-

---

[368] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4233. Л. 444.

[369] Там же. Д. 4234. Л .273.

[370] Подробнее об условиях функционирования русского языка в Молдавии в период немецко-румынской оккупации 1941–1944 гг. см.: Шорников П.М. Сопротивление политике запрета русского языка в годы фашистской оккупации Молдавии (1941–1944 гг.) // История СССР. 1991. № 5. С.166–170; его же. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 289–291; его же. Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинев, 2014. С. 209–212.

[371] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 52. Л. 21.

[372] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 113.

[373] Подробнее см.: Павлова О.А. Эволюция религиозного сектантства в Молдавии // Покровские чтения. Кн. 7. Бендеры, 2005. С.34–37; Лагутин А.О. Деструктивизм «Церкви Свидетелей Иеговы» – угроза Православной Церкви и государству // Покровские чтения. Кн. 9. Тирасполь, 2007. С. 31–40.

гиозной оппозиции. В сектантстве И. Антонеску усматривал путь «от религиозного и общественного бунта к бунту политическому». Целью сектантства, полагал он, является «подрыв основ государства и создание анархии»[374]. К числу религиозных сект румынские власти относили также молдаван-сторонников богослужения по Юлианскому календарю, и русских старообрядцев-липован. Присутствовал в борьбе с инаковерием и шовинистический мотив. В 20-е – 30-е гг. большинство сект, отмечено в «Бюллетене контринформации» румынской контрразведки ССИ за май 1942 г., возникло в селах с миноритарным (т.е. «меньшинственным»-П.Ш.) населением – среди русинов, украинцев, болгар, немцев и т.д.»[375]. Стремясь воздействовать на старостильников, оккупанты публиковали сообщения о том, что Болгарская православная церковь якобы решила принять Григорианский календарь[376].

С верующими, не подчиняющимися государственной румынской церкви, власти обращались как с политическими противниками. Кроме того, старостильники и инокентьевцы были молдавскими традиционалистами, т.е. противниками румынизации. А толстовцы, баптисты, евангелисты призывали молодежь не брать в руки оружие. И, наконец, баптисты пользовались богослужебными книгами англиканской церкви – официальной церкви Великобритании, с которой Германия и Румыния находились в состоянии войны. Сектанты, докладывала контрразведка, критикуют румынский клир, Священный Синод, государственную власть, «возмущая таким образом население». В Бессарабии и Северной Буковине, отметило в марте 1942 г. разведывательное бюро генерального штаба румынской армии, сектанты отказываются от выполнения повинностей, ведут антивоенную и даже антирелигиозную, – направленную против государственной румынской Церкви, – пропаганду[377]. Проповеди сектантов противоречили интересам режима Антонеску. И, наконец, сектанты, включая молдаван, были чужды оккупантам в этнокультурном плане. Поэтому развернутые румынскими властями преследования инаковерующих приобрели жестокий и массовый характер.

---

[374] НА РМ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2663. Лл. 3, 5.
[375] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4480. Л. 440.
[376] Raza. 1942. 26 iulie–2 august.
[377] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1010. Л. 3.

Своим острием церковная политика Бухареста в Бессарабии была направлена против сторонников богослужения по Юлианскому календарю. Уже в первом, за август 1941 г., обзоре румынской контрразведки, отмечено наличие сильного течения стилистов на севере области, особенно в Бельцах[378]. «Стилизм, – отмечено в бюллетене контрразведки в сентябре 1941 г., – продолжает располагать повсеместно самым большим числом приверженцев»[379]. К концу 1941 г. полиция выявила в Бессарабии 8 тысяч инаковерующих, в том числе 2474 старостильника, а также 5656 баптистов, 605 инокентьевцев, 535 адвентистов, 413 евангелистов, 257 молокан и т.д[380]. На почве приверженности молдаван православной традиции было отмечено даже возрождение дохристианских верований. «Языческие праздники: Сынзениле, Кирикэ Шкьопул, Тока, Мэрина, Илие Пэлие, Пинтилие Кэлэторул, Жоиле де ла Пашть ла Ынэлцаре, – докладывала контрразведка, – являются поводом для празднований по старому стилю»[381]. «На религиозной почве, – отмечено в отчете Кишиневского областного инспектората полиции за 1941 г., – самая актуальная проблема, представляющая реальную опасность, это проблема стилизма».[382] Искоренить традицию народного православия оккупантам не удалось.

Преследования инаковерующих

Сторонниками богослужения по старому стилю являлись старообрядцы, и церковные праздники отмечали по Григорианскому, а не Юлианскому календарю. Для режима Антонеску в старообрядчестве были неприемлемы еще три момента. Во-первых, старообрядцы были русскими, они принадлежали к особо ненавидимой агрессорами государствообразующей нации СССР. Во-вторых, они разговаривали на русском языке, а богослужение проводили на церковнославянском. И, наконец, для оккупантов было нетерпимо само существование старо-

---

[378] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4232. Л. 458.
[379] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4481. Л. 865.
[380] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 483. Лл. 4, 747.
[381] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4480. Л. 440.
[382] Там же. Д. 4234. Л. 273.

обрядческой церкви, не подчиняющейся предписаниям Министерства культуры и культов Румынии. Любое отклонение от государственного православия Бухарест расценивал как сектантство, а сектантство, заявил румынский диктатор 11 апреля 1942 г. на административном совещании в Бельцах, представляет собой «путь от религиозного и общественного бунта к бунту политическому», направленному «на подрыв основ государства»[383].

Какова была численность старообрядцев? По сведениям губернаторства Бессарабия, в октябре 1941 г. в Сорокском уезде компактно, с центром в Атаках, проживали 34 000 украинцев. Русских учтено было 11 000 чел., но они жили дисперсно. Липован, якобы, имелось всего 3089 чел., и проживали они только в одном селе – в Куниче. В соседнем Хотинском уезде Буковины среди 10780 выявленных полицией приверженцев иных конфессий названы 3990 липован[384]. Год спустя, в ноябре 1942 г., в целом на Буковине наряду с украинцами и «румынами» были учтены 21338 гуцулов, 3437 русских и всего 2283 липованина[385]. В Кагуле кроме молдаван в январе 1944 г. проживали: «Русских (украинцев) – 2173, Русских (липован) – 1368», а в городе Леово русские, украинцы и липоване были учтены в совокупности – 448 чел[386]. Отметим, что согласно переписи населения 1930 г., в пределах Румынии того времени проживали 31,3 тыс. старообрядцев, в том числе около 18 тыс. липован, проживающих в Добрудже и около 3 тыс. – в Молдове между Прутом и Карпатами[387].

Старообрядческая церковь, отметил в январе 1942 г. шеф полиции города Оргеева, является единственной легальной организацией, сохранившейся у национальных меньшинств Бессарабии[388]. Тем не менее, наряду со стилистами-молдаванами, русских старообрядцев окку-

---

[383] Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2663. Л. 5

[384] Там же. Ф. 680. Д. 4480. Л. 436; Ф. 706. Оп. 1. Д. 1010. Л. 8. В 1930 г. в Бессарабии, согласно переписи населения, проживали 31,3 тыс. старообрядцев. В то же время в Румынии было зафиксировано около 18 тыс. липован, проживающих в Добрудже и около 3 тыс. – в Молдове между Прутом и Карпатами. (Табак И.В. Русское население Молдавии: численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 72).

[385] НА РМ. Ф. 706. Д. 1123. Л. 444.

[386] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 112. Л. 13; Д. 113. Л. 4.

[387] Табак И.В. Указ. соч. С. 72.

[388] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4477. С. 52, 61.

панты зачислили в разряд сектантов. В служебных материалах румынские администраторы перечисляли липован и «стилистов» одним списком с баптистами, адвентистами, субботниками, молоканами, пятидесятниками, толстовцами и другими, и отмечали их оппозиционность властям и официальной Церкви. «Сектанты, – доложил в мае 1942 г. кишиневский областной инспектор полиции Павел Епуре, – критикуют клир, Священный Синод, государственную власть». Это явление, утверждал полицейский чин, представляет собой продолжение духовного сопротивления 20-х–30- х годов, когда «священники Поляков, Бинецкий, Мисаил Кирицэ, Иеремия Чокан выступили за сохранение старого календаря на всей территории Бессарабии»; сопротивление это представляет политическую угрозу Румынскому государству. Хотя старостильниками являлись главным образом молдаване, далее шеф полиции отметил, что большинство сект возникло в селах с миноритарным населением – среди русинов, украинцев, болгар, немцев и т. д[389].

Уже осенью 1941 г. политический террор и геноцид были дополнены массовыми арестами сторонников богослужения по старому стилю, а также баптистов, адвентистов и приверженцев иных конфессий. Церковных протестантов бросали в тюрьмы и концлагеря, избивали, калечили, женщин насиловали, разоряли крестьянские хозяйства. 14 октября 1941 г. жандармы помешали крестьянам сел Трифауцы и Шептеличи Сорокского уезда отпраздновать по старому стилю праздник Покрова[390]. Приговоры, выносимые трибуналами по делам о сектантстве, были абсурдно жестокими, – как за участие в подпольно-патриотической борьбе, – до 20-25 лет каторжных работ. В концлагере Новые Онешты, где содержали политически «подозрительных» и «главарей духовного мятежа», уже к концу 1941 г. отбывали наказание около 1000 заключенных[391]. Черновицким военно-полевым судом в январе-феврале 1942 г. были осуждены 180 сектантов. В черновицкой тюрьме в нечеловеческих условиях, подвергаемые истязаниям и голодая, ожидали «суда» еще 500 сектантов[392]. «Ныне нас преследуют более, чем когда-либо», – сообщали члены общины баптистов Бельцкого

---

[389] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4234. Л. 518.
[390] Там же. Д. 4234. Л. 273.
[391] Там же. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 1. Л. 72
[392] Там же. Д. 1010. Л. 3.

уезда в жалобе, направленной на имя И. Антонеску 16 марта 1942 г. Все 30 имевшихся у баптистов Бессарабии церквей, говорилось в письме, были румынскими властями отобраны. Далее были приведены страшные подробности «религиозной» политики оккупантов:

Село Новые Козулены Бельцкого уезда. Жандармы трижды избили в кровь 7 крестьян-баптистов, требуя возврата в лоно государственной Церкви. При аресте сержант Думитреску предложил трем женщинам-баптисткам лечь с ним в постель. 19-летнюю Ефросинью Гаванзюк он попытался изнасиловать. Ночью жандармы вывели семь членов семьи в поле на расстрел. Стреляли над головами. Затем отвели их на жандармский пост и избили. Топтали ногами. Затем отпустили, заставив уплатить огромную для крестьян сумму в 10 тыс. леев.

Жандармы Змеу и Агафица жестоко избивали крестьян **села Кашпар (коммуна Парково)**. В селе **Алексеевка** баптистов арестовали вместе с детьми, всех избили и по морозу погнали пешком за 50 километров в Бельцы. Нотар (секретарь примарии) села Чучулены (Бельцкий уезд) избил пресвитера Сергея Валанчука из села **Брежены**[393]. В селах **Кагульского уезда** на юге Бессарабии детей сектантов крестили с «помощью» жандармов[394]. В июле румынские власти объявили, что сектанты будут отправлены в трудовые лагеря на Буг[395]. Это была угроза смерти: на Буг депортировали евреев и цыган, а и из «трудовых» лагерей домой также мало кто возвращался.

Масштабы террора, творимого по инициативе церковных властей в Бессарабии и Буковине, обеспокоили даже командование румынской армии. 8 марта 1942 г. Генеральный штаб указал ведомству культов и искусств, что в этих провинциях «до настоящего времени выявлены 12500 сектантов, и ежедневно их заключают в черновицкие тюрьмы в таких количествах, что через короткое время они уже не смогут вмещать. Наше убеждение заключается в том, что борьба за Христа должна сегодня вестись на фронте, а не дома в тюрьмах». В целях подавления сектантства генштаб рекомендовал ограничиться церковными мерами, а активистов религиозного сопротивления мобилизовать в армию. Неблагоприятными для Бухареста политическими следствия-

---

[393] Там же. Лл.19, 20.
[394] Там же. Ф. 707. Оп. 1. Д. 483. Л. 4.
[395] Raza. 1942. 28 iunie – 5 iulie.

ми полицейских репрессий против сектантов Буковины и Бессарабии было озабочено и руководство румынского министерства культуры и культов. В докладе «правителю» исполняющий обязанности министра Аурел Попа привел странное суждение: сектанты, якобы, встречались нелегально только для того, «чтобы быть заключенными, представляясь мучениками, чтобы таким образом вести еще более усиленную пропаганду среди своих приверженцев». А. Попа предложил, во-первых, проверить каждого верующего на предмет его отношения к Советской власти, а во-вторых, заключенных сектантов освободить, но отправить их на фронт. Молитвенные дома он предложил оставить закрытыми [396].

Полицейские репрессии против инаковерующих необходимо было «обосновать» политически. Утверждая, что «большинство сектантов – коммунисты, которые под религиозной маской пропагандируют коммунистические идеи», Ефрем Тигиняну потребовал от «светских» властей предания их суду и закрытия молитвенных домов. Его точка зрения возобладала. К концу июня 1942 г. число выявленных сектантов было доведено полицией до 27830 чел.[397]. В июле полиция продолжила борьбу с «сектантством», выявив еще 390 старообрядцев-липован, 334 молоканина, 197 христиан-евангелистов. О выявлении сектантов полиция докладывала в тех же выражениях, как и о розыске партизан: «В селах Дрокия и Парканы раскрыты и преданы суду группы инокентьевцев. В Кагуле раскрыта группа из 19 адвентистов»[398]. «Баптисты, – доложил агент сигуранцы Кишинева, – устраивают встречи на квартире торговки Анны Кройтор (ул. Унирей, 67) и учительницы Евгении Гинцовой (ул. Александра Донича, 32)[399].

За религиозными протестантами румынские спецслужбы следили столь же неотступно, как и за участниками патриотического подполья. 16 декабря 1942 г. полиция арестовала 139 инокентьевцев, застигнутых на собрании. Однако кара, – вероятно, благодаря взяткам, данным крестьянами судебным чиновникам, – оказалась символической. Решением суда каждый из сектантов был оштрафован на небольшую сумму, а их глава Георгий Божога – на 5 тыс. леев, что составляло месяч-

---

[396] НА РМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6986. Лл. 44, 45.
[397] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 483. Лл. 4, 747.
[398] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4481. Л. 281, 422.
[399] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6982. Л. 157.

ную заработную плату рабочего[400]. 28 августа 1943 г. были задержаны участники другого собрания инокентьевцев. Это не изменило позиции других приверженцев этой и других сект. Члены официально распущенных сект, отмечено во «Внутреннем информационном синтезе» контрразведки за январь 1943 г., по-прежнему «игнорируют священников, не посылают детей в школу, ведут антихристианскую и антипатриотическую пропаганду. Инокентьевцы (главным образом в Бельцком и Сорокском уездах) открыто высказываются против оружия и войны, а те, кто занимается в Бессарабии военной подготовкой, отказываются брать в руки оружие». Репрессии были ужесточены. В январе 1943 г. руководители инокентьевцев Бельцкого и Сорокского уезда Василий Лунгу и Алексей Пынтя были приговорены к 25 годам каторжных работ, а еще 13 активистов секты – к 15-20 годам тюремного заключения. В марте 1943 г. в концлагерь Новые Онешты были брошены 74 сторонника богослужения по старому стилю, по мнению губернатора, «главари духовного мятежа».[401].

Тем не менее, конфессиональная политика Бухареста терпела провал. В сентябре 1942 г., румынская контрразведка доложила «правителю»: «Стилизм продолжает располагать повсеместно наибольшим числом сторонников». Клирики-стилисты вроде бы не развертывали пропаганды, но крестьяне продолжали отмечать православные праздники по старому стилю[402]. Внимание секретной службы привлекла также секта миленистов, чье влияние в Бессарабии, особенно в Бельцком и Сорокском уездах, быстро распространялось. Объясняя причину этого явления, офицеры ССИ отмечали: «Доктрина этой секты предусматривает неподчинение властям и запрет носить оружие»[403], т.е. отказ от службы в румынской армии.

Полицейские репрессии против иноверцев Ефрем пытался аргументировать политически, соображениями борьбы с коммунизмом. Полиция, подчеркнул он в письме диктатору Румынии от 12 августа 1942 г., должна выявить всех сектантов, ибо «большинство сектантов – коммунисты, которые под религиозной маской пропагандируют ком-

---

[400] Там же. Д. 7025. Л. 347.
[401] Там же. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 13. Лл. 255, 257.
[402] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 69. Л. 251.
[403] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4481. Л. 865.

мунистические идеи»[404]. Аргументация возымела действие. Согласно подписанному И. Антонеску декрету-закону N927/1942 г., секты подлежали запрету. 24 августа 1942 г. губернатор Константин Войкулеску распорядился закрыть все молитвенные дома. Любые собрания верующих были запрещены[405].

Однако инаковерующие не подчинялись. «Хотя молельные дома закрыты стараниями властей, – доложил в январе 1943 г. действующий в Кишиневе агент ССИ, – сектанты, лишь формально перешедшие в православие, продолжают свою деятельность, собираясь в частных домах. Наиболее распространенная в Бессарабии секта, развертывающая свою деятельность и имеющая приверженцев в большинстве сел с миноритарным населением, – это секта баптистов». В Бельцком уезде, по данным полиции, баптистов возглавлял Журенко, а в Аккермане – Михаил Аржинт[406]. В селе Хаджидер Аккерманского уезда полиция застала во время молитвы 15 баптистов. Вещественным доказательством их «преступного» деяния явилась обнаруженная в помещении книга на русском языке – «Новый Завет». Хотя арестованные отказались давать показания, аресты были продолжены, и в августе 1943 г. 21 крестьянин были преданы суду[407].

В борьбе против инаковерия полицейские меры были малопригодны в принципе. Подвергаемые гонениям священнослужители и прихожане, признавал глава ведомства культуры и культов Румынии Аурел Попа, представали в глазах верующих мучениками за веру и обретали особый нравственный авторитет. Духовное сопротивление сломлено не было. Большинство молдаван, не занимаясь пропагандой «стилизма», упорно отмечало церковные праздники по старому стилю. Центром старостильников оставались Бельцы. В Кишиневе и Лапушнянском уезде было особенно много баптистов. «При всех распоряжениях, отданных Министерством культов, и мерах, принятых административными властями, – доложил в сентябре 1942 г. квестор полиции, – все же в городе Кишиневе секты и сектанты продолжают свою деятельность»[408].

---

[404] Там же. Ф. 1894. Д. 13. Л. 255.
[405] Там же. Л. 257.
[406] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6982. Л. 251.
[407] Там же. Ф. 1748. Оп. 3. Д. 201. Лл. 3, 9, 13, 59–76.
[408] Там же. Л. 157.

Все религиозные объединения страны, существующие по праву или фактически, признал 30 декабря 1942 г. А. Попа, распущены. Закрытие старообрядческих церквей и молитвенных домов вылилось в кампанию грабежа. Опасаясь ответственности за расхищение церковных ценностей функционерами, Попа напомнил местным властям, что их «вещи, помещения и архивы переходят в собственность государства» и потребовал от префектов уездов обеспечить учет изъятых ценностей[409].

Духовное сопротивление старообрядцев

Особую страницу в историю духовного сопротивления населения Бессарабии вписали русские старообрядцы. Несмотря на давление властей, они продолжали открыто исповедовать веру прадедов. За празднование Рождества по старому стилю были преданы суду 8 жителей села Гыска, пригорода Бендер, а священник села Албинец Бельцкого уезда Николай Климович заключен в концлагерь Новые Онешты[410]. Агитация за богослужение по старому стилю, – угрожали власти через прессу, – карается заключением в лагерь[411]. В Бельцах священник старообрядческой церкви Симеон Донцов был вызван в полицию и под расписку ознакомлен с распоряжением властей о недопустимости проводить богослужение по старому стилю. На следующий день, подчеркнуто в докладе полиции, он, сославшись на отсутствие на то указаний старообрядческого митрополита, письменно ответил, что «ни под каким видом не может перейти на официальный стиль». Дабы «привести Донцова к реальности» шеф полиции Думитру Агапие предложил областному инспектору заключить его в концлагерь[412].

Среди старообрядцев у политической полиции практически не имелось информаторов, и о событиях их церковной жизни власти узнавали постфактум. 10–12 апреля 1942 г. старообрядцы сумели конспиративно провести в селе Писк (Румыния) Освященный Собор. Митрополитом Белокриницким был избран уроженец села Старая Некрасовка (близ

---

[409] Там же. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 13. Л. 359.
[410] Там же. Д. 4233. Л. 444.
[411] Raza: [Chişinău], 1942. 21–28 februarie.
[412] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4480, Л. 285.

Измаила) епископ Тихон (Качалкин). 28 августа 1942 г., доложила неделю спустя тайная полиция, липованин Арсений из Измаила при участии липованского священника Сергия провели в селе Георгиены (Егоровка, Сорокский уезд) богослужение на русском языке. В богослужении приняло участие все население села, все они, подчеркнуто в донесении, липоване[413]. Новый первоиерарх старообрядческой церкви Румынии стремился сохранить ее легальный статус. 24 августа 1942 г., в дни, когда оккупанты ликовали по поводу прорыва немецких войск к Волге, он обратился префекту Бельцкого уезда за официальным разрешением проводить богослужение по старому стилю и на церковнославянском языке[414].

Впрочем, верующие поступали согласно традиции. Губернатор Бессарабии К. Войкулеску в те же дни разослал местным властям циркуляр N2928/C, свидетельствующий о массовом характере духовного сопротивления старообрядцев. «В дни, отведенные труду, – отмечено в документе, – некоторые из них уклоняются от выполнения трудовых обязанностей с целью пойти в церковь для молений и других религиозных служб. При всех отданных распоряжениях о соблюдении официального стиля без всяких исключений липованское население, – разумеется, тайно поддерживаемое и подстрекаемое многими священниками, – проявляет неповиновение и дух саботажа. Чтобы категорически положить конец этому состоянию дел, прошу вас вызвать липованских священников и потребовать от липованского населения окончательно покончить с этим двусмысленным положением и без колебаний исполнять распоряжения государственных властей. Если же после этой последней попытки вы установите, что липованское население упорствует в своем отношении, вы примете немедленные меры по их интернированию в лагерь»[415].

В январе 1942 г. старообрядцы провели в Оргееве богослужение по обряду «официальной» Церкви; присутствовали 70 человек. В сентябре 1942 г. в Кишиневе старообрядческий священник провел с участием трех десятков прихожан богослужение по новому стилю. Но эти события, расцененные полицией как уступка требованиям властей, также

---

[413] Там же. Ф. 173. Оп. 2. Д. 608. Л. 223.
[414] Там же. Д. 4477. С. 51.
[415] Там же. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2671. Л. 35.

были отмечены нарушением оккупационных порядков: богослужение состоялось не на румынском, а, в первом случае, на русском, а во втором – на церковнославянском языке. Но сами старообрядцы сочли проведение богослужения по новому стилю актом отступничества от веры и сурово осуждали священника, повинного в этом[416].

Старообрядческое духовенство пыталось работать негласно. Липованский епископ Измаила и митрополит Тихон, доложила 27 октября 1942г. политическая полиция, пытаются устроить в придунайском городе Вилкове «собрание липованских священников всей Бессарабии с целью протеста» против навязывания старообрядцам богослужения по Юлианскому календарю[417]. Богослужения проводились тайно от властей. В Кишиневе в молельном доме старообрядцев, именуемом «Церковь успения Божьей матери», установила полиция, священник Харитон Кириченко и дьякон Федор Москвичев при помощи прихожанок Татьяны Никитиной и Тамары Кирилловой проводят службы по старому стилю[418].

Митрополит Тихон (Качалкин). Послевоенный снимок

Зимой 1942–1943 гг. правительство Антонеску ужесточило репрессии. Накануне рождественских праздников Симеона Донцова вновь вызвали в полицию и потребовали объяснений по поводу отказа проводить богослужение по новому стилю. Священник объяснил, что не имеет на то разрешения от митрополита Тихона, и вновь отказался проводить богослужение по новому стилю. И на Новый год по новому стилю, и на

---

[416] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6982. Л. 160.
[417] Там же. Ф. 679. Оп.1. Д. 6982. Л. 184.
[418] Там же. Л. 157.

Рождество старообрядческая церковь в Бельцах оставалась закрыта[419]. Главным инициатором религиозных гонений по-прежнему выступал архиепископ Ефрем Тигиняну. К старообрядческому митрополиту Тихону (Качалкину) этот инквизитор испытывал личную ненависть и, по некоторым данным, пытался организовать его убийство. Видимо, по его требованиям, 11 января 1943 г., накануне Нового года по старому стилю, митрополит Тихон был взят под стражу[420].

В тот же день губернатор Бессарабии К. Войкулеску разослал префектам уездов приказ о проведении репрессий: «Честь имею довести до вашего сведения, что вследствие враждебного отношения к официальному календарю Министерством внутренних дел решено интернировать в лагерь липованского митрополита Тихона из Белой Криницы, Буковина. Рекомендую господам префектам вновь вызвать в уездные резиденции всех липованских священников, довести до их сведения этот факт, свидетельствующий о твердой решимости Румынского государства срочно и окончательно ликвидировать липованский стилизм, единственный еще бытующий на территории Провинции».

Большинство стилистов составляли молдаване, но губернатору требовалось обосновать репрессии именно против старообрядцев. «До сведения всех липованских священников, – продолжал он, – будет доведено, что при малейшем колебании с их стороны так же поступят и с ними. С другой стороны, власти будут воздействовать прямо и на липованское население, которому будет показано, что его сопротивление стало тщетным и в его собственных интересах включиться в общую жизнь государства. Решение господина маршала, правителя государства, категорично и предусматривает, что «будут арестованы и отправлены в лагеря и Митрополит, и Епископ, и священники-агитаторы»[421]. В тот же день специальная комиссия постановила заключить в лагерь Симеона Донцова[422]. Репрессивные меры были приняты против старообрядческих священников и активистов-мирян также в Измаиле, Аккерманском, Кагульском уездах.

---

[419] Там же. Ф. 680. Оп.1. Д. 4485. Л. 676.

[420] Согласно Википедии, во время диктатуры маршала Иона Антонеску, епископ Тихон в течение 45 дней содержался под арестом в монастыре Тисмана, возможно, из-за отказа перейти на новый стиль. По нашим сведениям, митрополит был освобожден не ранее мая 1943 г.

[421] НАРМ. Ф. 679. Оп.1. Д. 6982. Л.243.

[422] Там же. Ф. 680. Оп.1. Д. 4485. Л.676.

Священники-регионалисты

Политика оккупантов порождала оппозицию даже в узком кругу священнослужителей-молдаван, пошедших на службу режиму Антонеску. Архимандриты Юлиу Скрибан и Виссарион Пую возглавляли румынскую церковную миссию в т.н. «Транснистрии». Священник Василе Цепордей редактировал праворадикальную газету «Раза», а дьякон Серджиу Рошка – газету «Басарабия». Их публикации были выдержаны в духе «антибольшевизма». Однако они были недовольны курсом Бухареста на подавление в Бессарабии местного предпринимательства и дискриминацией функционеров-молдаван. Интересы этих групп населения они пытались выражать под лозунгами бессарабского регионализма. Декларируя себя румынами, регионалисты исподволь пропагандировали молдавскую этнокультурную самобытность. «Старый боярский класс Бессарабии, – разъяснял В. Цепордей, – был большей частью отчужден [от идеи румынизма], если не этнически, то духовно он был завоеван для вчерашнего правления»[423].

В. Цепордей был не прочь сыграть на проблемах, создаваемых властям движением в защиту богослужения по старому стилю. «Проблема стилизма в новой Бессарабии, – уже в августе 1941 г. отметил он в передовице газеты «Раза», – всегда представляла собой заботу для ру-

Бессарабские священники-регионалисты Василе Цепордей (снимок 1943 г.) и Серджиу Рошка (2000 г.); архиепископ Юлиу Скрибан (1942 г.)

[423] Raza. 1942. 26 iulie – 2 august.

ководящих кругов [Румынии]. Она была проблемой, так и оставшейся неразрешенной до конца. Государство отдало приказ соблюдать новый календарь, а народ в большинстве сел праздновал праздники по старому [стилю]. Советская Россия […] немедленно после вторжения [в Бесарабию в 1940 г.] распорядилась, чтобы оставшиеся священники служили по старому календарю. В массах осталась идея, что можно праздновать по старому стилю»[424].

Регионалисты выдвигали и социальные требования. 17 мая 1942 г. на епархиальном собрании в помещении архиепископии Бессарабии автор трудов по истории церкви, издатель документов по истории Бессарабии и, как ни странно, последователь идеолога румынского фашизма, профессора Александра Константина Кузы, Константин Томеску, священник Павел Гучужна и другие кузисты выступили с критикой румынской политики в Бессарабии. «Тон их выступлений, – отмечено в докладе областного инспектора полиции, – был неистовым и протестующим, а атмосфера, которую они сумели создать, была атмосферой политического клуба былых времен». Священники поставили вопросы о восстановлении в Кишиневе теологического факультета, закреплении за священниками земельных участков, переданных им во временное пользование, о пересмотре тарифов за церковные требы. Эти требования, отмечено в докладе, были представлены в целях разжигания «бессарабского регионалистского духа»[425].

Обосновывая притязания функционеров-молдаван на допуск в румынскую администрацию, в июле 1942 г. В. Цепордей и С. Рошка опубликовали в редактируемых ими газетах материалы, доказывающие, что Бессарабией управляют пришельцы из-за Прута, чуждые интересам ее населения, некомпетентные и коррумпированные. Более того, Цепордей напомнил Бухаресту, что молдаване – отличный от румын народ со своим особым национальным характером. В статье «Бессарабская специфика» он разъяснял: «В первую очередь бессарабец, – понимаем молдаванин, […] – это скромность, что порой возмущает. Это не в духе славянина, который порой слишком смел.[…] Молдаванин постоянен и консервативен. Молдаванин больше соседних наро-

---

[424] Raza. 1941. 17–24 august.

[425] Там же. Л. 302.

дов привязан к земле, на которой родился. Наш народ не переживает, как русский, крайностей. То есть не может сегодня быть верующим до самопожертвования, а завтра броситься на Бога с топором»[426]. Идеолог бессарабского регионализма писатель Константин Стере типичного румынского интеллигента усматривал в деятеле, который сегодня превозносит Спасителя с железным кулаком, а завтра может вдруг проникнуться демократизмом и проповедовать дружбу народов[427]. В. Цепордей эзоповым языком повторил тезис регионалистов 20-х–30-х гг. о беспринципности румын. Бессарабия, утверждал он в другой статье, имела свою историю, отдельную от румынской[428].

Фрондерство редакторов было замечено Бухарестом. Министерство пропаганды обвинило их в приверженности бессарабскому регионализму и попытках возродить легионерское движение, накануне войны разгромленное Ионом Антонеску. «Поименованные, – подчеркнуто в документе ССИ, – возобновляют старую тему регионализма, показывая, что во главе уездных администраций и Губернаторства поставлены лица, совершенно чуждые бессарабскому происхождению, создающие это недовольство за спиной бессарабского народа, которым управляют и который грабят регацяне из Старого Королевства, а в Комитете Руководства Бессарабии не найти ни одного бессарабца[…]»[429]. Губернатор К. Войкулеску потребовал заключить редактора в концлагерь. Цепордей бежал в Бухарест и обратился с жалобой к И. Антонеску. Доказывая свою верность румынизму, редактор напомнил диктатору о своем сотрудничестве с сигуранцей и военной контрразведкой[430]. «Правитель» все же приказал закрыть обе газеты на десять дней «за призыв к междоусобицам среди братьев»[431].

Вновь активизировались молдавские националисты после разгрома немецких, румынских и итальянских войск под Сталинградом. Губернатор К. Войкулеску был отозван. Его преемник генерал Олимпиу Ставрат, перед которым «правитель» поставил задачу «завоевать дове-

---

[426] Raza. 1942. 12–19 iulie.
[427] Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. С. 243, 244.
[428] Raza. 1942. 26 iulie – 2 august.
[429] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4481. Л. 865.
[430] Там же. Д. 1111. Лл. 7–11.
[431] Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. С.287.

рие народа», возобновил выпуск «газеты для народа» «Кувынт молдовенеск» и посулил продвигать в администрации «местные молдавские элементы»[432].

Обещание не выполнялось, и священник Н. Томоилэ осудил преследования старостильников. «Духовная унификация, – заявил он, – не делается быстро»[433]. Архимандрит Юлиу Скрибан, отозванный из «Заднестровья», выступил в защиту молдавской речи. В мае 1943 г. он подверг жесткой критике авторов газеты «Басарабия» за их офранцуженный язык, непонятный молдавскому читателю. «Чего вы хотите? – вопрошал церковный иерарх, – Чтобы люди читали вас со словарем?». И привел факт из собственной практики: в Кишиневе молдаванин-студент теологического факультета, не понимая литературный румынский, разбирал румынский текст, прибегая к румынско-французскому словарю. Архиепископ призвал авторов газеты писать на исконном языке молдаван, «языке старинных сказаний», языке митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони и молдавского традиционалиста писателя Михаила Садовяну[434]. Из рассуждений о молдавской языковой специфике вытекал вывод о непригодности румынских функционеров для работы в Бессарабии. А В. Цепордей опубликовал статью «Авантюристы», в которой назвал румынских спекулянтов шакалами, расхитившими богатства «бессарабского народа»[435].

Регионалисты выражали этнополитическую позицию части молдавской интеллигенции и клира, и оккупационные власти усилили надзор над ними. Уроженец села Авдарма Бендерского уезда дьякон Иордан Лупу, выяснила полиция, в 1940 г. написал заявление о приеме в Коммунистическую партию. Когда ему было отказано, выехал в Румынию и в январе 1941 г. принял участие в мятеже «Железной гвардии», причем был при этом ранен. Год спустя он искал должности в родных местах. Еще один церковный «легионер», студент-теолог Филипп Лупу-Григоре, бывший председатель эмигрантского «Центра бессарабцев» в Бухаресте, добивался направления миссионером на Украину[436].

---

[432] Cuvant Moldovenesc. 1943. 18 aprilie
[433] Raza. 1943. 21–26 martie.
[434] Basarabia. 1943. 22 mai.
[435] Raza. 1943. 13 iunie.
[436] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4481. Л. 864.

Под наблюдением сигуранцы находились также бывшие священники Ион Струк (Бельцы), Николай Мереакре (Костешты), Ион Раку, Тудораке, Леонид Климов (Бельцы), Леонид Стрымбей (Кишиневский уезд), бывший дьякон кишиневской церкви Св. Александра Невского Ион Бригидэу[437] и другие.

Церковная политика: обманные маневры

После Сталинграда правительство И. Антонеску предприняло ряд маневров, призванных создать видимость либерализации оккупационной политики[438], в том числе церковной. Сознавая, что утрачивает главный канал идеологического воздействия на население Бессарабии, официальный Бухарест попытался создать видимость либерализации языкового режима. В июле 1943 г. Кабинет по управлению Бессарабией, Буковиной и Транснистрией (КББТ) напомнил «правителю», что распоряжение губернаторства Бессарабии от 20 сентября 1941 г. о проведении богослужения в церквах приходов с миноритарным населением на языке национального меньшинства еще в апреле 1942 г. отменено. За возобновление богослужения на русском языке высказался и губернатор О. Ставрат. И. Антонеску согласился: «Пусть возобновят». «Мы не можем требовать одного права для угнетенных румын, – демагогически продолжил диктатор, – и отказывать в этом праве меньшинствам у себя». Далее он установил пределы национально-языковой терпимости в богослужении, упомянув коренных насельников Бессарабии и Буковины: «Евангелие и ½ службы проводить на родном языке там, где населения смешанные. На одном языке, где верующие – русины»[439]. Однако данных о возобновлении богослужения на церковно-славянском языке нами не обнаружено.

Румынские власти продолжали преследовать сектантов. В октябре 1943 г. два мобилизованных в румынскую армию евангелиста, – Иоан

---

[437] Там же. Лл. 864, 865.

[438] Подробнее см.: Шорников П. Сражение под Сталинградом и оккупационная политика Румынии // Великая Сталинградская битва и ее значение для судеб Молдовы и Румынии. Материалы международной научной конференции. 1 февраля 2013 г. Кишинев: CEP USM, 2013. С. 40–50.

[439] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 52. Л. 21.

Могиляну из села Рукария Бельцкого уезда и Иоан Апостолюк из села Фрасин Сорокского уезда, – были приговорены к расстрелу: первый – за отказ идти на фронт, а второй – за отказ стрелять во время военной подготовки[440].

Одновременно была предпринята попытка снять остроту конфликта с липованами. Ссылаясь на просьбы местных старообрядцев, архиепископ Виссарион Пую, поставленный во главе Румынской церковной миссии в Буго-Днестровской области, обратился к «правителю» с ходатайством об освобождении из лагеря митрополита Тихона, особо отметив политическую целесообразность этого жеста и преклонный возраст главы Белокриницкой митрополии[441].

В мае 1943 г. И. Антонеску распорядился об освобождении митрополита староверов. Вместе с тем, пытаясь обусловить этот акт духовной капитуляцией старообрядческой церкви, он затребовал от Департамента национальной культуры и культов заключения о том, можно ли позволить Тихону созвать съезд, дабы побудить старообрядческий клир принять новый стиль, и можно ли открыть старообрядческие церкви? Почуяв новые веяния в верхах, ведомство духовного надзора попыталось возложить ответственность за имевшие место религиозные гонения и заведомо сомнительные результаты очередной затеи «правителя» на полицию. Министерство культов и искусств высказалось за созыв съезда под надзором органов МВД; старообрядческие церкви, закрыты не были. Однако министр внутренних дел К. Василиу, поняв маневр А. Попы, специальным приказом потребовал: если какая-нибудь липованская церковь закрыта, немедленно, еще до съезда старообрядцев и их перехода на новый стиль, возвратить ее верующим. Молитвенные дома старообрядцев-беспоповцев решено было оставить закрытыми[442].

Принятие нужных ему решений режим был намерен обеспечить едва ли не любой ценой. Конгресс старообрядцев власти решили провести не в Белой Кринице, центре митрополии, а в Яссах, 7 и 8 августа 1943 г. глава ведомства культуры и культов А. Попа откровенно мотивировал это решение необходимостью обеспечить полицейский контроль над его участниками. Для участия в конгрессе от каждого ста-

---

[440] Там же. Ф. 680. Оп.1. Д. 4661. Л. 174.
[441] ООГА. Ф. 2252. Оп.1. Д. 543. Л. 15.
[442] НА РМ. Ф. 706. Оп.1. Д. 1056. Л. 98.

рообрядческого прихода Бессарабии, Буковины, Запрутской Молдовы и Добруджи надлежало направить по одному священнику, сопровождаемому двумя «делегатами», подобранными политической полицией. Кроме того, в работе конгресса должны были принять участие представители МВД и Министерства культов[443]. Однако подготовленное таким образом насилие над старообрядческим духовенством не состоялось. В июле 1943 г. немецкие войска были разгромлены на Курской дуге и официальный Бухарест занялся более неотложными вопросами.

Восстановление патриаршества в СССР и православные верующие Молдавии

Несмотря на погром времен революции и гонения 20-х – 30-х годов, в период Великой Отечественной войны Русская православная церковь заняла патриотическую позицию и сыграла активную роль в мобилизации сил народа. «Фашистские изверги, – возгласил 24 ноября 1941 г. митрополит Сергий, – являются сатанинскими врагами веры и христианства. У русских людей, у всех, кому дорога наша Отчизна, сейчас одна цель – во что бы то ни стало одолеть врага». В январском послании 1942 года, обращенном к жителям оккупированных территорий, глава Русской церкви призвал их хранить верность Отечеству, не становиться на путь предательства Родины.

В первую годовщину начала Великой Отечественной войны митрополит Сергий издал два послания – одно для москвичей, а другое для всероссийской паствы. В послании всей церкви ее глава обличал нацистов, которые в пропагандистских целях присваивали себе миссию защитников христианской Европы от нашествия коммунистов. В ноябре и декабре 1942 г. митрополит Сергий обращался с воззваниями к единоверному румынскому народу, который был вовлечен в войну с Россией, с призывом порвать союзнические отношения с фашистской Германией. Мы теперь не только верим, но и видим, отмечал митрополит Сергий в рождественском послании 1943 г., что победа определенно

[443] Там же. Л. 414.

перешла на нашу сторону. Пасхальное послание 1943 г. заканчивается словами: «С Божией помощью наша доблестная русская армия изгонит фашистскую нечисть из пределов нашей Родины».

В июне 1943 г. митрополит Сергий просил благословения у Господа на продолжение «патриотического подвига и на фронте, и в тылу, и да сотворит Господь, чтобы третий начинающийся год военной страды стал для нас годом победы». В передачах московского радио возобладало уважительное отношение к Церкви. В эфире зазвучали приветствия церковных иерархов главнокомандующему Вооруженными силами СССР И.В. Сталину в связи с 25-летием Октябрьской революции и победами Красной Армии, имена святых князей Александра Невского и Димитрия Донского, русских полководцев Суворова и Кутузова.

Потенции Русской православной церкви были оценены руководством СССР. После исторической встречи И.В. Сталина и В.М. Молотова с местоблюстителем патриаршего престола Сергием и митрополитом Алексием в ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. конфликт Церкви и Государства был в основном урегулирован. Впечатляющим свидетельством тому стало восстановление 8 сентября института патриаршества.

Для молдаван, как и для жителей Бессарабии других национальностей, Россия была их государством. Шла война, Россия воевала с Германией, и верность православию не оправдывала участия в войне против русских, даже «большевиков». Сведения о патриотической позиции Русской православной церкви достигали оккупированной Молдавии уже в первый период войны. Молдаване, уже в декабре 1942 г. доложила румынская полиция в Бессарабии, оправдывают свои симпатии к русским и России тем обстоятельством, что в СССР Церкви уже предоставлена свобода, а государству, якобы, «придан национальный характер и введено право на мелкую собственность»[444]. В марте 1943 г. шеф полиции Бессарабии доложил в Бухарест о распространении «сведений, согласно которым в Советской России церковь свободна и поддержана государством, реформами последнего времени возрождаются традиции старой национальной России». Отношение населения к румынской политике в Бессарабии, включая запрет разговаривать

[444] Там же. Д. 7025. Л. 347.

по-русски, он определил как «выжидательное». Но, особо выделив старообрядцев, отметил, что в своем кругу они высказывают «симпатии к СССР всякий раз, когда крупные мировые события кажутся им складывающимися в его пользу»[445].

«Избрание русского патриарха и свобода вероисповедания, объявленные Сталиным, – стремясь угадать пожелания начальства, доложил в сентябре 1943 г. шеф полиции Тигинского (Бендерского) уезда, – рассматриваются как советский маневр». Но другие функционеры оккупационной администрации расценивали ситуацию более адекватно. «Фарсом ликвидации Коминтерна и, особенно, восстановлением прав церкви, – отмечено в «Бюллетене контринформации» ССИ за сентябрь, – Советской России удается усыпить бдительность многих и понемногу возродить в душе национальных меньшинств надежду на возврат России к национальному и христианскому духу бывшей царской империи»[446]. Надеялись на это и молдаване. Независимо от этнической принадлежности, подчеркнуто в октябрьском «Бюллетене» контрразведки, крестьяне и рабочие верят советским радиопередачам[447].

Урегулирование в СССР отношений Церкви и Государства устраняло конфликт между патриотизмом, традиционной геополитической ориентацией молдаван на Российскую государственность и приверженностью православию, являвшейся у молдаван, как и у русских, и других православных народов, составной частью их культурной традиции. Победы Красной Армии радовали большинство населения Молдавии. Его патриотическая сплоченность крепла, румынская пропаганда, в том числе проводимая с церковных амвонов, теряла действенность.

После Сталинграда в Бессарабии отмечено укрепление позиций Православной церкви. Сообщая о росте саботажа и усилении просоветской пропаганды, ССИ отмечала вместе с тем снижение активности сектантов[448]. К лету 1943 г. их численность в Бессарабии, якобы, сократилась до 5763 чел.[449] Осенью, после избрания Патриарха Всея Руси, этот процесс усилился.

---

[445] Там же. Д. 4658. Л. 72.
[446] Там же. Д. 4672. Л. 179, 260.
[447] Там же. Д. 4661. Л. 83.
[448] Там же. Л. 331.
[449] Petrencu A. Op. cit. P. 157.

Расхищение церковных ценностей

Фронт приближался к Молдавии. Осенью 1943 г. на обоих берегах Днестра все более упорный характер приобрел невооруженный саботаж мероприятий оккупантов, активизировалось патриотическое подполье[450]. Правительство И. Антонеску направило губернаторам Бессарабии, Буковины и Заднестровья «План 1111» – план тотального изъятия и вывоза в Румынию материальных ценностей, имеющихся в оккупированных румынскими войсками Молдавии и областях Украины. Он предусматривал также принудительную эвакуацию из Бессарабии квалифицированного персонала промышленности, функционеров административных органов, учителей, врачей, а также священников. Губернаторство Бессарабия получило инструкцию № 660 500 в ноябре 1943 г., что «соответствующие мероприятия, доложил генерал О. Ставрат, – Губернаторством уже разработаны». Особо позаботился он об изъятии церковных ценностей. Инструкция по эвакуации, разработанная Губернаторством Бессарабия во исполнение «инструкции», включала пункт «Церковь» – подлинное наставление по грабежу. Он гласил: «Эвакуируются священники и певчие с их семьями. А также дорогая утварь, в первую очередь изготовленная из ценных материалов, и церковные книги, начиная с имеющих историческую ценность»[451].

Эти указания выполнялись неукоснительно. «Немецко-румынские оккупанты, – отметил после освобождения Кишинева генерал-майор Аношин, – отступая из города, ограбили знаменитый кишиневский кафедральный собор […]. Староста церковной общины Давид Коростоянов, прослуживший в этом соборе 40 лет, заявил, что немцы и румыны увезли из храма все ценные вещи, в том числе большой серебряный крест, серебряную чашу и другие серебряные и золотые вещи, забрали парчовые ризы священников, увезли большой набор евангелий в серебряной оправе, сняли серебряные ризы с икон, ободрали и закрасили в

---

[450] См.: Левит И.Э. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942–23. VIII.1944). Кишинев: Штиинца, 1983. С. 346–348; Коммунистическое подполье Молдавии. 1941–1944. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1984.

[451] НАРМ. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 210. Л. 2.

соборе художественные фрески работы русского художника Зорина»[452]. Из Ново-Нямецкого монастыря под предлогом сохранения были вывезены в монастырь Кэлдэруш под Бухарестом чудотворная Ново-Нямецкая икона Божией Матери в золотом окладе и в бриллиантах, в 1940 г. оцененная в 120 млн советских рублей, ризы к ней, обшитые золотом и драгоценными камнями, стоимостью 50 млн руб., 73 другие иконы, архиерейские облачения, священнические ризы, другие вещи большой исторической и материальной ценности[453]. Ценности не возвращены в Кицканский монастырь до настоящего времени.

Из других монастырей и церквей также были «эвакуированы» в Румынию церковная утварь, одеяния священнослужителей, богослужебные книги. Церковные ценности из ряда сел севера Молдавии были вывезены в румынское село Олтень (коммуна Бужорень, уезд Вылча). В январе 1945 г. советские представители обнаружили там похищенные из церкви села Плопь серебряный позолоченный киот, серебряный потир с позолотой, серебряные ложки, различные серебряные принадлежности, из церкви села Мындык – старинное Евангелие на славянском языке в серебряном окладе, книгу на молдавском языке (кириллицей) – «Поучения Симеона, архиепископа Фессалонийского», из церкви села Царьград – серебряный позолоченный киот в форме церкви с пятью куполами, разборный крест с серебряным пьедесталом, ризу, два комплекта одежды священника, вышитые один золотом, а второй – серебром, из церкви села Гринауцы – серебряный потир, серебряный крест, другие ценности[454].

Немецкие и румынские войска расхищали монастырские запасы зерна и других продуктов питания. Из Кицканского монастыря оккупанты увели 12 пар волов, 6 пар лошадей, 200 овец, 10 коров, вывезли 6 вагонов[455] ячменя, 8 вагонов пшеницы, 12 вагонов кукурузы и 6 вагонов вина. Успенский монастырь села Фрумоаса Бравичского района за время местонахождения в нем немецких и румынских солдат лишился

---

[452] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945. Сб. документов и материалов в 2-х т. Том I. На фронтах войны и в советском тылу. Кишинев. 1975. С. 463.

[453] Иеромонах Ириней (Тафуня). История Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря. Ново-Нямецкий монастырь. 2004. С. 83, 84.

[454] НА РМ. Ф. 1577. Оп. 4. Д. 64. Лл. 4–6.

[455] Один вагон по румынской терминологии был равен 10 т. – *П.Ш.*

всего скота и хлеба, а также паровой мельницы. Немецкое подразделение ограбило Суручанский монастырь и расстреляло двух 17-летних послушников – Антона Лунгу и Михаила Моцока. Все монахи были подвергнуты избиению, отчего 75-летний священник монастыря Иеремия (Виеру) скончался[456]. В Кишиневе оккупанты взорвали старинное здание Епархиального управления.

Колокольня Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого монастыря (с. Кицканы). Монастырские ценности, вывезенные румынскими оккупантами весной 1944 г., не возвращены до настоящего времени. Накануне Ясско-Кишиневской операции колокольня служила наблюдательным пунктом командующему 3-го Украинского фронта генералу Ф.И. Толбухину

[456] Н.В. Стратилат (так в тексте). Восточная церковная политика Румынии и положение православной церкви в Молдавии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Русская Церковь в XX веке. С. 183, 184. (http://christian-reading.info/data/2013/01/2013-01-08.pdf).

Кишинев, сентябрь 1944 г. Кафедральный собор уцелел.
Но от здания Епископии (слева внизу) остались только руины.
Фото: Общественное достояние

Монашествующие и партизаны

С приближением фронта к Молдавии районы Кодр, где имеются леса, а затем и южные уезды стали зоной действий партизан и карательных операций оккупантов[457]. В этих условиях священники-румыны уже в марте–апреле 1944 г. бежали на родину. Местные священники, скомпрометированные участием в политических мероприятиях румынской администрации, опасались преследований за коллаборационизм. Кроме того, уклонение от эвакуации могло быть расценено властями как намерение «изменить» Румынскому государству. Поэтому большинство их, – по оценке Народного комиссариата государственной безопасности МССР, до 80–90 процентов священников[458] – приказу об эвакуации подчинились.

---

[457] См.: Левит И.Э. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942–23.VIII.1944). Кишинев: Штиинца, 1983. С. 345–348; Шорников П.М. Цена войны. С. 95; его же. Молдавская самобытность. С. 291–293.

[458] Пасат В. Указ. соч. С. 323.

При осуществлении этого мероприятия, отмечает богослов Н.В. Стратулат, оккупанты смогли использовать пропагандистский эффект богоборческой политики большевиков[459]. «Большая часть городского и сельского духовенства, – констатировал архимандрит Варлаам (Кирица), – благодаря исключительно мерзкой и лживой немецкой пропаганде эмигрировала в Румынию»[460]. По существу «эвакуация» священников представляла собой еще одну их депортацию.

Агитации оккупантов не поддались монахи. В 1944–1945 гг. общая их численность превышала в Молдавии 1500 чел., все монастыри оставались действующими. Более 90 процентов монашествующих были выходцами из молдавских крестьян. Они разделяли отношение большинства молдавского крестьянства к России как своему государству и ненавидели оккупантов. Они уже были наслышаны о нормализации отношений Государства и Церкви в СССР. По этим причинам монашествующие остались на родине.

Более того, насельники монастырей, оказавшихся в зоне партизанской войны, рискуя жизнью, помогали партизанам и советским парашютистам. 25 января 1944 г. преследуемая румынской жандармерией десантная группа под командой лейтенанта Федора Абрамитова переночевала в монастыре **Хынку (Гинкуловском)** вблизи села Бурсук (Оргеевский район). Монахи накормили и обогрели парашютистов, дали им продуктов с собой. В феврале в монастыре нашли кров и пищу десантные группы под командой лейтенантов Андрея Макаренко и Ивана Чечеткина[461]. Вскоре эти группы были разбиты, несколько партизан попали в плен, но монахов, оказавших им помощь, не выдали.

В начале марта в леса к северу от Кишинева была заброшена группа организаторов партизанского движения под командой капитана Георгия Посадова. Он сформировал из местных жителей отряд им. Щорса численностью 29 бойцов. Затем к отряду Посадова присоединился отряд им. Дзержинского (командир – лейтенант Евгений Петров) – 12 бойцов. Монастырь Хынку стал базой двух отрядов. Партизаны уничтожили жандармские посты в селах Юрчены и Бобейка, провели и ряд других операций. 13 апреля 1944 года оба отряда покинули мо-

---

[459] Н.В. Стратилат (так в тексте). Указ. соч. http://christian-reading.info/data/2013/01/2013-01-08.pdf.

[460] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 148.

[461] Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. С. 341, 342.

настырь и, устроив южнее села Лозово (Страшенский район) засаду, разгромили немецкий обоз из 150 повозок, сопровождаемый сотней кавалеристов, и до 300 человек пехоты[462]. Хотя отряды состояли преимущественно из крестьян окрестных сел и партизаны навещали свои семьи, о пребывании отрядов в монастыре оккупанты не узнали.

Беда пришла с другой стороны. В апреле 1944 г. крестьяне, скрывающиеся в оргеевских лесах от мобилизации в румынскую армию, объединились в три партизанских отряда под общей командой летчика лейтенанта Евгения Ярмыкова. В середине мая между селами Рашково и Иванча партизаны разгромили немецкий обоз. Оккупанты провели прочесывание лесов, и к 25 мая полевое гестапо 6-й немецкой армии схватило 29 крестьян, скрывавшихся от мобилизации. В ходе допросов гестаповцы получили сведения о связях партизан с монахами, видимо, неопределенные. В начале июня 18 насельников монастыря Хынку, вся братия, были схвачены румынской жандармерией и допрошены «с пристрастием». Монахи ни в чем не признались, тем не менее, их под конвоем конных жандармов угнали в Румынию и заключили в тюрьму города Брэила[463].

В апреле–мае 1944 г. перестрелки партизан с румынскими жандармами имели место также в Лукашевском лесу (Оргеевский район). Партизанам, установили гестаповцы, помогают насельники монастыря **Курки**, и схватили несколько монахов. Несмотря на пытки, признательных показаний они не дали, новых задержаний не последовало. Тем не менее подследственные были казнены. Как выяснилось после войны, их предали настоятель монастыря Феофилакт (Попович) и монах Спиридон (Мунтян). Они же предали 6 советских парашютистов, которые были оккупантами пойманы и убиты[464].

Превратив помещения монастыря в застенок, каратели начали доставлять туда и допрашивать под пыткой крестьян окрестных сел, подозреваемых в связях с партизанами. У стен монастыря были расстреляны 17 жителей села Сесены – партизанские связные и члены семей партизан[465]. Но крестьяне продолжали помогать партизанам, и лес близ монастыря Курки остался местом сбора партизан[466].

---

[462] Там же. С. 349–350.

[463] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. С. 389, 404, 440.

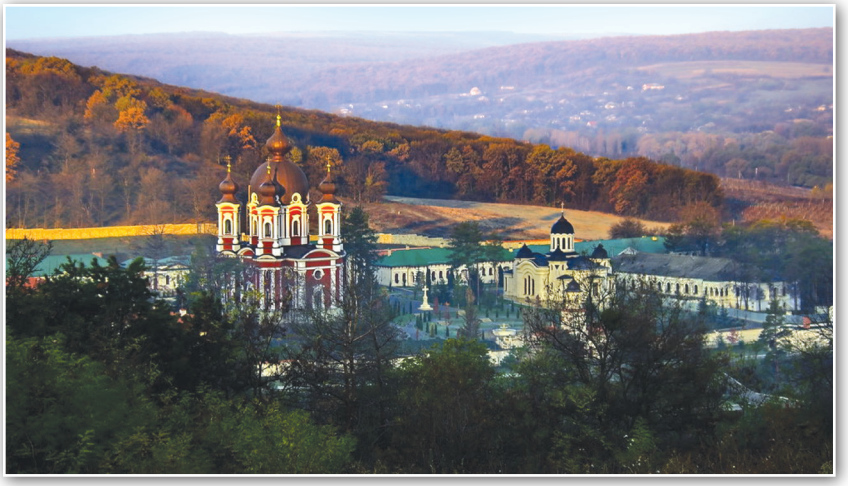
[464] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 201–206.

[465] Цопа Т. Огненные цитадели. Кишинев. Картя Молдовеняскэ, 1978. С. 143.

[466] Moraru P. Armata lui Stalin vazută de români. Bucuresti: Ed. Militară, 2006. P. 305.

Гинкуловскій монастырь.

Дореволюционный снимок[467]*. В 1944 г.*
насельники монастыря помогали партизанам



Монастырь Курки[468]*. Современный вид*

[467] http://www.moldovenii.md/ru/library/photo/album/396/id/6039.
[468] http://img-6.photosight.ru/583/4007443_large.jpg.

19 марта 1944 г., после боев партизан отряда «Журналист» и им. Фрунзе с немецкими войсками в Ральском лесу и с жандармами в лесу монастыря Фрумоаса, жандармерия разместила карательные подразделения и в этой обители. Тем не менее, партизаны действовали в этом районе, скрываясь в монастырском лесу, до конца апреля. 29 апреля оба отряда прорвались через линию фронта в долине речки Кулы[469].

Монастырь Фрумоаса. Фото 30-х гг.[470]

В апреле группа разведчиков Красной Армии во главе с офицером Борисом Коляденко нашла укрытие в **Кондрицком монастыре**. Однако местные партизаны одну за другой перебили две группы немецких и румынских мародеров, пришедших в село Кондрица с целью грабежа. Узнав об этом, разведчики ушли в лес. Как оказалось, вовремя. 27 апреля в монастырь с целью реквизиции продовольствия прибыла немецкая интендантская команда. Бойцы Кондрицкого отряда решили уничтожить и ее. Партизан Василий Сырбиян, уверенный в том, что монахи его не предадут, пришел в монастырь и пересчитал грабителей. Из засады, устроенной прямо в селе, партизаны перестреляли унтерофицера и 10 солдат противника. Часть мешков с зерном крестьяне воз-

---

[469] Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. С. 348, 350.
[470] http://sobory.ru/pic/26800/26832_20151030_235146.jpg.

вратили в монастырь, остальные спрятали по дворам. Однако в бою погиб и командир отряда Павел Попович, а один из немецких «интендантов» сумел скрыться. 29 апреля Кондрицу оцепил карательный отряд. Мужчины села были согнаны в трапезную монастыря и подвергнуты чудовищной пытке: людей ставили босиком на раскаленную плиту. Палачам удалось вырвать у крестьян имена пятерых односельчан, связанных с партизанами. Они были схвачены жандармами и расстреляны[471]. Монахов, укрывавших парашютистов, крестьяне не выдали.

Снабжали партизан продуктами также 7 насельников Цыганештского монастыря[472].

Помогая партизанам, монахи выражали преобладавшее среди молдавских крестьян отношение к России/СССР как своему государству. Расхождений между их верой в Бога и патриотическими чувствами не существовало.

Кондрицкий монастырь. Снимок сделан немецким солдатом, вероятно, во время карательной операции 29 апреля 1944 г.[473]

---

[471] См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. С. 203, 204, 410, 411, 414; Шорников П. Кондрица, 1944 // Советская Молдавия. 1973. 24 августа; его же. Неизвестный из 1944 года // Молодежь Молдавии. 1975. 15 ноября; его же. Дело было в Кондрице // Молодежь Молдавии. 1975. 5 декабря; его же. Памяти Павла Поповича // Штиинца. 1984. 6 декабря.

[472] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 201–206.

[473] http://www.allfun.md/article/27680.

Трапезная Кондрицкого монастыря[474]*. Современный вид*

* * *

Бессарабская митрополия Румынской патриархии представляла собой звено оккупационной администрации. Борьбу против молдаван-сторонников богослужения по старому стилю, русских старообрядцев и других инаковерующих румынские власти вели методами насилия и террора. Причастность священнослужителей к власти, служба преступному режиму подрывали престиж Церкви среди верующих и способствовали распространению сектантства. Функционирование Церкви в системе оккупационной администрации подорвало ее престиж в обществе в гораздо большей степени, чем атеистическая пропаганда предвоенного периода. Церковная политика Бухареста ввергла Православную церковь Бессарабии в глубокий кризис. Однако народное православие возобладало. В религиозном и политическом плане политика духовного насилия оказалась практически безрезультатной.

---

[474] http://m.moldovenii.md/resources/files/photo/c/f/cf4649c30b58d7572528cbb840d61dc3_269.JPG.

VIII. БУГО-ДНЕСТРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПОВТОРНОЕ ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ ИЛИ ПРАВОСЛАВНЫЙ РЕННЕСАНС?

В отличие от Бессарабии и Буковины, на Одесскую область Украины и Молдавское Поднестровье власть Бухареста, ни политическая, ни каноническая, никогда прежде не распространялась. Свою юрисдикцию на эти территории Румынская церковь распространила в 1941 г. без согласования с Московской патриархией, то есть канонически незаконно. Отметим: при этом Румынская церковь лишь выполняла решения диктатора. Она направила в Заднестровье церковную миссию. 19 августа миссия обосновалась в Тирасполе, а осенью 1942 г. перебралась в Одессу. И. Антонеску лично давал указания, как подбирать «миссионеров» и как осуществлять «миссионерскую» деятельность. Во главе миссии был поставлен начальник богословского факультета Бухарестского университета архимандрит Юлий (Скрибан), молдаванин, естественно, знавший русский язык. Деятельность Украинских автономной и автокефальной церквей в Транснистрии допущена не была[475].

Церковная жизнь между Днестром и Бугом была разрушена. Из 891 церквей, действовавших на этой территории в 1917 г., к осени 1941 г. осталось 363 закрытых церкви, 269 церквей были частично разрушены, 258 были разрушены полностью и только одна действовала[476]. Молодежь была воспитана в духе атеизма. За почти четверть века антицерковных гонений православная традиция во многом была забыта и старшим поколением. Решение Скрибана о переводе богослужения с Юлианского на Григорианский календарь не встретило протестов верующих. Однако оккупация началась с геноцида евреев. В тюрьмах и концлагерях Заднестровья томились десятки тысяч политических заключенных всех национальностей. Населению был оставлен выбор – смерть или голодное существование на положении рабов без шансов на образование и социальное продвижение. Под влиянием бедствий войны и оккупации религиозность возросла. Член «миссии» архиман-

---

[475] Режим доступа: http://собор.narod.ru/txt/odessa/war.html.

[476] Там же.

дрит Антим (Ника), уроженец Оргеевского уезда Бессарабии[477], естественно, знавший русский язык, отмечал массовое крещение жителями детей и большое количество венчаний.

К весне 1942 г. из имевшихся в области 150 православных клириков были утверждены 19 священников, 3 диакона и 8 псаломщиков. Бывших «обновленцев» принимали через покаяние. Вопрос же о принятии «липковцев» и отрекшихся ранее от веры еще находился на рассмотрении Синода РумПЦ. Священники, прибывшие из Румынии и Бессарабии, делились на две части: миссионеры, по определенному плану объезжавшие несколько десятков населенных пунктов, которых весной 1942 г. насчитывалось 89, и назначенные на более продолжительное время настоятели приходов, общим числом около 70. В большинстве случаев это были священники, присланные на шестимесячный срок из Кишиневского митрополичьего округа, где местные священнослужители знали русский язык. Управляющий этого округа рекомендовал своим священникам полугодовую службу в Транснистрии. Во время оккупации на территории области начали функционировать 12 монастырей и до 500 храмов. На 30 июня 1942 г. здесь служили 287 священников, 18 диаконов и 106 псаломщиков. Сам факт открытия большинства храмов свидетельствует о включении в церковную жизнь сотен тысяч людей.

Восстанавливая церковную структуру, румынская миссия стремилась содействовать решению общих задач оккупационной администрации – нейтрализации коммунистической идеологии и румынизации населения Заднестровья. Учитывая нехватку священнослужителей, Румынский Синод дал распоряжение рукополагать местных русских – из лиц, имеющих необходимое образование. Но русские священники, которым довелось служить в Транснистрии, впоследствии свидетельствовали, что «миссионеры» подозревали их в русофильстве, а получение церковных должностей требовало преодоления многочисленных искусственных препятствий. В церковной миссии, как и в других румынских учреждениях, процветали взяточничество, вымогательство и поборы. Поскольку служение Богу было связано с унижениями и мздоимством, на этот путь становились немногие. Созданную таким

[477] Ciorba V. Op. cit. P. 121.

образом нехватку местных священников администрация использовала в целях румынизации клира, комплектуя его священниками-румынами. Но священнослужителей не хватало. К осени 1942 г. население области между Днестром и Бугом, превышавшее 2,3 млн чел., окормлял всего 461 священник, в том числе 196 местных уроженцев и 265 священнослужителей, направленных патриархией Румынии. Это было менее трети потребного числа священников.

В 1941–1943 гг. в Заднестровье были отремонтированы 474 церкви; кроме того, открылись 119 молельных домов, 10 монастырей. Это была политико-пропагандистская мера. В ремонте 19 церквей приняли участие румынские солдаты. Одну из православных церквей отремонтировали немецкие солдаты – лютеране и католики. Во многих местах румынская администрация выделяла церквям землю, по 5–10 гектаров на церковь. С 1 марта 1942 г. при Одесском университете начали работу богословские курсы для студентов всех факультетов. В будущем планировалось учредить в Одессе богословский факультет. 30 ноября 1942 г. в Дубоссарах была открыта Духовная семинария. Ее ректором назначили румынского священника Думитру Христеску и приняли на обучение 80 студентов. На семинарию возлагалась задача румынизации церковной жизни, а в перспективе – и населения Заднестровья, поэтому занятия в ней проводились на румынском языке. По соседству с Дубоссарами, в селе Кошница, был возрожден скит Св. Михаила[478]. С января 1943 г. в Одессе действовала Православная духовная семинария с обучением на русском языке. Обеспечивая себе духовную монополию в области, Румынская патриархия запретила в «Заднестровье» деятельность Украинских автономной и автокефальной церквей, которые существовали в зоне немецкой оккупации – в «рейхскомиссариате Украина».

Открытие, реконструкция и ремонт церквей, постройка новых храмов потребовали значительных средств, и румынские власти собирали их с населения. Кроме того, Губернаторством Транснистрия предоставлялись прихожанам специальные кредиты, с обязательством вернуть их после открытия церквей. Население, – как правило, в порядке выполнения трудовой повинности – участвовало в ремонтных работах

---

[478] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1054. Л. 125.

и сборах средств на восстановление храмов, но данных о том, что такую поддержку Церкви властями верующие рассматривали как заслугу оккупантов, не имеется. Политическая функция церковных структур была очевидной.

Как и в Бессарабии, оккупационная администрация Заднестровья видела в Церкви прежде всего орган пропаганды. Христианская пропаганда, доложило в КББТ Губернаторство, противопоставлена идеологии коммунизма на страницах газеты «Гласул Ништрулуй», выпуск которой начат в октябре 1941 г. Газета помещала материалы на молдавском (кириллической графикой) и русском языках[479].

Добиваясь поддержки оккупационной политики населением, руководители миссионерских структур и «светская» румынская администрация проводили также специальные курсы и совещания. С расчетом внушить верующим почтение к Румынии использовались также религиозная литература, проповеди, благотворительность. В храмах румынские миссионеры принуждали прихожан покупать портреты Гитлера, Муссолини, Антонеску, восхваляли и прославляли их. Каждое политическое событие румынские миссионеры сопровождали богослужениями с кощунственными просьбами к Богу оказать помощь захватчикам. Как праздники отмечала оккупационная церковь годовщины нападения Германии и Румынии на СССР, даты захвата городов, дни рождения Гитлера. В честь румынских солдат, погибших на войне, проводились торжественные заупокойные панихиды. Духовенству было предложено во всех храмах по воскресеньям устраивать «религиозно-нравственные чтения» с прославлением «освободителей»-оккупантов. В Одессе и Тирасполе во всех церквах служили торжественные молебствия по случаю дня рождения и дня ангела губернатора Алексяну. В оккупационной печати румынские миссионеры и их местные прислужники выступали с клеветническими выпадами против Патриарха Московского и Всея Руси Сергия и Священного Синода.

В Одессе, Тирасполе, Рыбнице, Балте и ряде других городов были открыты «дома христианской культуры» – своего рода церковные клубы, где «миссионеры» проводили собрания верующих, лекции, вечера

---

[479] Там же. Д. 518. Л. 185.

с пением румынского гимна. Большое внимание уделяли члены миссии постановке религиозной пропаганды среди рабочих. На предприятиях для них устраивались специальные лекции, сопровождаемые чтением стихов, пением, музыкой. Румынские миссионеры использовали в своих целях радио, кино, театр. В селах священники создавали религиозные «кружки культуры». Объектами внимания румынских «миссионеров» являлись также тюрьмы, трудовые и концентрационные лагеря, лагеря для военнопленных. Специальные священники «обслуживали», – не предприняв ни одной попытки смягчить установленный там чудовищно жестокий режим содержания заключенных, – Тираспольскую центральную тюрьму для политзаключенных и такой же застенок в Рыбнице. В Одессе румынская церковная миссия располагала издательством и типографией, выпуская антиславянскую и антисоветскую пропагандистскую литературу, а также журналы.

Важнейший участок своей деятельности оккупанты в рясах усматривали в воздействии на детские умы. В школах они «работали» как с учащимися, так и с педагогами. Было введено преподавание Закона Божия, причем уроки эти «миссионеры» сопровождали чтением румынской шовинистической литературы и заучиванием румынских националистических гимнов и стихотворений. В Одесском университете была учреждена кафедра богословия, располагавшая библиотекой книг румынского националистического и профашистского антиславянского, антирусского и антиукраинского толка. Студентов обязали слушать курс богословия, который читал румынский миссионер архимандрит Антоний Харгел. Летом 1942 г. для педагогов были организованы богословские курсы, в Одессе их посещали 200, а в Тирасполе – 150 учителей.

И все же масштабы восстановления церковной структуры не соответствовали видам Бухареста. К осени 1942 г. в Заднестровье действовала только одна церковь на 6–7 сел. А главное, с поставленными перед ней политическими задачами румынская церковная миссия явно не справлялась. В ноябре 1942 г., когда румынские войска были под Сталинградом разгромлены, а немецкие окружены, Ю. Скрибан, не сумевший добиться авторитета у клириков и верующих, был заменен епископом Виссарионом (Пую), выпускником Киевской духовной академии, хорошо знавшим церковно-славянский, русский и украинский языки, бывшим митрополитом Буковины.

В начале войны в Европе, 14 сентября 1939 г., Виссарион направил И.В. Сталину письмо, в котором попытался убедить его в том, что

гонения на церковь наносят ущерб СССР. «Было ли необходимо, – вопрошал митрополит, – чтобы революция потрясла русскую церковь? – Нет, это была ошибка революционеров, приведшая к расколу народа. Ее пора устранить. – Может ли вера, религия принести пользу новому русскому государству? – Да, ибо будет способствовать умиротворению государства, ускорит реализацию программы революции»[480]. Письмо было перехвачено сигуранцей и вызвало переполох в церковных кругах. Митрополичьей кафедры Виссарион лишился. Но его аргументация произвела впечатление на И. Антонеску, также находившегося не у дел; они познакомились и продолжали общаться и после прихода генерала к власти. В Одессу В. Пую был направлен по инициативе диктатора. Виссарион пользовался правом личного обращения к «правителю», что обеспечивало ему определенную независимость как от патриарха Румынии Никодима, так и от губернатора Г. Алексяну.

Одесса, 6 декабря 1942 г. Глава Румынской церковной миссии в Буго-Днестровской области Виссарион Пую благословляет оккупационные войска[481].
Неужели Румынская церковь непричастна к политике территориальных захватов?

[480] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5407. Л. 14.
[481] basarabia-bucovina.info.

В Одессу Виссарион прибыл 6 декабря 1942 г. Он ощущал себя церковным наместником «правителя» в Заднестровье, и при решении ряда вопросов церковной жизни обращался не к патриарху, а к И. Антонеску. «Завоевание любого народа, – размышлял он в письме к диктатору от 5 января 1943 г., – начинают оружием, продолжают данной ему администрацией, но оно не может быть завершено иным образом, нежели его духовным завоеванием…»[482]. Нехватка священнослужителей, указал духовный «завоеватель» далее, препятствует дальнейшему развертыванию церковной сети. По мнению Виссариона, в Заднестровье требовалось не менее 2000 священников[483]. В целях повышения эффективности управления церковными учреждениями и контроля над клиром Виссарион разделил Заднестровье на три епархии: Северную – с центром в Тульчине, Центральную – с центром в Балте и Южную – с центром в Одессе. Во главе Северной епархии был поставлен архимандрит Антим (Ника), во главе Центральной – епископ Василий (Стан), в Одессе главой епархии остался сам Виссарион. Патриарх Румынии Никодим дал ему назначение быть епископом Одесским и всея Транснистрии, но свои письма к Антонеску Виссарион подписывал титулом «митрополит». Ближайшими помощниками главы миссии являлись 14 благочинных.

Поддерживая политику румынизации населения Заднестровья, Виссарион вместе с тем считал политически целесообразным дозировать лингвистическое насилие. В Транснистрии, докладывал он диктатору 20 мая 1943 г., имеется 607 приходов, в том числе 62 с молдавским и 98 – со смешанным населением; итого проводить церковную службу на румынском языке следует в 160 приходах. Для 447 приходов с украинским, русским и болгаро-украинским населением следует изыскать священников, знающих славянский язык[484]. Он не препятствовал совершению богослужений на церковнославянском языке, нередко сам читал проповеди на русском. Из местного духовенства поощрял тех, кто принадлежал в советский период к канонической Церкви, «обновленцев» и самосвятов принимал в клир только после их перерукополо-

---

[482] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1049. Л. 6.
[483] Там же. Лл. 7,8.
[484] Там же. Д. 1054. Л. 459.

жения. Используя полномочия, данные ему «правителем», в феврале 1943 г. Виссарион сообщил ему о массовом удержании предпринимателями и администраторами заработной платы рабочих. Эта практика, отметил иерарх, порождает недовольство румынской властью. Министр Дэнулеску, которому диктатор поручил проверить сигнал, согласился с Виссарионом, доложив «правителю», что «в Транснистрии не следует применять те же установления, что и в Королевстве», т.е. в Румынии.

В области проживало немало русских староверов. Примечательна характеристика, данная в 1942 г. румынским префектом Тираспольского уезда Помпилиу Джорджеску жителям большого, с 10 286 жителями, старообрядческого села Плоское близ Тирасполя: «Хорошие хозяева, но на праздники любят выпить, а выпив – подраться»[485]. Стремясь наладить отношения со старообрядцами, Пую, как отмечено, обратился к И. Антонеску с ходатайством об освобождении Белокриницкого митрополита Тихона Качалкина, взятого под стражу румынской полицией[486]. Этими мерами Виссариону удалось завоевать некоторое доверие у православных русских и украинцев.

Но этнокультурная, социальная и политическая пропасть между «миссионерами» и верующими сохранялась. «Миссионеры» – за исключением выходцев из Бессарабии – не знали ни церковнославянского, ни русского языка, и верующие, включая молдаван, плохо понимали их. Румынские клирики приезжали в Транснистрию, как отмечено, на 6 месяцев. В оккупированной области им выплачивали тройное жалование. Румынские священники получали по 600 марок РККС в месяц, тогда как местные – русские, украинцы, молдаване – всего 200. За «миссионерами» сохранялись доходы по прежним приходам. Кроме того, им выдавали промтоварный и продовольственный пайки, предоставляли возможность получать деньги за требы с населения и изыскивать другие доходы. Многие из них занимались спекуляцией, скупали ценности, вымогали деньги у верующих. Развращенные своей причастностью к власти и «вахтовым» порядком службы, «миссионеры» курили на улицах, посещали рестораны, не скрываясь заводили близкие отношения с женщинами.

---

[485] Одесский областной государственный архив. Ф. 2249. Оп. 1. Д. 760. Л. 110.
[486] Там же. Д. 19. Лл. 266, 267.

Религиозной свободы не существовало. Часть «миссионеров» являлись штатными информаторами сигуранцы, иные доносили по собственной инициативе. С их помощью к 1 августа 1943 г. румынская полиция выявила в Буго-Днестровской области 4069 инаковерующих, в том числе 2470 евангелистов, 588 баптистов, 521 старообрядца-беспоповца, 225 адвентистов, сотни старостильников, инокентьевцев и других[487].

Прихожане узнавали об арестах патриотически настроенных лиц, проведенных полицией по доносам румынских священников, о других неприглядных поступках «миссионеров». В конце апреля 1943 г., при насильственном переселении из Рыбницкого уезда 3000 украинцев, румынский священник Калофетяну, служивший в церквах сел Вада-Турково и Белочи, собрал у жителей, подлежащих «депортации», ковры, одеяла, полотенца, подушки и другие вещи, а также 700 оккупационных марок, пообещав взамен ходатайствовать об отмене приказа об «эвакуации». Тем не менее, депортация состоялась. «Такое поведение Калофетяну, – отмечено в донесении ССИ, – произвело удручающее впечатление на местных жителей»[488]. Принадлежность к оккупационной администрации привела к изоляции «миссионеров» и от местных священнослужителей, и от паствы. В Заднестровье они оставались чужаками.

На политическое поведение верующих все более значительное воздействие оказывала патриотическая позиция Русской православной церкви. Сведения об урегулировании отношений Советского государства и Православной церкви проникали и в Заднестровье, соединяя в сознании слушателей любовь к Родине с верой в Бога. Сопротивление населения Буго-Днестровской области обрело также религиозный характер. Уже в 1942 г., когда для возобновлявших свою деятельность монастырей и храмов привозили утварь из Румынии, это вызывало протесты населения. Активизировались секты. Адвентисты Бессарабии, сообщала сигуранца, установили связи с адвентистами Румынии. Осенью 1943 г. стало известно, что группа адвентистов, проживающих в Бендерах, через сектантов – румынских офицеров установила кон-

---

[487] Там же. Д. 518. Л. 33.

[488] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Том II. В тылу врага. Кишинев. 1976. С. 150.

такты с советскими военнопленными-адвентистами, содержавшимися в лагере Суклея[489], и, вероятно, оказывала им помощь. В начале 1944 г. старообрядческий священник о. Сергей (Колесников) и старообрядцы – жители села Плоское укрыли 8 советских парашютистов. 70 жителей села вступили в партизанский отряд[490].

После Сталинграда священники-румыны под различными предлогами все более настойчиво добивались досрочного возвращения в Румынию. За март–апрель 1943 г. их численность в области, несмотря на прибытие «пополнений», сократилась на треть – до 182 чел. Возможности заменить местными священнослужителями не имелось. Из-за плохого понимания румынского языка и политических причин молдаване учиться в Дубоссарской семинарии не желали, к осени 1943 г. там по-прежнему числились всего 82 слушателя. В Одессе члены церковной миссии не могли изыскать желающих получить духовное образование на украинском языке, и священников для работы в украинских приходах и школах с обучением на украинском обучали на русском языке[491]. Поэтому главную ставку Виссарион все же сделал на использование священников, направляемых в область из-за Днестра. 20 мая он предложил «правителю» мобилизовать в Бессарабии 165, а в Пруто-Карпатской Молдове – еще 65 священников, знающих славянский язык, и направить их в Транснистрию. Демарш не возымел действия, и 3 июня 1943 г. митрополит вновь обратился к И. Антонеску с просьбой «объявить мобилизацию священников в Молдове и Бессарабии». Из потребных 2000 священников, повторял он, есть только одна четверть[492].

Видимо, под давлением правительства патриархия Румынии приняла требуемые меры. С 10 августа по 15 сентября в Заднестровье прибыли и получили приходы 57 румынских священников. К октябрю 1943 г. число местных священников возросло до 213, а число священников-румын – до 328[493]. Ставка на румынизацию клира, таким образом, осталась неизменной. Стремясь воодушевить «миссионеров», 15 октября

---

[489] НА РМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4666. Л. 477.
[490] Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. С. 341.
[491] НА РМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1054. Лл. 128, 130.
[492] Там же. Лл. 454, 459.
[493] Там же. Лл. 223, 124.

1943 г. Виссарион представил к награде директора Дубоссарской семинарии Думитру Кристеску и преподавателя Иоана Григориу[494].

Однако сдержать распад румынской церковной структуры было не в силах главы миссии. По мере приближения фронта отток румынских священнослужителей на родину стал неодолимым. Пую чинил им препятствия, продолжал настаивать перед духовными и светскими властями Бухареста на направлении в Транснистрию все новых групп румынских клириков. Однако сам митрополит также был не прочь покинуть место своего служения. В ноябре 1943 г., когда Красная Армия освободила Киев, он обратился не к патриарху Румынии, а к Антонеску с просьбой разрешить ему выехать на лечение за границу.

Хотя медицинские показания к тому у престарелого иерарха, надо полагать, имелись, диктатор не отозвался на его попытку покинуть Одессу. Но о. Виссарион спешил. 1 декабря он направил «правителю» очередное письмо, в котором подвел неутешительный итог своей «миссионерской» деятельности. Дубоссарская семинария, признал он, прекратила существование, поскольку «немногие семинаристы, набранные из старых дьяконов и певчих, из страха большевистского вторжения в Транснистрию разбежались по домам». Румынские священники дюжинами подавали прошения о представлении «отпусков», мотивируя их болезнями жен, детей и других родственников. Что оставалось делать ему, митрополиту? «Считаю мой годовой мандат завершенным, дабы не продолжать его в условиях, меня компрометирующих, и дабы не остаться командующим без офицеров, без войск и без оружия, прошу о возвращении меня в мою келью в монастыре Нямц (скит Вовидения), где я мог бы позаботиться о здоровье и об утешении хотя бы моей души»[495].

Завершить мандат главе миссии помогли не эти признания, а его недоброжелатели в администрации Транснистрии и в церковных структурах Румынии. Меры владыки Виссариона по налаживанию добрых отношений с верующими, особенно использование им русского языка в богослужении и в общении с клириками и прихожанами, прежде терпимые гражданской администрацией Транснистрии как тактические

---

[494] Там же. Д. 1055. Л. 149.

[495] Там же. Д. 1054. Лл. 160, 93–96.

уловки, осенью 1943 г., когда недовольство диктатора политическими итогами его деятельности стало очевидным, были истолкованы как нежелание считать первоочередной задачей миссии румынизацию населения. В декабре 1943 г. митрополит был отозван из Заднестровья.

Преемником Виссариона (Пую) в должности начальника миссии стал архимандрит Антим (Ника). Он ужесточил курс на румынизацию церковной жизни области. В то же время Антим воспротивился попытке проникновения в область Украинской автокефальной церкви. Когда в Одессу приехали шесть священников этой церкви и вознамерились проводить в греческой церкви богослужения на украинском языке, Румынская миссия не приняла их в свои ряды. Автокефальным священникам пришлось уехать в Болгарию[496]. В феврале 1944 г. Антим был хиротонисован в Бухаресте во епископа Измаильского и Транснистрийского, но уже в конце месяца продвижение Красной Армии вынудило миссию покинуть Одессу и переехать сначала в Тирасполь, а затем в Измаил. Вместе с Антимом эвакуировались и «миссионеры».

Опасаясь наказания за сотрудничество с врагом, в начале 1944 г. из Заднестровья бежали и некоторые русские священнослужители. Их судьба оказалась прискорбной. По инициативе Антима Измаильской епископией была учреждена комиссия по проверке документов у священников – русских и украинцев, прибывших из-за Днестра. Их не допускали к занятию приходов, лишали права церковного служения. Тех, кого уличали в нежелании проводить румынизацию населения, комиссия передавала румынской жандармерии для отправки их в концлагеря[497].

Будущее было за оптимистами. После бегства оккупантов управление всей церковной жизнью Приднестровья взял на себя настоятель Одесского Свято-Пантелеймонова монастыря выходец из Бессарабии о. Василий (Солтици).

---

[496] Румынская религиозная политика на Юго-Западе Украины // М.В. Шкаровский. Нацистская Германия и Православная Церковь. Режим доступа: http://собор.narod.ru/txt/odessa/war.html.

[497] См. подробнее: Шорников П. Православная церковь «Заднестровья» в годы румынской оккупации. 1941–1944 годы // Покровские чтения. Книга 8. Статьи и материалы. Тирасполь. 2006. С. 62–67; его же. Румынская церковная миссия в «Заднестровье» (1941–1944) // Мысль [Кишинев]. 2006. № 4 (34). С. 84–87.

Румынская церковная миссия в Буго-Днестровской области представляла собой оккупационное учреждение, обладавшее определенной автономией в аппарате т.н. Губернаторства Транснистрия. Меры по возрождению церковной жизни осуществлялись оккупантами методами насилия. Деятельность миссии была направлена на установление духовного контроля над населением и его румынизацию. Эти цели достигнуты не были. Возрождение церковной жизни в Буго-Днестровском междуречье в годы румынской оккупации носило ограниченный характер и состоялось не благодаря политике Румынской церкви, а вопреки ей. Народное православие возобладало и на этой территории.

IX. МОЛДАВСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны в СССР состоялся переход Государства от конфронтации с Церковью к сотрудничеству на патриотической основе. Изменение государственно-церковных отношений никто не мог истолковать как свидетельство слабости сталинского руководства. Главный, символический акт этого процесса, восстановление патриаршества, состоялся после коренного поворота в войне. Тем самым был задействован важный фактор патриотического сплочения народа. Его действие проявилось и в отношениях верующих и духовенства Молдавии с бойцами Красной армии, во вкладе монашествующих в усилия народа на завершающем этапе войны.

Список священнослужителей, наказанных за политические преступления, весьма краткий (см. далее), не позволяет трактовать политику СССР в Молдавии как антицерковную. Поэтому ряд историков Церкви, ориентированных на обличение безбожной власти[498], основное внимание уделяют процессу закрытия монастырей в 50-е–60-е гг. и противоправным действиям местных органов власти и их пособников среди духовенства, и квалифицируют этот период истории молдавской Церкви как время, когда «монашеская жизнь и монастыри Кишиневско-Молдавской епархии испытали сокрушительный удар со стороны тоталитарно-коммунистического режима». На основании комплекса архивных документов о хозяйственной деятельности монастырей проблема сотрудничества советских органов и монастырей Молдавии решена в монографии В.А. Содоля «Монастыри Советской Молдавии»[499].

Весной 1944 г. фронт пролегал по линии Днестра от Черного моря до Дубоссар и далее на Оргеев и Корнешты. Бои на территории Молдавии продолжались полгода, до конца августа. Согласно данным Республиканской чрезвычайной государственной комиссии по установ-

---

[498] См.: Иосиф (Павлинчук), иеромонах. Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь, 2004; Tihonov L. Politica statului sovietic faţă de cultele din RSS Moldovenească. Chişinău, 2004; Beşleagă V. Cruci răsturnate de regim. Mănăstirea Răciula. 1959. Chişinău, 2006.

[499] См.: Содоль В.А. Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность (1944–1962 гг.) Тирасполь, 2015.

лению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в ходе военных действий были полностью уничтожены 44 церкви, 2 часовни, 1 костел, а также здания 65 синагог. Ещё 22 церкви, 1 костел и 17 синагог были повреждены частично. Православные церкви были повреждены при артиллерийских обстрелах и воздушных налетах. Со старого собора в Кишинёве на Павловской улице снарядом была сорвана крыша, разбит притвор. В селе Устье напротив Дубоссар немецкие артиллеристы, стреляя прямой наводкой, разрушили церковь, в селе Кочиеры – колокольню. Чудом уцелел Ново-Нямецкий монастырь, оказавшийся в центре Кицканского плацдарма советских войск. Общий материальный ущерб, причиненный зданиям, оборудованию и утвари религиозных культов Молдавской ССР, подсчитанный на основании 200 актов об ущербе, не включал стоимости большей части исторических и художественных сокровищ, вывезенных оккупантами в Румынию, тем не менее, оказался значительным. Он составил 91,5 млн рублей. Около 90 процентов этого ущерба пришлось на церкви[500].

Тяжкий ущерб нанесла церковной жизни на территории Молдавии «эвакуация» священников в Румынию, осуществленная оккупационными властями весной 1944 г. Церковная структура была разрушена. Священник Владимир Поляков возвратился во Всехсвятскую старокладбищенскую церковь в Кишиневе, о. Николай Климович – в бельцкую церковь, заняли свои прежние приходы некоторые другие священники, утратившие их в годы оккупации. Осенью 1944 г. возвратилась на родину часть священников-беженцев. Тем не менее, в конце войны Кишиневско-Молдавская епархия, имея 950 храмов и 25 монастырей, располагала менее 200 священниками[501]. Именно по этой причине в Кишиневской епархии в 1944–1945 гг. не действовали более 400 храмов. В Бессарабии, справедливо отмечает В.И. Пасат, это был первый этап массового закрытия церквей[502].

Священнослужители, избавленные от чуждого священноначалия, поступали в соответствии с собственными представлениями о своем долге пастырей и граждан. В период боев многие священники и монахи оказывали помощь Красной армии. «Не следовало бы писать об

---

[500] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 156–62.
[501] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 34, 101.
[502] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. С. 36.

этом, – читаем в письме священника Успенской церкви села Ботушаны Рыбницкого района Михаила Пашинского председателю Совета по делам Русской православной церкви при правительстве СССР Г.Г. Карпову, – но не могу умолчать, что при прохождении фронта через наши места я накормил и напоил не меньше 50 человек наших воинов, когда фронт установился в 3-х километрах [от с. Ботушаны], я в окопы героям нашим послал не меньше 15-20 пудов печеного пасхального хлеба и больше 1000 яиц вареных; над развернувшимся в нашей деревне военным госпиталем я взял шефство и совместно с организованными мною женщинами в течение 2-х месяцев снабжал [госпиталь] всеми необходимыми продуктами. Пока устраивалась кухня, я лично целую неделю кормил раненых, среди своих прихожан собрал 10 тысяч рублей и внес в Рыбницкий госбанк на имя Главной Ставки в пользу инвалидов войны, красноармейцев и их командиров»[503]. Священник села Катериновка Каменского района Феодор Карчевский собрал для раненых бойцов Красной Армии 316 кг продуктов (орехи, вяленую сливу, сушеные яблоки и груши) и 2011 рублей. Кроме того, во время богослужений собирал деньги для раненых и сдавал их в госбанк[504].

В Молдавии сохранились 25 монастырей, и монашествующие по собственному почину также помогали войскам Красной армии. Насельницы Каларашевского Успенского монастыря в течение восьми месяцев производили стирку белья раненых бойцов Красной армии из трех госпиталей. Они же безвозмездно снабжали эти госпитали продуктами, передав им из монастырских запасов 3000 кг картофеля. Кроме этого, монахини этой обители передали для советских солдат 600 пудов муки, а также передали на мясо двух волов, двух коров, четырех телят и сорок овец. Из Кошеловского Успенского монастыря для бойцов были отправлены 50 пудов пшеницы и 6 пудов кукурузы. Братия Гиржавского Вознесенского монастыря сдала в фонд Красной армии 106 пудов пшеницы. Ново-Нямецкий монастырь с. Кицканы предоставил для нужд советских войск 60 т картофеля, 6 вагонов (60 тонн) вина, на фураж животным – 4 т ячменя и кукурузы. Припиченский

---

[503] Цит. по: Содоль В.А. К вопросу о взаимоотношениях Советского государства и Русской Православной Церкви в Молдавской ССР в первые послевоенные годы // Покровские чтения: Сб. науч. докл. Кн. 8 . Тираспольско-Дубоссарская епархия. Тирасполь, 2006. С. 44.

[504] Там же.

монастырь св. Троицы оказал продовольственную помощь пшеницей (2 т), кукурузой (7 т), ячменем (2 т), фасолью (400 кг), сеном (1 т) и соломой (10 т). Монахи Киприяновского монастыря пожертвовали 560 кг яблок. Даже молодой (основан в 1943 г.) и малолюдный Злотевский монастырь Св. Георгия передал в фонд Красной армии 1 т хлеба[505].

Советские солдаты также старались оказать помощь монашествующим. В Добрушском монастыре, где располагался штаб 7-го танкового корпуса под командованием генерала Ф. Каткова[506], солдаты обработали 15 га фруктового сада и 3 га ореховых насаждений. В Кицканском монастыре красноармейцы скосили, обмолотили и полностью вывезли зерновые культуры.

В августе 1944 г. немецкие и румынские войска были изгнаны также из центральных и южных районов Молдавии. После завершения освобождения Молдавии руководство Кишиневско-Молдавской епархии провело кампанию по сбору средств приходами и монастырями на военные нужды. В 1944 г. насельники Ново-Нямецкого монастыря пожертвовали на нужды Красной армии 15 000 руб., 8310 руб. на постройку танковой колонны поступило из казны Добрушского монастыря и 1000 руб. – из Каларашевского. На нужды Красного Креста насельницы Фрумосского монастыря пожертвовали 3700 руб., Каларашевского – 1000 руб., Добрушского – 3991 руб. Рудевский монастырь Св. Николая пожертвовал на помощь детям фронтовиков 3000 руб. В качестве военного займа в 1944–45 гг. братия Припиченского монастыря внесла 2000 руб., Кицканского – 10 700 руб., Злотевского – 6000 руб. Насельницы Каларашевского монастыря заплатили 11 600 руб., Кошеловского – 500 руб., Речульского – 1000 руб. (от стареции) и 16 800 руб. (от своекоштных монашенок). Таким образом, на нужды фронта монашествующими Молдавии было собрано более 84 тыс. рублей[507]. В ноябре 1945 г. епископ Кишиневский и Молдавский Иероним направил по случаю 28-й годовщины Октябрьской революции поздравительное письмо на имя И. Сталина, в котором сообщил о пожертвовании Молдавской церковью 200 тыс. руб. «для семей героев Красной Армии»[508]. Учитывая крайнюю бедность монастырей того времени, это была огромная сумма.

---

[505] Там же. С. 38–40.
[506] Иосиф (Павлинчук), иеромонах. Указ. соч. С. 221.
[507] Содоль В.А. Указ. соч. С. 40, 41.
[508] Tihonov L. Op. cit. P. 41.

Помимо добровольных пожертвований, монастыри были привлечены к уплате военного налога. Суммы, выплаченные монастырями по этой статье, сопоставимы с суммами добровольных пожертвований. В 1944 г. Каприяновский монастырь по этой статье внес 1337 руб., Сырбештский – 2505 руб., а Хировский своекоштный – 24450 руб. (по 150 руб. с насельницы монастыря)[509]. В 1945 г. в счет военного налога монахи Гиржавского монастыря выплатили из «братской кружки» 11362 руб., Каприянского – 7650 руб., Курковского – 7025 руб., Припиченского – 3500 руб., Рудевского – 1000 руб., и Хировского – 15 000 руб.[510]

Жесткие условия, в которых довелось функционировать монастырям в 1944–1945 гг., были неизбежны вследствие продолжающейся войны. Взаимные обязательства государства и монастырей, рассчитанные на послевоенный период, определенные Постановлениями СНК СССР от 22 и 29 августа 1945 г., были более мягкими. Они узаконили существование и функционирование на территории страны монашеских обителей, предписывали советским органам не препятствовать деятельности монастырей. В частности, за монастырями были сохранены здания, земля и скот. Монахи были освобождены от уплаты налогов на землю и строения, а также на холостяков[511]. Им было разрешено заниматься промыслами, создавать мастерские.

Пока на территории Молдавии продолжались боевые действия, каких-либо попыток восстановить в епархии церковное управление Св.Синод Русской церкви не предпринимал. Осенью 1944 года советские власти установили для монастырей, как и для других хозяйствующих субъектов, нормы обязательных поставок государству продуктов сельского хозяйства. Эта мера положила конец неуверенности монахов в дальнейшем существовании монастырей, и некоторые монастыри провели озимый сев. Однако насельники многих монастырей сочли установленные объемы поставок завышенными. Ситуация требовала незамедлительного восстановления церковного управления и администрации, способных улаживать отношения между Церковью и властью и решать вопросы внутрицерковной жизни. Московская патриархия действовала таким же образом, как в 1940 г. Как ни странно, к восстановлению структур Киши-

---

[509] НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2, Д. 350, Л. 6; Д. 360, Л. 2 (об.); Д. 363, Л. 1.

[510] Содоль В.А. Указ. соч. С. 40.

[511] Иосиф (Павлинчук), иеромонах. Указ. соч. С. 224.

невской и Молдавской епархии, – возможно потому, что обладал «взрывным характером», – не был привлечен архиепископ Алексий. В сентябре 1944 г. в Молдавию с информационными задачами был командирован епископ Иероним (Захаров). Он совершил две поездки по республике, провел на территории Кишинёвской и Молдавской епархии ревизию состояния церковных дел и возвратился в Москву[512].

Епископ Иероним (Захаров)

Как и следовало ожидать, 31 декабря 1944 г. о. Иероним (Захаров) был хиротонисан во епископа Кишинёвского и Молдавского. Стремясь восполнить нехватку священников, Иероним рукоположил во священники 94 человека. В мае 1945 г. епископ возглавил делегацию Московского патриархата, выехавшую в Бухарест на переговоры с руководством Румынской православной церкви. Румынский патриарх Никодим (Мунтяну) подтвердил каноническую обоснованность восстановления юрисдикции Русской православной церкви над Кишиневской епархией[513]. Однако восстановление церковной жизни шло в епархии медленно, и в январе 1947 г. епископ Иероним получил новое назначение[514].

В поле зрения Патриархии РПЦ с 1940 г. находился о. Владимир Поляков. В 1945 г. он был участником Поместного собора Русской православной церкви. 15 февраля 1947 г. о. Владимир был пострижен в монашество с именем Венедикт, а два дня спустя патриархом Алексием I возведён в сан архимандрита. В тотже день Священным Синодом Венедикт (Поляков) наречен был епископом Кишинёвским и Молдавским[515].

---

[512] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие… С. 133–136.
[513] https://regnum.ru/news/2377821.html.
[514] http://map.mefodiy-kirill-hram.ru/person.php?id=102.
[515] https://www.turkaramamotoru.com/ru/Венедикт-(Поляков)-60772.html.

Епископ Венедикт Поляков. Москва, 1948 г.[517]

Проблем в церковно-государственнных отношениях оставалось немало, но центральная власть ориентировалась на их решение. Согласно докладу «О монастырях МССР», составленному 10–18 сентября 1945 г. аппаратом Совета по делам Русской православной церкви, «Вследствие того, что в 1940 г. в Молдавии у большинства монастырей отбирались либо частично, или целиком (Кицканский и Гержавский монастыри) земельные участки, сады, виноградники, пчелы, у монахов нет уверенности в том, что снова не отберут их хозяйств. Это расхолаживает их в работе и задерживает подъем хозяйства после войны. Твердое закрепление земельных участков, садов, виноградников и других земель, уяснение политики Советского правительства в отношении монастырей и их хозяйственной деятельности создадут условия быстрого восстановления монастырских хозяйств и они могут стать культурными хозяйствами и давать государству не мало хорошей продукции». Инспекторами совета было также отмечено, что «настоятели монастырей не отказывают, а скорее охотно идут навстречу желаниям представителей районных организаций»[516]. Вскоре эти вопросы были урегулированы законодательным образом.

---

[516] Содоль В.А. Указ. соч. С.42–43.

[517] Личный архив митрофорного протоиерея Николая Флоринского, настоятеля Свято-Георгиевской церкви г. Кишинева.

Политической чистки клира советские власти не планировали. Характеризуя позицию верующих и части духовенства, уклонившейся от принудительной «эвакуации» в Румынию, 10 июля 1944 г.
нарком внутренних дел республики И.Л. Мордовец доложил в Москву: «В настоящее время НКВД МССР не зарегистрировал ни одного явного антисоветского выступления среди духовенства и верующих, оставшихся на освобожденной территории МССР. Необходимо подчеркнуть, что большинство священнослужителей открыто проявляют лояльность к Советской Власти»[518].

Выявление предателей и коллаборационистов началось, но в 1944 г. по обвинению в сотрудничестве с врагом был осужден только один священнослужитель – настоятель Кишиневского кафедрального собора Феодор (Прокоп), главный участник многих политико-пропагандистских мероприятий оккупационных властей; он же обеспечил вывоз в Румынию похищаемых ценностей собора. В 1945 г. были осуждены бывший игумен Кицканского монастыря А. Мунтяну, также организовавший «эвакуацию» в Румынию монастырских ценностей, двое приближенных умершего митрополита Гурия и еще десять священнослужителей. Однако трое из последних были реабилитированы как осужденные по клеветническим доносам[519].

В 1946 г. в числе лиц, предававших оккупантам партизан и подпольщиков, были изобличены священнослужители Куркубет, Борисевич, Будяну, Шелару, Мадан, Тимуш, Попович, Мунтян и некоторые другие. Как выяснили органы МГБ, резидент румынской контрразведки священник церкви села Маловатое Куркубет выдал в 1941 г. депутата Верховного Совета Молдавской ССР Сапожникова и ряд просоветски настроенных лиц; они были расстреляны. Священник села Трушены Борисевич донес на четверых советских активистов и выступил на суде свидетелем против них; обвиняемые были осуждены к тюремному заключению. Несколько патриотов предал агент жандармерии Будяну, священник церкви села Резены. Шелару, священник села Изворы Оргеевского уезда, участвовал в допросах арестованных советских активистов и сам избивал их. Заявив, что они — партизаны, священник села

---

[518] Пасат В. Указ. соч. С. 323; Архив МНБ. Ф. 2. Оп. 40. Д. 1. Л. 8.
[519] Иеромонах Иосиф (Павлинчук). Указ. соч. С. 275–277.

Мерешены Мадан обрек на смерть 22 жителя, скрывавшихся в лесу от мобилизации в румынскую армию и схваченных жандармами; крестьяне были расстреляны. Были разоблачены и монахи Цыганештского монастыря, выдавшие оккупантам 7 насельников той же обители, которые снабжали продуктами партизан[520]. Были осуждены 7 священников – постоянных авторов статей антисоветского содержания, опубликованных в газетах и журналах времен оккупации, ряд клириков, активно проводивших антисоветскую агитацию в т.н. «Очагах культуры».

Некоторые священники, особенно возвратившиеся из Румынии, пытались продолжить антисоветскую деятельность. Чекирко, священник села Парканы Сорокского уезда, заявлял в кругу священнослужителей, что службу следует проводить только на румынском языке, проповеди строить на материалах румынской истории и этим воспитывать народ в духе любви к Румынии. Он проводил службу в 18 селах, оставшихся без священников, расставил в храмах верных себе псаломщиков и пытался созвать совещание духовенства без участия священников, приехавших из-за Днестра. Правда, в связи с неявкой большинства приглашенных оно не состоялось. Подобную агитацию проводили также священники Армаш, Трофимов и Кукульский, стремившиеся продвинуться на посты благочинных. Священник Малкоч, в прошлом связанный с румынской жандармерией, составил текст антисоветского содержания и распространял его «среди окружающих». При обыске у заместителя настоятеля Гербовецкого монастыря Иераклия (Флочи), церковного литератора, был обнаружен склад антисоветской литературы и несколько его собственных рукописей антисоветского содержания[521].

При общей оценке политической позиции священнического корпуса времен оккупации советские власти учитывали и деятельность бежавших священнослужителей-румын. «Церковники, – доложило в Москву Министерство государственной безопасности МССР в мае 1946 г., – активно сотрудничали с румынской разведкой и оккупационными органами власти.[…] Эти круги прямо содействовали карательным органам оккупантов, выискивая советский актив и наблюдая

---

[520] Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие... С. 201–206.
[521] Пасат В. Указ. соч. С. 321, 322.

за политическими настроениями населения, помогая властям в выявлении партизан, советских парашютистов и военнопленных Красной армии, бежавших из лагерей, а также способствуя росту числа сторонников румынских властей среди населения путем включения прихожан в националистические организации и читки проповедей в румынском националистическом духе»[522].

В 1948 г., после установления в Румынии народно-демократической власти, в Бухаресте были арестованы и переданы советским властям священники С. Рошка и В. Цепордей – редакторы газет, выходивших в годы оккупации в Кишиневе, «Басарабия» и «Раза». Они были виновны в ведении фашистской пропаганды, а Цепордей уличен также в связях с румынской контрразведкой. Но гражданами СССР редакторы не являлись, и оснований обвинять их в измене Родине не имелось. Цепордей отбыл 7 лет заключения, а Рошка – 4 года.

Священнослужители, привлеченные к суду, были наказаны не за веру в Бога и даже не за политические взгляды, а за конкретные преступления, и трактовать вынесенные им приговоры как гонение на Церковь оснований нет.

Главные проводники церковной политики Бухареста на оккупированных территориях избежали ответственности за свою преступную деятельность. Правда, Митрополиту Виссариону (Пую) Народный трибунал Румынии заочно вынес смертный приговор. Однако не за службу в оккупационном аппарате, а потому, что, бежав после переворота 23 августа 1944 года в Германию, о. Виссарион вошел в состав «правительства Румынии в эмиграции», созданного в конце 1944 г. в Вене главой румынских нацистов Хорией Симой. В годы холодной войны этот приговор только повысил политический вес эмигранта на Западе.

Ни Юлиу Скрибан, предшественник Виссариона на посту главы Румынской церковной миссии в Транснистрии, ни его преемник Антим Ника, ни бывший глава Бессарабской епархии Ефрем Енэкеску, более Виссариона, повинные в репрессиях против инаковерующих и в ведении антисоветской пропаганды, не были даже привлечены к следствию.

---

[522] Там же.

Действуя в традициях народного православия, насельники монастырей и некоторые священники на завершающем этапе Великой Отечественной войны внесли посильный вклад в общенародные усилия по завоеванию Победы. Рецидивов политики государственного атеизма, особенно в 50-е – первой половине 60-х гг. избежать не удалось, но начало нормализации отношений Церкви и Государства было положено уже в годы войны.

X. МОНАСТЫРИ МОЛДАВИИ: ВРЕМЕНА «ЦЕРКОВНОГО СТАЛИНИЗМА» И «ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ»

Одна из задач исторической науки – развенчивание мифов о прошлом.

Молдавия пережила в XX веке два периода румынской оккупации: 1918–1940 и 1941–1944 гг. Церковная политика оккупантов в эти периоды существенно отличалась от церковной политики СССР. Ученые знают о движении за автономию Бессарабской церкви и в защиту богослужения по старому стилю в 20 – 30-е годы и о том, что не «большевики» в 1941-м, а румынская администрация в 1944-м вывезла в Румынию церковные ценности и насильственно «эвакуировала» большинство священников, разрушив в Молдавии церковную жизнь. Тем не менее, в общественном сознании преобладает мнение, что румынские власти поддерживали Церковь, а советские ее преследовали. Выяснение и популяризация правды истории, в том числе истории отношений Православной церкви Молдавии и государственной власти СССР, – непременное условие возрождения религиозной духовности и восстановления роли Церкви в обществе.

В Молдавии рывок в изучении истории Церкви был совершен в 90-е гг. XX века благодаря фундаментальным трудам В.И. Пасата. Несомненный научный интерес представляет и монография доцента Приднестровского университета Вячеслава Содоля «Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность (1944–1962 гг.)» (Тирасполь, 2015. – 256 с.). В наше время, когда многие авторы предпочитают составлять свои труды путем комбинации и переосмысления сведений, почерпнутых на сайтах Интернета, т.е. в научный оборот уже введенных, В.А. Содоль выстроил повествование в основном на материалах Национального архива РМ и Архива Молдавской митрополии, публикуемых впервые. Таким образом, речь идет о действительном пополнении научных знаний по исследуемому вопросу.

Монастырская система – духовная и организационная опора Православной церкви, и судьба монастырей представляет собой важную часть церковной истории. Хронологически период исследования охватывает годы правления И.В. Сталина и Н.С. Хрущева. В 1962 г. в

Молдавии был закрыт последний мужской монастырь, остался один женский – в селе Жабка. Монастыри перестали существовать в республике как система.

Проблематика книги связана также с двумя темами, вызывающими интерес общественности: «Сталин и Церковь» и антицерковная политика времен правления Н.С. Хрущева. Кто же формировал в СССР политику в отношении Церкви? Неписаное соглашение, достигнутое в ночь на 5 сентября 1943 г. во время знаменитой беседы Сталина с митрополитами Сергием (местоблюстителем патриаршего престола), Алексием и Николаем, положило начало новому этапу на пути от конфронтации между государством и Русской православной церковью, к их взаимодействию, особенно нужному в условиях Отечественной войны. Верующие были избавлены от необходимости выбирать между верой в Бога и любовью к Родине. Именно в этот период в стране был реализован принцип свободы совести. Эта политика, явствует из книги В.А. Содоля, оправдала себя и в Молдавии. В последние месяцы нацистской оккупации монашествующие помогали советским партизанам, а после изгнания оккупантов снабжали продуктами госпитали советских войск, ухаживали за ранеными. В свою очередь, советские солдаты помогали монахам в сельскохозяйственных работах, в ремонте монастырей, пострадавших в ходе боевых действий.

Монашествующие жили не на подаяния верующих. Основой существования монастырей была хозяйственная деятельность. Однако поворот в церковной политике не был закреплен в законе, не произошло и существенных перемен в идеологии правящей партии. Поэтому в послевоенные годы отношения монастырей Молдавии с властями были сложными. Данный в книге анализ условий хозяйственной деятельности ряда обителей приводит к парадоксальному выводу: инициаторами мер, осложнявших хозяйственную деятельность монастырей и направленных на их закрытие, выступала не государственная власть, а местные партийные руководители. К счастью, «кадры» решали не все, при жизни Сталина соглашение 1943 г. в основном соблюдалось. Публицисты это время именуют периодом «церковного сталинизма».

После смерти И.В. Сталина, в 1953–1957 гг., инициатива формирования церковной политики переходит от государственных органов к партийному руководству. С укреплением личной власти Н.С. Хрущева началось ужесточение церковной политики в СССР, включая Молда-

вию. Определение этого периода как времени «хрущевских гонений» представляется обоснованным. Разумеется, священнослужителей в эти годы уже не заключали в тюрьмы. Главными методами борьбы с Церковью являлось административное и экономическое давление на монастыри, нацеленное на их ликвидацию: секуляризация землевладений обителей и увеличение налогообложения их хозяйственной деятельности.

Могли ли клирики и верующие оказать сопротивление закрытию монастырей? Две трети монашествующих были женщины, большей частью преклонного возраста. Моральная атмосфера во многих обителях оставляла желать лучшего. Но главное, в 50-е годы в республике произошли коренные социально-культурные перемены, религиозность населения снизилась. Монахини ряда обителей сохранили сестричество, некоторые монашеские общины продолжали существовать без официальной регистрации, но известен только один случай открытого протеста прихожан против закрытия монастыря – в 1959 г. в селе Речула.

Возразим автору: следствием антицерковной политики Н.С. Хрущева стала не только ликвидация монастырей Молдавии. Объективно эта политика представляла собой курс на ограничение прав советских граждан. Она спровоцировала рост сектантства, обострила общественное недовольство его правлением.

Заслуживает исследования вопрос, отчасти также связанный с темой данной работы: каковы были причины возврата Хрущева и политических кругов, чью волю он выполнял, к церковной политике революционных времен, провоцировавшей конфликт в обществе? Эта тема заслуживает специального исследования.

В.А. Содолю принадлежит приоритет в изучении и вводе в научный оборот массива статистических и фактографических данных о хозяйственной деятельности монастырей и быте монашествующих, об отношениях Церкви с партийным аппаратом и государственной администрацией. Выход в свет монографии «Монастыри Советской Молдавии» ограничивает поле действия фальсификаторам истории нашей республики. Книга представляет интерес для специалистов и для всех интересующихся историей Церкви.

История отношений Церкви и Государства заслуживает дальнейшего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народное православие не является феноменом только XX века. Церковь и прежде не обладала монополией на трактовку веры. Принимая важные для православия решения, Церковь Молдавии уже в Средневековье была вынуждена считаться с позицией верующих. Сила Церкви в критические моменты молдавской истории определялась единством веры и воли духовенства и народа. Поэтому православие изначально являлось неотделимой частью молдавской этнокультурной сущности, стержнем молдавской самобытности. На протяжении веков православная Церковь участвовала в формировании молдавского книжного языка, являлась хранительницей традиционных культурных ценностей молдавского народа, гарантом его идентичности.

Исторически связаны в Молдавии православие и государственность. Отношения между Церковью и властью не всегда были безоблачными, во времена правления господарей-тиранов они приобретали конфликтный характер. Однако с первых десятилетий существования Молдавского княжества православная Церковь играла важную роль в формировании представлений молдаван о своей миссии хранителей и защитников православной веры. Духовно окормляя и сплачивая подданных Молдавского княжества, освящая господарскую власть, Церковь способствовала утверждению молдавской государственности. Общность веры на протяжении всей истории Молдавии обеспечила мирный характер отношений молдавского и русинского населения, способствовала развитию связей Молдавского княжества с другими православными странами.

Православная церковь Молдавии участвовала в формировании геополитической ориентации молдавского народа на православную Русь и в осуществлении программы молдавского освободительного движения. Она поддержала начинания Георгия Стефана и Дмитрия Кантемира, других правителей, чья политика была направлена на сближение Молдавии с Москвой, и выдвинула из своей среды выдающихся церковных и государственных деятелей митрополитов Гедеона, Досифея, Гавриила Бэнулеску-Бодони. После объединения Молдавского княжества с Валахией Православная церковь Молдавии во главе с митрополитом Молдавии Калиником Миклеску выступила за восстановление молдавской государственности.

Во времена политических потрясений первой половины XX века Православная церковь оставалась влиятельным общественным институтом. В Бессарабии народное православие проявлялось в участии священнослужителей и верующих в защите социальной справедливости и традиций православия, ставших традициями народа. Наиболее массовый, организованный и политически действенный характер народное православие приобрело в Бессарабии в период румынской оккупации 1918–1940 годов.

Веру в Бога официальный Бухарест пытался противопоставить социальной доктрине коммунизма. Задачами Румынской церкви как государственного учреждения и органа политической пропаганды, являлось также исключение из богослужения и церковного обихода Бессарабских епархий церковнославянского и русского языков и румынизация населения области. В борьбе с церковными протестантами и инаковерующими румынские церковные администраторы прибегали к содействию полиции и судебных органов.

Однако духовенство и верующие не смирились с антиканоничным переводом Бессарабских епархий Российской православной церкви под юрисдикцию митрополии Румынии. Проповедуя румынизм, официальную идеологию румынского государства, добиваясь исключения русского языка из богослужения и разрыва бессарабских священнослужителей и верующих с Московской патриархией, РумПЦ вошла в конфликт не только с Русской православной церковью, но и с общественностью Бессарабии.

Главной силой, духовно противостоявшей церковной агрессии Бухареста, стало народное православие. При поддержке мирян священники развернули движение за автономию Бессарабской церкви. Священники приняли участие в оппозиционном Бухаресту движении бессарабских регионалистов. Подавить его патриархия Румынии смогла только в 30-е гг. Однако духовно сломить это поколение бессарабских священнослужителей оккупанты не смогли. Превращение Бессарабской митрополии Российской православной церкви в епархии румынские было осуществлено методами насилия, ценой замены части местного клира на священников, направленных в Бессарабию из Румынии. Дореволюционное бессарабское священство было отчуждено от богослужения.

Запрет на использование в богослужении и церковном обиходе церковнославянского и русского языков, перевод богослужения с Юлианского на Григорианский календарь были нацелены на геополитическую переориентацию населения оккупированных территорий Молдавии и Украины. Эта политика встретила стойкое сопротивление бессарабского духовенства и верующих. Во второй половине 20-х гг. в полной мере проявило себя массовое народное движение в защиту традиций православия. Перевод патриархом Румынии Мироном Кристя богослужения с Юлианского на Григорианский календарь спровоцировал в Бессарабии движение в защиту богослужения по старому стилю. Оно приобрело характер духовного бунта и так и не было подавлено.

Не смирилась с иностранным вторжением на свою каноническую территорию Российская православная церковь, отделенная от государства. Она протестовала против перевода Бессарабских епархий под юрисдикцию Румынской церкви, оказывала моральное содействие сторонникам богослужения по старому стилю. Воодушевляли бессарабских защитников православной традиции и структуры РПЦ за рубежом.

Политика духовного насилия, проводимая РумПЦ в Бессарабии, вносила смуту и раскол в среду священнослужителей и мирян, подрывала целостность и моральный авторитет церкви, способствовала распространению сектантства и, таким образом, являлась объективно антиправославной.

Провоцируя враждебность к румынской власти даже в аполитичной среде, церковная политика Бухареста расширяла социальную базу Бессарабского освободительного движения. В 1940 г. большинство православных верующих Бессарабии приветствовало воссоединение области с Россией/СССР.

Возвращение Бессарабских епархий под юрисдикцию Российской православной церкви состоялось в соответствии с каноническими правилами и при поддержке верующих и местного духовенства. Клир и верующие приветствовали церковное воссоединение, а разрешение богослужения по старому стилю расценили как акт духовного освобождения.

После начала Второй мировой войны руководство СССР шло к осознанию необходимости сплочения граждан на широкой патриотической основе, начался процесс урегулирования порожденного революцией

конфликта между Государством и Церковью. Несмотря на рецидивы государственного атеизма, допущенные молдавскими коммунистами, церковная политика, проводимая в Бессарабии накануне войны, оказалась достаточно сбалансированной.

Советские власти не предприняли попыток использовать Церковь в качестве органа пропаганды. В отличие от официального Бухареста, ни Россйиская православная церковь, ни советские власти не принуждали священников совершать богослужения за победу Красной армии. Тем не менее, Церковь внесла свой вклад в мобилизацию населения Молдавии на защиту Родины в начале Великой Отечественной войны.

Приложения

Приложение 1

10 (7)1918.

Послание Святейшего Патриарха Тихона Священному Синоду Румынской Церкви по поводу отторжения ею Кишиневской епархии Российской Православной Церкви Священному Синоду Румынской Церкви

Тихон, Божиею милостию Патриарх Московский и всея России

В апреле текущего 1918 года Высокопреосвященный Пимен [Джорджеску], митрополит Молдавский и Сочавский, возглавлявший в то время Румынскую Церковь, телеграммою уведомил Нас, что вследствие состоявшегося политического присоединения Бессарабии к Румынии, православное население, живущее в означенном крае, канонически подчиняется юрисдикции Православной Церкви Румынского государства. 154 10(?).1918.

В ответ на это извещение Мы направили на имя Его Высокопреосвященства нарочитое Наше послание, в котором братски просим Румынский Святейший Синод обсудить этот вновь возникший спорный церковный вопрос путем надлежащих канонических сношений между Русской и Румынской Церковью и при участии клира и церковного народа самой Кишиневской епархии.

К глубокому прискорбию, Наше братское обращение к Румынскому священноначалию, не нашло в среде последнего сочувственного отклика; Высокопреосвящённый митрополит Пимен [Джорджеску] и Священный Синод Румынской Церкви предпочли тотчас же прервать дальнейшие сношения с Нами и предъявить к архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Анастасию [Грибановскому] и викариям Кишиневской епархии Гавриилу [Чепуре], епископу Аккерманскому, временно управляющему епархией, за пребыванием архиепископа Анастасия [Грибановского] на Священном Соборе в Москве, и Дионисию [Сосновскому], епископу Измаильскому, требование, чтобы они немедленно подчинились вместе со своею паствою юрисдикции Румынской Церкви, но так как архиепископ Анастасий [Грибановский] и

оба его викария не могли исполнить этого противозаконного распоряжения румынской церковной власти, то первый был объявлен Румынским Синодом устраненным от должности, а вторые, уступая насилию, вынуждены были сами сложить с себя свои полномочия и покинуть Бессарабию. Одновременно с этим управление Кишиневской епархией было поручено епископу Хушскому Никодиму [Никулеску], который и занял ныне Кишиневскую кафедру. Таков ход событий, который постепенно привел к нынешнему ненормальному и тяжкому положению Бессарабской Церкви. Обсудив его со всякою тщательностью и полным беспристрастием, Мы пришли к следующим заключениям, опирающимся не на Нашем только личном убеждении, но на каноническом сознании иерархов всей Русской Православной Церкви.

1. Румынская Церковь своим односторонним, предпринятым без согласия Русской Церкви решением не имела права определить судьбу Кишиневской епархии в смысле подчинения ее своей власти после того, как Православная Бессарабия в течение ста лет составляла нераздельную часть русского церковного тела: такой образ действий Румынского Священного Синода противоречит одинаково и духу христианской любви, и исконным каноническим указаниям и священным обычаям Православных Церквей. Указание на то, что будто политическое единение всегда влечет за собой и единение церковное, не может в данном случае служить оправданием для Румынской Церковной власти, во-первых, потому, что оно само не оправдывается историей, и, во-вторых, потому, что такая точка зрения покоится на смешении природы церковной и политической жизни, разнородных по самому своему существу. Государственный меч не может, как известно, сам по себе определить границы Поместных Церквей: пределы юрисдикции последних устанавливались всегда известными каноническими нормами, нарочитыми соборными определениями или взаимным соглашением отдельных Церквей. В данном случае не было налицо ни одного из этих условий. И к тому же и самый акт присоединения Бессарабии к Румынскому Королевству, как Мы утверждали это и ранее, далеко еще не является общепризнанным с международной точки зрения и может быть подвергнут пересмотру при окончательном учете результатов мировой войны.

2. Отторгнув насильственно от Всероссийской Церкви Кишиневскую епархию, как часть принадлежащего Ей достояния, Румынская

церковная власть не только нарушила издревле установленный церковный чин и порядок, но и внесла смущение и соблазн в жизнь и сознание Бессарабского церковного клира и паствы, которые в своей совести не могут не чувствовать себя обязанными каноническим подчинением Русской иерархической власти, а фактически должны состоять в ведении румынских епископов, поддерживаемых в своих притязаниях на Бессарабскую Церковь военной и гражданской румынской властью.

3. Предъявленное Румынским Священным Синодом по отношению к архиепископу Анастасию [Грибановскому] и епископам Гавриилу [Чепуре] и Дионисию [Сосновскому] требование отложиться вместе со своею паствою от Церкви Всероссийской и подчиниться юрисдикции Церкви Румынской, будучи антиканоническим по существу, является в то же время посягательством на свободу их архиерейской совести, которая не могла допустить отступления от долга присяги, данной ими при рукоположении.

Сама обстановка, при которой епископы Гавриил [Чепура] и Дионисий [Сосновский] покинули Бессарабию, носит характер насильственного изгнания их из епархии, так как они были крайне стеснены сроком для ликвидации служебных и личных дел и не получили даже разрешения проститься со своей паствою.

4. Обращенное к архиепископу Анастасию [Грибановскому] обвинение в том, что будто он пренебрег двумя каноническими призывами явиться в Румынский Синод, не может иметь действительной силы даже с румынской точки зрения, ибо оба приглашения были отправлены ему по телеграфу в Кишинев, а он находился в это время на Священном Всероссийском Соборе в Москве, сношения которой с Бессарабией были крайне затруднительны и часто совсем невозможны, о чем своевременно извещены были и иерархи Румынской Церкви. Поэтому и сделанный отсюда Румынским Синодом вывод, что архиепископ Анастасий [Грибановский] признается добровольно оставившим епархию, является несправедливым по существу и по форме, так как означенный Преосвященный никакого заявления об оставлении им вверенной ему епархии ни русской, ни румынской церковной власти не делал, то он должен считаться сохранившим свои полномочия по отношению к Кишиневской кафедре и доселе ни в коем случае не может быть лишен их без участия Русской Церковной власти, от которой он получил свои канонические полномочия.

5. А если так, то вступление в управление Кишиневской епархией епископа Хушского Никодима [Никулеску], как “пришедшего в иный, не подчиненный ему град” и “насильственно подчинившего себе епархию, которая прежде не была под его рукой”, – должно быть признано незаконным и не может не подлежать осуждению по разуму священных канонов Православной Церкви (35-е правило Святых Апостолов; 8-е правило III Вселенского Собора; 21, 22-е правила Антиохийского Собора).

Представляя изложенное вниманию боголюбезнейших епископов единоверной нам Румынской Церкви, Мы уповаем, что они, как подобает мудрым, без ограничения примут то, что повелевает Нам сказать пред ними Наш священный канонический долг и поспешат сойти с того опасного пути, на который они стали ныне по отношению к Бессарабской Церкви и который может привести к тяжким и печальным осложнениям в отношениях между Российской и Румынской Православными Церквами.

Если же этого не последует, если Румынская Церковь, невзирая на выставленные Нами возражения, попытается насильственно закрепить за собой положение, вынуждены будем прервать всякое братское и каноническое общение с Румынским Синодом и перенести настоящее дело на суд других Православных Церквей.

Родная страна. 1918. N 203. (18) 31 окт.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2-х частях / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института. С. 153–155.

* * *

Приложение 2

23.05(05.06)1918. N 1396.

Послание Святейшего Патриарха Тихона Председателю Синода Румынской Церкви, митрополиту Молдавскому и Сочавскому Пимену [Джорджеску] по вопросу об отторжении Кишиневской епархии Российской Православной Церкви Синодом Румынской Церкви

“ ...Малороссия, – указывает Патриарх Тихон митрополиту Молдавскому Пимену [Джорджеску] в грамоте от 23 мая (5 июня) 1918 г. (И 1396), по поводу захвата Кишиневской епархии, – присоединена была к Московскому государству в 1654 году, но это не помешало ее Церкви оставаться в течение 32 лет под юрисдикцией Константинопольского Патриарха”. ...

Вполне был прав Патриарх Тихон, не признавая перехода Кишиневской епархии под власть Румынской Церкви. “Малороссия, – пишет он митрополиту Пимену, – присоединена была к Московскому государству в 1654 году, но это не помешало ее Церкви еще в течение 32 лет после означенного политического акта оставаться под юрисдикцией Константинопольского Патриарха; невзирая на неоднократные просьбы Московской церковной и светской власти о передаче Киевской Митрополии в ведение Московского Патриарха, Вселенские Патриархи долго не уступали Москве своих прав над Малороссией, пока, наконец, Патриарх Дионисий не решил этого вопроса в благоприятном для Русской Церкви смысле на нарочито созванном для этого Соборе”.

Вполне правильно и заявление Патриарха Тихона в послании Румынскому Синоду, что “пределы юрисдикции Поместных Церквей устанавливались всегда известными каноническими нормами, нарочитыми соборными определениями или взаимным соглашением отдельных Церквей...” Вполне согласно с канонами и историческими прецедентами Патриарх Тихон в своей упомянутой грамоте митрополиту Пимену указывает на необходимость узнать при решении вопроса о Бессарабской епархии волю ее народа и клира. “ Представляется вполне естественным и даже необходимым, – пишет он, – запросить ныне

бессарабский церковный клир и народ, как и в каком виде они хотели бы определить ныне внутреннюю жизнь своей Церкви и установить Ее отношение к Русской и Румынской Церквам. Ни та, ни другая не могут, конечно, взять на себя ответственности за решение судьбы Бессарабской Церкви, не выслушав предварительно голоса двухмиллионного православного населения края... Этот голос населения лучше всего мог бы быть выражен через местный Собор или епархиальное Собрание, которое должно быть нарочито созвано для обсуждения будущего положения и устройства Бессарабской Церкви". А послание Патриарха Тихона по тому же вопросу Румынскому Синоду указывает, как на признак антиканоничности присоединения Бессарабии к Румынской Церкви, на несогласие с этим актом епископов Кишиневской епархии... (ср. послание Карловацкого Синода от 16/29 июля 1924 г. – Церковные Ведомости. 1924. N 15/16. С. 9).

"Когда в новейшее время, – говорится в грамоте Патриарха Тихона митрополиту Молдавскому и Сочавскому Пимену от 23 мая (5 июня) 1918 г., – национальное движение среди православных народов, подвластных Турецкой империи, вызвало к самостоятельной политической жизни несколько новых государств, то у последних тотчас же возникло стремление к самостоятельному устроению местной церковной жизни, однако отделение их от Константинопольского патриархата совершалось не иначе, как с согласия Вселенского Патриарха и признания такового со стороны других автокефальных Церквей. Так, последовавшее в 1882 году провозглашение Молдавии и Валахии самостоятельным Румынским Королевством вызвало в последнем стремление освободить Румынскую Церковь от юрисдикции Константинопольского Патриарха; румынский король хотел совершить это только своею собственною властью, но Константинопольский Патриарх решительно восстал против столь очевидного нарушения канонических правил, его протест был поддержан и другими автокефальными Церквами, и Румынская Церковь поневоле должна была снова вступить в сношения с Вселенским Патриархом, чтобы получить от него каноническое признание своей независимости, последовавшее, как известно, только в 1885 году..." [в изложении]

Троицкий С.В. Размежевание или раскол. Париж. 1932.
Акты Святейшего Тихона. С. 134–136.

* * *

Приложение 3

«НА НАШЕМ НАЦИОНАЛЬНОМ ЦЕРКОВНОМ ЯЗЫКЕ…»

В феврале 1930 г. румынские власти закрыли частную церковь, открытую в Кишиневе общественной организацией – Объединением Русского меньшинства в Румынии. Против церкви и ее священника о. Николая Бинецкого, чья «вина» заключалась в том, что богослужения он проводил на церковно-славянском языке, а с верующими разговаривал на русском, было возбуждено следственное «дело». «Меморий» представляет собой объяснительную записку руководителей русской национально-культурной организации следственным органам и позволяет судить о положении Русской церкви в Бессарабии в период румынской оккупации.

5 июня 1930 года перевод «Мемория» на румынский язык, подписанный Председателем Совета Русского меньшинственного объединения в Румынии Г. Цамутали и секретарем организации В. Датием, был передан судебному следователю. Опасаясь быть неверно понятыми, составители присовокупили к переводу и приведенный ниже оригинал на русском языке.

Демарш успеха не имел. К следствию были привлечены десятки прихожан. На протяжении долгих месяцев их допрашивали «с пристрастием» в сигуранце, в существующем и поныне здании на углу улиц Пушкина и Пирогова. Русскую церковь румынские власти закрыли. Но «Меморий» остается документом духовного сопротивления.

МЕМОРИЙ

О праве русского меньшинства в Румынии, исповедующего православную веру, иметь самостоятельную церковную организацию и совершать богослужение в соответствии со своим церковным укладом

1. Русское меньшинство в Румынии

Румыния, в современных ее границах, населена не только Румынами: в ней проживают и другие народности, как то венгры, немцы, болгары, армяне, турки, евреи и т.д. Живут в ней также русские в значительном количестве.

Народности эти по отношению к румынскому большинству населения именуются меньшинствами расовыми, языковыми и конфессиональными. Меньшинства не являются иностранцами. Они Румынские граждане, однако не принадлежат к румынскому большинству страны, отличаясь от него либо этническим происхождением, либо религией, либо языком.

Таким же образом русское Меньшинство состоит из румынских граждан, которые отличаются от румын своим языком, своей верой и своим происхождением и которые сами себя считают русскими.

Меньшинство это имеет свою особую организацию, которая называется Объединение Русского Меньшинства в Румынии.

2. Юридические основания права Меньшинств

Для того, чтобы создать Великую Румынию в ее современных границах, потребовалось примирить между собою целый ряд разнообразных интересов, среди которых и интересы национальные.

Поэтому Великие Державы прежде чем признать за Румынией нынешние границы, создавшиеся как следствие волеизъявления в Кишиневе, Черновицах и Альба-Юлии, заключили с нею в Париже 9 декабря 1919 года особый договор, который прямо имел в виду вопросы о Национальных Меньшинствах, которые будут проживать в новых границах Великой Румынии.

Договору этому предшествует особое введение, в котором указано, что Румыния принимает на себя по собственному своему желанию обязательство дать твердые гарантии свободы и права всем народностям, населяющим как Старое Королевство, так и вновь присоединенные провинции.

Из договора этого, опубликованного в Правительственном Вестнике № 140/1920 года, явствует следующее: параграфы от 1 до 8 включительно этого договора объявлены конституционными, так как положения, выраженные в них, приравнены к основным законам Румынского Королевства. Посему никакой закон, наказ или распоряжение не могут находиться с ними в противоречии. \Параграф 1\. Договор \параграф 9\ устанавливает положение о меньшинствах в смысле, указанном выше, и признает за меньшинствами право создавать, вести и содержать за свой счет благотворительные, религиозные и общественные учреждения, школы и вообще культурно-просветительные учреждения, и право вместе с тем свободно пользоваться родным языком и свободно отправлять свой культ.

Затем договор вообще обязывает Румынское Государство гарантировать всем своим гражданам без различия происхождения, национальности, языка, расы или вероисповедания полную и действительную охрану прав и свобод вообще и, в частности, свободное право отправлять как публично, так и частным образом какое бы то ни было верование, культ или религию, при условии только чтобы таковые не противоречили общественному порядку и добрым нравом. Эти постановления международного договора, которые торжественным образом были приравнены Нашим Государством к своим основным законам, находятся вместе с тем в полном согласии с собственной конституцией нашей страны. Именно как в старой Конституции от 1866 года и в ее видоизменениях от 1879, 1884 и 1917 годов, так и в новой Конституции 1923 года торжественно вписан принцип, что свобода совести является абсолютной. В новой же Конституции полностью повторен параграф 2 раздела 2 упомянутого выше договора.

3. Свобода вероисповедания применительно к Русскому Меньшинству

Таким образом установлено, что Русскому Меньшинству в Румынии принадлежит неоспоримое право свободно отправлять как публично, так и частным образом любую веру, культ или религиозную практику, лишь бы таковые не находились в противоречии с общественным порядком и добрыми нравами.

Тот факт, что Русское Меньшинственное Объединение имеет в городе Кишиневе свою собственную Церковь, созданную и содержимую на его собственные средства, и что в Церкви этой отправляются богослужения как публичного, так и частного характера, отнюдь не является достаточным для того, чтобы Гражданские власти могли не допускать совершения подобных богослужений. Лишь в том случае, если будет доказано, что через отправление своего культа Русское Меньшинственное Объединение нарушает общественный порядок или добрые нравы, тогда и только тогда может возникнуть вопрос о привлечении его к ответственности и прекращении отправления им своего культа после судебного по сему поводу приговора. То обстоятельство, что Духовные власти господствующей в Румынии Православной Церкви считают отправление культа, совершаемого в Церкви Русского Меньшинственного Объединения в Кишиневе, идущим вразрез со своими распоряжениями и постановлениями и нарушающими, по их мнению, каноны Православной Церкви, еще не дает право Гражданским властям на прекращение богослужения и закрытие Церкви. Полагаем, что если принять во внимание все вышеизложенное по этому вопросу не может быть двух мнений.

4. Особенности церковного уклада Русского Меньшинства

Мы, Русское Православное Меньшинство в Румынии, исповедуем веру в Единую, Святую Соборную и Апостольскую Церковь, так как вера эта исповедовалась и исповедуется Русской Восточной Православной Церковью.

Мы не создали никакой новой религии, веры или секты.

Мы только остаемся верны той вере, которую передали нам наши отцы.

Мы принадлежим к Единой Вселенской Православной Церкви, к которой принадлежит и Румынская церковь.

Вселенская Церковь едина, хотя состоит из нескольких поместных Церквей, которые образовались из отдельных народов и которые отличаются друг от друга своими национальными особенностями и различным внешним строем, а также церковным укладом.

Судьбе угодно было, чтобы между Русской и Румынской поместными церквами создались следующие отличия:

1. Мы совершаем Богослужение на Славянском языке, то есть на нашем национальном церковном языке, что является отличием не по существу. А лишь по форме.

2. Мы пользуемся в Церкви старым календарем. Тем не менее, мы полагаем, что вместе с Румынскою Церковью мы исповедуем ту же Восточную Православную Веру.

Поэтому мы просили Румынскую церковь принять нас в свое каноническое приклонение, конечно, при условии сохранения указанных выше особенностей, из которых вытекают с несомненностью следующие права:

1. иметь свои отдельные церковные Общины, в которых служба совершалась бы на славянском языке и по старому календарю.

2. избирать членов клира, что допускается Церковными канонами и что имеет место в некоторых Православных Восточных Церквах.

Однако просьба наша о приклонении на вышеуказанных условиях Румынской церкви была отвергнута Церковными властями. Таким образом, мы не были допущены в лоно Румынской церкви и за нами не было признано право, право, которое принадлежит нам на основании тысячелетней давности и которое заключается в том, чтобы исповедовать свою веру так, как нам завещали наши предки.

Однако хотя не по нашей вине порвалась связь с Румынской Церковью, мы продолжаем считать ее нераздельной частью Единой Вселенской Православной Церкви и готовы и сейчас ей канонически поклониться, само собою разумеется, при условии признания всех наших вышеуказанных особенностей.

Вместе с тем мы открыто заявляем, что никогда не вели и не ведем никакой пропаганды против Румынской церкви, Ее Синода, Епископов

и Иереев. Также утверждаем, что наш священник о. Бинецкий никогда ничего подобного не делал. Одним словом, мы утверждаем, что не ведем под фирмой Русского Меньшинства никакой пропаганды во вред Румынской церкви, а только объединяем румынских граждан русской национальности, которые считают себя православными, дорожат унаследованным от предков церковным укладом.

Вместе с тем мы заявляем, что будем непоколебимо защищать свое право на свою Национальную Православную Русскую Церковь, право, которое гарантировано нам международными договорами, Конституцией Румынии и вообще современными понятиями о свободе совести.

Всякое нарушение нашей свободы исповедовать нашу веру так, как нами это понимается, наносит тяжкий ущерб нашим конституционным правам.

Посему все, кто будет чинить нам препятствия в осуществлении наших прав, повинны будут в превышении власти и административном произволе и будут привлечены нами к законной ответственности, как перед судебными установлениями страны, так и перед теми учреждениями, которые указаны в Международных договорах.

В заключение считаем нужным указать, что церковная практика, которой мы придерживаемся и которую унаследовали от отцов, является господствующей в целом ряде стран и что и речи быть не может о том, что такой культ может противоречить общественному порядку и добрым нравам. Нас совершенно напрасно вызывают на допросы, ибо, как бы строго не велось против нас следствие, никогда и ни при каких условиях не удастся обнаружить в нашей деятельности чего-либо идущего против общественного порядка или добрых нравов.

Мы утверждаем также, что в нашей деятельности не заключается чего-либо противного Церковным канонам, хотя последний вопрос лежит совершенно вне сферы компетенции светских властей.

Так как ввиду всего вышеизложенного нет решительно никаких оснований возбуждать против нас уголовное преследование, мы просим прекратить начатое следствие[523].

---

[523] НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. 6300. Лл. 30–32 об.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДАННОЙ КНИГИ

1. Политика румынских властей и кризис православной церкви в Бессарабии. 1918–1940 годы // Отечественная история. [Москва] 1998. № 5. С. 158–167.

2. Досье подвижника. Общественная деятельность Иеремии Чекана по материалам румынской тайной полиции. // Русский альбом, 2002. Вып. 7. С. 117–131.

3. Евродиктат // Коммунист. 2002. 15 мая.

4. Старообрядцы и оккупация. 1941–1944 // Старообрядцев Молдавии живое слово. Материалы международной научно-практической Конференции «Старообрядчество Молдавии: истоки и современность». 14–16 декабря 2002 г. Кишинев, 2003. С. 78–89.

5. Кризис идентичности в Молдавском княжестве (20-е–50-е гг. XIX века // Мысль. 2004. № 2 (24). С. 54–64.

6. Кризис православной церкви в Бессарабии (1918–1940) // Труды Современного Гуманитарного института. Кишинев, 2006. Вып. 3. С. 92–107.

7. Борьба за автономию Бессарабской Церкви (1918–1940) // Покровские чтения. Статьи и материалы (избранное). Кн. 9. Тирасполь, 2007. С. 88–96.

8. Румынская церковная миссия в «Заднестровье» (1941–1944) // Мысль: [Кишинев], 2006. № 4 (34). С. 84–87.

9. Православная церковь «Заднестровья» в годы румынской оккупации. 1941–1944 годы // Покровские чтения. Книга 8. Статьи и материалы. Тирасполь, 2006. С. 62–67.

10. Роль православия в формировании молдавской культурной идентичности. В кн.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестровского ун-та, 2007. С. 59–70;

11. Иеремия Чекан, священник и общественный деятель // Покровские чтения. Кн. 11. Тирасполь, 2010. С. 59–65; // Русское поле. 2010. № 1. С. 142–153.

12. Бессарабская Церковь: автономизм и защита православной традиции. В кн.: Бессарабский фронт. 1918–1940. Кишинев: Grafic-Design SRL, 2010. С. 140–182;

13. Иеремия Чекан, священник и общественный деятель. Там же. С. 183–202;

14. Меморий «О праве русского меньшинства в Румынии, исповедующего православную веру, иметь самостоятельную церковную организацию и совершать богослужение в соответствии со своим церковным укладом». 5 июня 1930 г. Там же. С. 258–263.

15. Бессарабская Церковь: автономизм и защита православной традиции. В кн.: Шорников П. Бессарабский фронт. (1918–1940 гг.). 2-е изд,, перераб. и доп., Тирасполь: Полиграфист, 2011. С. 181–218;

16. Меморий «О праве русского меньшинства в Румынии, исповедующего православную веру, иметь самостоятельную церковную организацию и совершать богослужение в соответствии со своим церковным укладом». 5 июня 1930 г. Там же. С. 281–285.

17. Церковная агрессия Румынии. 1941–1944 гг // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.). Сб. докладов международной научной конференции. Москва, 2011. С. 162–187.

18. Agresiunea bisericască. В кн.: Şornikov Petru. Moldova în anii celui de-al doilea război mondial. Petru Şornikov/ Chişinău, 2013. (F.E.-P. "Tipogr. Centrală"). P. 192–209;

19. Православная Церковь, народ и власть в Молдавском княжестве // Эволюция молдавской национальной и политической идентичности: сущность и характер ее восприятия внутри страны и за рубежом (к 655-летию образования Молдавского государства). 8 sept. 2014, Chisinau: CEP USM, 2014. PP. 10–21.

20. Церковная агрессия. В кн.: Шорников Петр. Молдавия в годы Второй мировой войны: К 70-летию Великой Победы над фашизмом: [Монография] / Петр Шорников; науч. ред.: Назария Сергей, Поливцев Владимир; Ассоциация историков и политологов "Pro Moldova". Фонд «Историческая память». Кишинэу: Б.и., 2014. С. 213–231;

21. Монастыри Молдавии: времена «церковного сталинизма» и «хрущёвских гонений». Рец. на кн.: Содоль В.А. Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность (1944–1962 гг.). Тирасполь: Stratum Plus, 2015. // Русское слово [Кишинев], 2015. № 41 (536), 20 ноября.

Об авторе

Актовый зал ПГУ. 13 июня 2013 г.

Петр Михайлович
ШОРНИКОВ

Родился в 1949 г. в селе Пересечино Оргеевского района Молдавии. Кандидат исторических наук (1986), доцент Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Автор монографий:

1. Промышленность и рабочий класс Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны (Кишинев, 1986).
2. Цена войны (Кишинев, 1994).
3. Покушение на статус (Кишинев, 1997).
4. Молдавская самобытность (Тирасполь, 2007).
5. Поля падения (Кишинев, 2009).
6. Бессарабский фронт (Кишинев, 2010; Тирасполь, 2011).
7. Молдавия в годы второй мировой войны (Кишинев, 2013, 2014).

Участвовал в написании коллективных трудов:

1. История Молдовы с древнейших времен до наших дней (Кишинев, 1997, 2002, 2015).
2. История Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь, 2001).
3. Феномен Приднестровья (Тирасполь, 2001, 2003).
4. История и культура гагаузов (Кишинев–Комрат, 2006).

5. Молдаване (Москва, 2010).
6. Гагаузы в мире (Москва, 2012).
7. История Республики Молдова (Кишинев, т. 3, 2016).

Лауреат Государственной премии ПМР в области гуманитарных наук (2003).

Награжден российским Орденом дружбы (2013).

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Шорников Петр Михайлович

НАРОДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В МОЛДАВИИ

Очерки истории

Корректоры: *К.Д. Гайдаржи, О.Ю. Ершова, А.В. Колодина*
Компьютерная верстка *М.Н. Грибиненко*

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16.}$
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman, Georgia. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,49. Тираж 100 экз. Заказ № 1162.

Отпечатано на ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»
Государственной службы средств массовой информации ПМР,
3200, г. Бендеры, ул. Пушкина, 52.